

№ 2(20). 2017

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера:

Терпению ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысел, поэтому святые люди — самые терпеливые. Терпению учит тяжелый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению учит материнство — поэтому настоящие матери самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, *«любовь долготерпит, ... все переносит»*. Кто прошел одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А, по Евангелию, *«претерпевший до конца — спасется»*.

Людмила Яцкевич

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко

Телефон: +7 9118630467

E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России

Игорь Ерофеев — член Союза писателей России

Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России

Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»

Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист

Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ

Александр Новосельцев — член Союза писателей России

Сергей Пылев — член Союза писателей России

Андрей Растворцев — член Союза писателей России

Геннадий Сазонов — член Союза писателей России

Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств

Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован

Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014

Дата выхода номера в свет: 17 апреля 2017 года

Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:

236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Отпечатано в типографии ООО «График Артс»

г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии	
Юрий Максим. <i>Если ты по-русски скроен</i>	4
Проза	
Николай Иванов. <i>Свете тихий. Новелла</i>	8
Анатолий Байбародин. <i>Песня журавлиная моя. Повесть</i>	18
Николай Кокухин. <i>Христофор. Рассказ</i>	40
Поэзия	
Владимир Шемшученко. <i>Стихи</i>	45
Зоя Колесникова. <i>На родине другие облака... Стихи</i>	48
Олег Селедцов. <i>Стихи</i>	51
Валентина Долина. <i>Стихи</i>	54
Берега Новороссии	
Глеб Бобров. <i>Дорога мщения Женьки «Ангарь»</i>	57
Ирина Горбань. <i>Стихи</i>	61
Сергей Прасолов. <i>Стихи</i>	65
Виктория Мирошниченко. <i>Стихи</i>	67
Светлана Сеничкина. <i>Стихи</i>	69
Эляна Суодене. <i>Эффект «Чёрного квадрата»</i>	70
Вологодские берега	
Александр Цыганов. <i>Ночью месяц пёк. Рассказ</i>	71
Олег Сметанин. <i>Басни</i>	75
Переводы	
Андрей Новиков-Ланской. <i>Итальянские сонеты в переложении</i>	81
Молодые берега	
Владислава Броницкая. <i>Стихи</i>	77
Берега истории	
Максим Макаров. <i>Круглый стол «100-летие измены Верховному Главнокомандующему. Уроки Февраля»</i>	121
Борис Галенин. <i>О фантоме февраля 1917</i>	123
Берега культуры и искусства	
Михаил Федоров. <i>«Крыша духовная должна быть общей». К 80-летию композитора Евгения Доги</i>	83
Светлана Савицкая. <i>Призвание России</i>	92
Лидия Довыденко. <i>Стеклодув Юрий Леншин</i>	147
Русский мир без границ	
Екатерина Федорова. <i>Ростовский кремль принял дары Н.Д. Лобанова-Ростовского</i>	96
Евгений Белодубровский. <i>Мой Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский</i>	105
Берега Латвии	
Александр Якимов. <i>Стихи</i>	114
Берега Азербайджана	
Амир Пахлеван. <i>Стихи</i>	118
Критика	
Сергей Пылёв. <i>Земная жизнь в надмирных сферах. О русской святости в поэзии Зои Колесниковой (Покорной)</i>	133
Людмила Яцкевич. <i>Терпение — дом души. О трех рассказах А.А. Цыганова</i>	137
Вера Харченко. <i>Продлить звучание стиха. О сборнике стихов Владимира Шемшученко</i>	140
Бережок	
Татьяна Голоненко. <i>Фамилия обязывает. Рассказ</i>	143
Владимир Конев. <i>Рассказы</i>	145
Наши друзья	
Советуем почитать. <i>Подписка и приобретение журнала</i>	151

Приглашаем к дискуссии

---

*Продолжаем разговор, начатый поэтом и публицистом Сэдой Вермишевой
в журнале «Берега» (№ 1, 2017)*

Юрий Максин

Член Союза писателей России, поэт, журналист, город Устюжна, Вологодская область

Если ты по-русски скроен...

«Согласно закону общей теории систем: «один элемент не может быть в состоянии качественно ином, чем вся система». А система находится в состоянии перерождения и деградации».

*(Из статьи С. Вермишевой
«Писатели в роли коллективного Чацкого»)*

В одной из программ «Поединок», регулярно идущих по второму каналу, прозвучала фраза: «Холуй интеллигентом быть не может, а интеллигент может быть холуём». В связи с этим подумалось: что же должен испытывать интеллигентный человек, слушая этот высоколобый трёп, для которого предоставлен *государственный* канал телевидения. Умникам, приглашаемым на «Поединок», почему-то позволено забалтывать, можно сказать, святые, устоявшиеся в сознании людей понятия.

Но соглашаться с подобными, звучащими на всю страну, выводами — значит, себя не уважать.

Спрашивается: какой такой интеллигент может быть холуём? Ответ простой: да тот самый, который им и является. А раз он холуй, то интеллигентом быть не может. Элементарный логический вывод. Но нет, оказывается, кому-то из холуёв позволено быть интеллигентом. Кому же? О себе любимых, наверное, шла речь. И дело не в хитроумных словесных подтасовках определений. Холуй, как известно, — это подхалим, низкопоклонник; интеллигент — человек, принадлежащий к общественному слою работников умственного труда, образованных людей. Дело во внутреннем, психологическом состоянии человека, в его воспитании.

Один отец наставлял сына: будешь дружить с орлами — научишься летать. Но те «друзья», которые только угождают орлам, летать никогда не научатся. У орлов надо учиться обретению крыльев. И, конечно, прав был классик, когда говорил, что нужно ежедневно выдавливать из себя раба. Хочу добавить: кому — по капле, а кому и по ведру.

В советские времена интеллигенцию называли народной.

Радостно было в этом году видеть молодых учёных, получивших заслуженные награды из рук Президента России.

Но, когда узнаёшь, что артист Броневой является обладателем всех четырёх степеней ордена «За заслуги перед Отечеством», а артист Винокур уже четвёртой и третьей, то поневоле задаёшься вопросом: за какие такие заслуги новая российская власть раздаёт *такие* ордена? И какая от этого польза отечественной культуре? Если нет более достойных, то поберегите награды, не снижайте их ценность в глазах народа. Или это стало также инструментом унижения? Для справки: всемирно известный русский писатель Василий Иванович Белов был удостоен только четвёртой степени ордена «За заслуги перед Отечеством». Излишне объяснять, что труд крупнейшего писателя современности неизмеримо значимее труда не великих, прямо скажем, названных выше артистов. Интеллигентами их назвать язык не поворачивается, хотя бы потому, что принимают награды, не соответствующие их вкладу в отечественное искусство.

Награды — это не подарки к юбилею, а элемент воспитания общества, особенно действенный в воспитании молодёжи.

В стране строится капитализм и, к сожалению, не с человеческим лицом.

Народ должен чётко знать, по какому пути мы идём, кто наш друг, кто наш враг, какие у нас ценности. Сейчас у большинства народа одни ценности, у правящей верхушки уже два с лишним десятилетия другие. Сверху идёт постепенное вытравливание, в подавляющей степени с помощью электронных средств массовой информации, общественного в сознании, гордости общими — страны, государства — успехами: в международной политике, в экономике, в науке, в искусстве; а главное — вытравливание правоты морали общественной над хищнической моралью частного.

Что стало с украинской молодёжью, сориентированной на западные индивидуалистические ценности, мы уже увидели. Если и наша молодёжь не будет знать истинной истории своего государства, если её постепенно вовлекут на путь переоценки ценностей своих отцов и дедов, то результат нетрудно предсказать. Факельные шествия до добра не доводят.

В «загадочной русской душе» золотому тельцу не место. Именно его отсутствие в ней и позволяет сохраняться русскому самосознанию, бескорыстному, православному по своей сути.

В верхних слоях общества, пронизанных денежными потоками, ничего русского в отношениях между людьми не осталось. Олигархат, криминал, спекулянты, крышующие их структуры, — все замешены на деньгах. Не избежали продажной участи и обслуживающие эту, говоря современным языком, «тусовку» эстрадники и политические шоумены.

Те, кто продали свою совесть, однажды ступив на сулящий богатство и успех путь, если не глупы, прекрасно понимают свою холуйскую сущность. Потому и забалтывают всё и вся, тем самым обесценивая — кровью души обрётённые человечеством моральные ценности и идеалы. Да им и не нужно, чтобы их причисляли к интеллигенции, для них *интеллигент* уже давно смешное, почти ругательное слово, такое же, как *дурак*.

Если в понятии интеллигент оставить только составляющую, связанную с развитием интеллекта в результате образования, то магия этого слова, на интуитивном уровне понятная каждому русскому человеку, исчезает. Тогда, действительно, интеллигент может стать холуём, причём холуём высокообразованным, сросшимся со своим хозяином. Правящей верхушке, окружающей себя талантливыми, высокообразованными холуями, следовало бы помнить из истории, что, когда по той или иной причине придётся лишиться своего места во властных структурах, больше других и профессионально топтать их будут эти самые высокообразованные холуи.

Холуй — это не преданный слуга, не друг, это особь с фигой в кармане или с камнем за пазухой. А эти «орудия труда» всегда находили своё применение. К интеллигенту человек с фигой в кармане, будь он хоть трижды высоколобым, не имеет никакого отношения.

Грустно оттого, что это понятие, в общем-то выстраданное, выстроенное в советском обществе, с присущими ему чертами, как и сам советский человек, имя которого звучало гордо, стёрлось.

Обратная метаморфоза произошла со словом *спекулянт*, имевшим в советском обществе отрицательное значение по той причине, что капитал наживался не в производственной сфере, а простой перепродажей товара с целью наживы. Спекулянт теперь — *предприниматель*, а это слово звучит гордо. Но такой предприниматель бесполезен, даже вреден, для государства. Интересна параллель, которую обнаружил в книге Леонида Высокочкова «Николай I», изданной в серии ЖЗЛ: в России «до 1840 года официально существовал термин «бесполезные» евреи, затем он был заменён на «не имеющие производительного труда». «Бесполезные» евреи были заняты преимущественно торговлей, в том числе торговали водкой *в счёт будущего урожая*. Куда ни глянь, много сейчас такого бесполезного человеческого «капитала», в том числе и в литературе. И политики, и политологи всё никак не могут от политических шоу перейти к делу.

Модным теперь стало слово *креативный*, которым обозначают творчески подходящего к делу человека. Мошенники в этом смысле — очень креативные люди, и невольно модным словом их деятельности придаётся привлекательный смысл. Образ интеллигентного человека становится невостребованным, не привлекает общественного внимания и постепенно становится непонятно, кто это такой.

Был ли Чацкий интеллигентным человеком? «Служить бы рад, прислуживаться тошно» — это не холуйская фраза, которую в «Горе от ума» произносит Чацкий, но и до дела ещё далеко. Кем он мог стать, можно только догадываться. Судят, как известно, по делам, поэтому в данном случае в отношении литературного героя уместно будет сказать: не судите, да не судимы будете.

Блестяще служил своему Отечеству в качестве дипломата и литератора создатель «Горя от ума» Александр Грибоедов. И для императора Николая I благо России тоже было на первом месте. И именно ему, а не декабристам, суждено было создать сильную Россию.

Государственное устройство напоминает пирамиду. И если отдельные её составляющие крепко, если не сказать жёстко, скреплены между собой, то такое государственное образование устойчиво от основания до вершины. Нынешнее государственное устройство России представляет собой слоёную пирамиду, слои которой между собой в единое целое крепко не связаны, существуют почти автономно. Власть, к сожалению, не озабочена созданием и применением необходимых скреп. В каждом слое свои деньги, свои, связанные с ними, авторитеты. Чем ближе к вершине пирамиды, тем денег гуще, и главная забота верхнего слоя заключается в том, чтоб его от этих денег не разорвало.

Интеллигенцию ещё называли «прослойкой». Я бы добавил прилагательное *скрепляющая*. Интеллигенция является скрепляющим, вдохновляющим общество материалом. Это роль *честных* образованных тружеников. Где они могут быть востребованы? Должны быть востребованы — от основания до самой вершины. Но они явно «лишние» в слое спекулянтов, а спекулятивными операциями занимаются и многие банки, и криминалитет, и олигархи. Недавно прочёл научное издание из серии «Документы советской истории». Книга называется «Последние письма Сталину 1952 — 1953». Большинство писем написано трудовой интеллигенцией — от студентов вузов до академиков, из разных сфер деятельности. Их письма пронизаны любовью к своему делу, к Отечеству, верой в мудрость вождя, ощущением своей роли в общем созидательном труде.

Сейчас голос народа в Кремле не слышен. Народ безмолвствует — не потому что потерял дар речи, и не потому, что ему сказать нечего. Его никто ни о чём не спрашивает, и слушать не станет. Он есть, но его как будто и нет. Так же, как писателей.

Как ни крути, а интеллигентность связана с нравственными устоями человека, с его верой, с тем, что его вдохновляет на добрые дела. «За Веру, Царя (как помазанника Божьего. — Ю.М.) и Отечество», «Православие, самодержавие, народность» — эти формулы государственной жизни России рождались в умах лучших людей Отечества и не на пустом месте. Их переосмысление в современной жизни — задача правящего слоя, непосредственно главы государства. Не просто интеллектуалов, не высоколобых холуёв, а истинной элиты общества, не утратившей совести и любви к Отечеству. И понимающей ценность и ответственность власти, данной не за миллиарды долларов, а по заслугам перед своим народом.

Надо решить, что мы хотим получить и в ситуации с определением роли Союза писателей России в жизни общества: коллективный голос совести народной или элемент её разрушения; бесконечные метаморфозы искусства ради искусства или умного доброго собеседника, который вслед за Пушкиным мог бы сказать, что «чувства добрые я лирой пробуждал».

Массовое искусство, вписанное сейчас в денежные потоки, финансируемое ими — работает на разрушение всего того, что было создано до смены экономического курса страны. Дальше будем разрушать или начнём созидать? Но прежде не мешало бы знать: что будем созидать? Не зря в своё время приобрёл огромную популярность роман Чернышевского «Что делать?» Мы сейчас тоже на распутье. А рынок сам ничего не регулирует, в этом мы уже убедились.

Верхнему слою современного российского общества, который считает, а не читает, литература не нужна. Но литература, как и прежде, нужна народу, в нём поиск правды и справедливости никогда не угаснет, ему никогда не станут чужды человеческие чувства, не замешенные на деньгах. Писателям как «инженерам человеческих душ» следует помнить завет Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное!» Это и будет их вкладом — вкладом части творческой интеллигенции в просвещение народа, в процветание Отечества. Не зря ведь сказано, что лучшие учителя стоят на книжных полках.

Растерянность, бездействие интеллигенции губительны не только для неё самой. В связи с этим напомним некоторые цитаты из известного памфлета великого Горького «С кем вы, «мастера культуры»?» Ответ американским корреспондентам:

«...Тревожные крики интеллигентов стали обычными. Это естественно: работа интеллигенции всегда сводилась — главным образом — к делу украшения быта буржуазии (речь шла о капиталистическом обществе. — Ю.М.), к делу утешения богатых в пошлых горестях их жизни...»

«Пора бы решить вопрос: с кем вы, «мастера культуры»? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников?»

«Сообразите: несколько десятков тысяч хищников и авантюристов желают вечно и спокойно жить за счёт силы миллиарда трудящихся. Это — нормально? Это — было, это — есть, но хватит ли у вас храбрости утверждать, что это и должно быть так, как оно есть?»

«Не будет преувеличением, если сказать, что пресса Европы и Америки усердно и почти исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей, — уровня и без её помощи низкого».

«О разлагающем влиянии буржуазного кино не стоит говорить, это совершенно ясно».

«Истощение масс значит — истощение почвы, из которой возрастает культура».

«Проповедь любви бедного к богатому, рабочего к хозяину — не моё ремесло».

Памфлет был написан в 1932-м году. А в 1934-м состоялся Первый съезд советских писателей, на котором с основным докладом выступил Горький.

Есть ли в писательской среде современной России такой лидер? Во всяком случае, с лидером придётся определиться. Без этого ничего не получится. Он должен иметь выход во власть и быть для неё авторитетом, а не холуём. Знаменательно, что после беседы с Пушкиным император Николай I сказал: «...я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России».

Мы все разные. Но в Союзе нас прежде всего объединяет литературный труд. За результат труда положено отвечать. Во всяком случае, перед совестью, перед Богом — ответ держать придётся. А если важен суд потомков, то и перед народом, не забывая, что любовь народная даром не даётся. Литература в России воспитывала душу, пронизывала жизнь народа сверху донизу. По отношению к литературным героям можно было судить о месте человека в жизни.

Говорят: кто платит, тот и заказывает музыку. Да, чьи деньги — такая и музыка. Но бесконечные вариации «Мурки» слушать уже надоело.

Грядущий писательский съезд — только начало. Хотелось бы понять и до и после съезда: начало чего? И не разувериться в необходимости писательского Союза, не чувствовать себя «беспольным» писателем.

Союз писателей России с региональными отделениями, ведущими просветительскую работу на местах, конечно, необходим, а в чём будет заключаться его обновление, — решать съезду.

Хочу напомнить и бессмертные некрасовские строки, которые могут служить кредо русского писателя, да и не только писателя, а любого русского интеллигента, если под *лирой* понимать его дело:

*«Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру, неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...»*

Говорят: один в поле не воин. А вот знакомый писатель не устаёт повторять: и один в поле воин, если он по-русски скроен.

А если нас целая дружина?..

Проза

Николай Иванов

Николай Фёдорович Иванов родился в 1956 году в селе Страчево Брянской области. Закончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года, отказавшись опубликовать материалы в поддержку обстрела Белого дома, снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооружённых сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне

1996 года был захвачен в плен боевиками; освобождён через четыре месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. Сопредседатель Правления Союза писателей России. Автор 20 книг прозы и драматургии. В их числе: «Чёрные береты», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Женский пляж», «Спецназ, который не вернётся», «Расстрелять в ноябре, или вход в плен бесплатный», «Новеллы цвета хаки» и др. В Уссурийске и Брянске идут театральные спектакли по произведениям писателя. Лауреат литературных премий имени Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград».

Свете тихий

Новелла

Возле магазина ходила женщина с топором.

Скорее всего, она просто кого-то ждала, но Дима Кречет попятился. Только что в приёмной главы района секретарша, принимая у него с Сергеем куртки, поинтересовалась, добрая душа:

— Можно вас повесить на один крючок?

Фраза не имела никакого подвоха, но они-то помнили, что приехали не просто на родину своего друга, а в партизанские края. Так что и за топором не лишним было бы присмотреть.

— Пароль «Сорок девять», — прошептал Кречету Сергей, благословляя того на штурм стеклянной дверной амбразуры хозяйственного магазина.

С современными паролями гуманитарии, вроде Димки Кречета, на войне первые кандидаты на отстрел. Названия городов или абракадабры про «славянские шкафы» канули в лету, уступив место всеильной цифре. Да и что может быть проще для распознавания врага: начштаба назначает паролем любое число, и часовой уже не кричит: «Стой. Кто идёт?» Он сам называет первую пришедшую на ум цифру и ждёт с автоматом наизготовку, когда неизвестный прибавит к ней недостающие баллы. Арифметика, третий класс. Но Кречета боец под Пальмирой уложил мордой в вековую сирийскую пыль как раз после того, когда тот не смог быстро вычесть из сорока девяти услышанные «тринадцать».

Стражнице у дверей дела до посторонних не оказалось, в магазине они тоже пришлось не ко двору: продавщица дремала, улёгшись тройным подбородком на руки, мягкой периной разложенные по прилавку. Разлеглась бы наверняка и пошире, но локоть упирался в объявление: «Продаю свежий навоз. Самовывоз».

Вошедшим требовался амбарный замок, но Кречет не забыл про подначку с паролем и кивнул на объявление.

— Грамм двести пятьдесят не взвесите? Товарищ выращивает кактусы...

Заканчивал просьбу шёпотом: над прилавком начало вставать что-то могучее, колышущееся, заполняющее собой место что ширирь, что в высоту, а потому способное ухватить гвардии майора за шиворот и всё же повесить юмориста по-партизански на персональный крючок. Выручая друга, Сергей затараторил о замке, заплатил за первый попавшийся и вытолкал Кречета из дверей.

На улице к женщине-лесорубу подкатил на разномастном мотоцикле муж. С головы на голову пересадил ей свой шлем, себе достал из коляски сетку от пчёл. В два притопа, три прихлопа завёл смесь «Урала» и «Явы», шумахером погазовал перед стартом. Мигнув, как макака, красным задом, мотоцикл умчал топор в гудящий комарьём Брянский лес, выглядывающий из-за последнего уличного дома.

— Мужики! Сливы не нужны? — раздалось за спиной у приезжих. — Возьмите. А то у меня свиной нет, скормить некому. Пропадут.

Два ведёрка жёлтых, готовых от одного прикосновения брызнуть соком слив предлагал тщедушный мужичок-старик. Он был минимум трижды не брит, майку прикрывал скособоченный плащ, но исцарапанные колючками пальцы цепко держали ведра.

— Всего-то за 50 рублей, — уличного торговца привлекли, скорее всего, столичные костюмы и галстуки потенциальных покупателей. Москвичи для Суземки виделись людьми добрыми: за 50 рублей они могут проехать лишь один раз на метро, а тут — два ведра слив, выращиваемых целый год. Выгоднейшая сделка, кто понимает хоть что-то в торговле.

Но она даже добрым москвичам была неинтересна, но, затягивая паузу, мужик переключился на двух кошек, бредущих вдоль забора:

— О, две варежки идут. Одна будет чёрная, другая рыжая... А навоз у Клавки не берите. Кто берёт — потом пять лет вообще на огороде ничего не растёт. Даже бурьян. Выжигает. Во питание...

— Васька, не морочь людям голову, — вслед за кошками шла аккуратно одетая старушка-гимназистка с прутиком, которым, как гусей, направляла их домой. — Иди приведи себя в порядок.

— Э-э, — возразил ей с улыбкой мужичок. — В человеке главное — внутренний мир!

Дождавшись, когда наставница унесёт на голове на достаточное расстояние корону из накладной косы, поведал:

— Тёща. Бывшая. Собаку облей в мороз водой — околеет. А эта каждую зиму в прорубь — и опять хрен да ни хрена, ходит поучает. Так как насчёт слив-то?

Времени на пустые разговоры у друзей не оставалось, солнце клонилось к закату, но Васька не отставал, пошёл за ними и к машине. Оглядел её критически, хотя и не без зависти. Нарисовал пальцем рожицу на запylённом капоте.

— А у меня тоже... велосипед... был. Иномарка. Угнали. На двух колёсах, вообще-то, лётает душа, а на четырёх возится брэнное тело, — с чувством превосходства дорисовал рожице усы.

— Только вот всё, что между ног — не транспорт, — не согласился быть мальчиком для битья Сергей, купивший джип лишь месяц назад. Кивнул на сливы, попробовав выехать на старой шутке: — 150 граммов в кулёк.

Мужичок несколько секунд в прищур глядел на шутника, оценивая степень оскорбления, потом медленно, не спуская с него взгляда, высыпал сливы под колесо.

— Если думаешь, что я тебе трусы на верёвочке, то глубоко ошибаешься.

Усмехнулся и пошёл вдоль забора, тархтя пустыми ведрами как трещётками по штакетнику.

Кречет стукнул по лбу нарисованному человечку. Сергей проверил ударом ноги накачку шин. Молча влезли в машину, Дима включил радио. Москва как болтливая баба взахлёб рассказывала о себе в новостях и единственное, что её заглушало, так это трещётка Василя. Юмор — он такой, он обжигающий, как сковорода без ручки. Собственно, человеку и даны два уха и только один рот для того, чтобы больше слушать и меньше болтать.

— Поехали, — принял на себя командование Кречет: старшим машины среди военных является тот, кто сидит справа от водителя.

Стараясь не раздавить сливы, Сергей развернул машину, выставив её широкую морду к лесу, поглотившему разноцветный мотоцикл. Зелёная стрелка на экране навигатора уткнулась тоже туда, в извилистую лесную дорогу, которая и обещала вывести путников к нужной деревеньке. Баба Зоя, должно быть, уже заждалась заказанного замка...

Проплыли галки, расхаживавшие вдоль дороги в ожидании добычи вальжными гаишниками, склонившиеся до пыли слоновьи уши лопухов. Москва в эфире продолжала сплетничать, но уже про Питер. Рекламный щит, увешанный, как грудь маршала, бесчисленными наградами, призвал вернуться и купить новые окна для счастья на улице Коммунистической. Но нарисованный усатый человечек понёсся на капоте вперёд, словно желая оставить как можно дальше брошенные хозяином сливы.

Дом бабы Зои даже не искали — первый слева на центральной улице, в голубой цвет выкрашенный. Приставленная к калитке палка извещала об отсутствии хозяйки, зато на шум мотора примчалась на трёх лапах утыканная репейником псина. Присела чуть поодаль, выхлопывая смиренными глазами милосердие. Поймав на лету кусок колбасы, вмиг забыла об интеллигентности и принялась давиться деликатесом, гневно прорывав даже на тяжело прожужжавшую рядом муху.

— Я туточки, тут я, — прозвучало от дома напротив.

Раздвигая заросли мальвы около палисадника, к гостям зашмыгала в галошах на вязаные носки бабуля. Сил хватило дойти до середины дороги, на разметке из бараньего гороха опёрлась о палку отдышаться. Подавшегося на помощь Сергея остановила издали: сама, не волнуясь сердцем вступую.

— Разогналась идти, а ноженьки меня не слышат, — оправдалась подойдя. Порванное сбоку платье перетащила вперёд, спрятала дырку под фартуком. — Да ещё утром для смеха тяпкой по ноге лизганула... Ну, здравствуйте! С приездом. Я соседка, баба Сима.

Указала палкой на голубой дом:

— Это я калитку подпёрла от Кузьмы, шляется по дворам как будто он всюду один хозяин, — замахнулась на собачку, прыгающую следом. Вместо звонка постучала палкой по забору: — Зойка. Встречай гостей! Идите смелее, ждёт с утра.

Сергей отметил просевший угол крыльца и потерявшую из-за этого себе опору лавку. Это армейские острословы, намекая на скрещённые стволы пушек в его артиллерийской эмблеме, говорят, будто пушкари в этой жизни палец о палец не ударят. А ракеты к звёздам кто запускает? Хотя на грешной земле работы, конечно, ещё больше. Сюда, к бабе Зое, надо было раньше приехать...

Кречет, проследив за взглядом друга, согласился: надо менять стояк. Хотя теперь для чего, если уезжать?

— Ого. Больная-больная, а стол как для Путина накрыла, — с порога углядела баба Сима заставленный едой столик у окошка. Перехватила у соседки миску парующей картошки, утвердила её в центре стола: в сравнении с ней в селе даже хлебу место всего лишь на уголке. Однако приглашения остаться не получила и кивнула всей хате сразу: — Ладно, поговорите тут без меня, а если надо — кликните.

Всё же до последнего надеясь на угощение, потопталась у порога с палкой, как Кузя на своих трёх лапах. В селе последние дни только и разговоров, что Зойку-партизанку приедут забирать в дом ветеранов друзья её внука Костика, погибшего неизвестно где, но похороненного в Москве с почестями. Зря, что ли, сидела в засаде в мальве. По большому счёту, ей даже ни котелки московской фигуристой колбасы не надо, выгружаемой на стол приезжими, ни вон той жирной золотистой шпротины, и даже обошлась бы без заплетённого в косичку, но издалека пахнущего поджаристыми боками сыра. Ей интересно просто поговорить с новыми людьми — такого богатства нынче в селе ни за какую пенсию не купишь. Но потом — так потом.

— Хотела с дорожки молочком встретить, а оно только ночь переночевало, а уже скисло, — развела руками баба Зоя перед оставшимися. — Вон рукомойник, — кивком головы указала на закуток в кухне. — А полотенце сейчас принесу.

Держась за выбеленную, словно на выданье, печь, зашмурыгала во вторую половину хаты.

— Да вот же висит, не надо, — остановил Сергей, пока Кречет продолжил разгружать сумки.

— То состарилось, пора с рук на ноги перекидывать, — отмахнулась баба Зоя. Перетащила ноги через порожек, загнукала дверцами платяного шкафа. — Костика давно видели? А что он сам-то не приехал?

Офицеры переглянулись. Глава района говорил, что после операции и наркоза память у бабы Зои поплыла, и что в её 90-летнем возрасте это трудно восстановимо. Но забыть, что Костя погиб...

А баба Зоя словно выходила через высокий порожек не в другую комнату, а в иное измерение. Появившись с полотенцем, недоумённо замерла, глядя на гостей:

— Вы кто?

Со страхом и любопытством начала оглядывать стены, словно видя их впервые. Как к чему-то спасительному, подалась к рамкам с фотографиями.

— Так это я, что ли? — ткнула она пальцем в девушку с радиюлем, стоявшую около памятника. — Я. А это папкина могилка, — погладила стекло.

Костя сто раз рассказывал, как при облаве на партизан его прадед отправил дочь вместе с ранеными через болото, а сам, отвлекая немцев, повёл отряд на прорыв в другом месте. Пуля попала ему в горло, когда закричал «Ура», словно хотела остановить клич атаки. А семнадцатилетняя баба Зоя вывела из окружения раненых и получила орден Красной Звезды. Лесную могилку отца разыскала после войны и перевезла его останки на деревенское кладбище...

— А это Ваня мой, — улыбнулась солдатуку с орденами на груди у развёрнутого знамени, и тут же постучала по стеклу пальцем: — Вот чего ты умер? Я тебя просила об этом? Мы ж тебя рятавали всем селом, а ты... Эх, батька-батька. Под землёй, а приползу к тебе!

Больше никого в рамке не распознала, хотя и потрогала пальчиком каждое лицо на снимках. Посмотрела мимоходом в окно, поправила занавеску на шнурочке и вдруг встрепенулась:

— Господи, так это же моя хата!

Принялась снова трогать и рассматривать занавеску с узнанным зашивочным рубчиком, божничку с иконой, диван, телефон на тумбочке.

— А где я только что была?

Взгляд умолял обмануть, не говорить правду. Тихо заплакала, присела на диван с резной спинкой и принялась стучать себя кулачком по лбу:

— Ну что ж ты у меня болеешь? Я тебя обидела чем-то? Что ж ты ничего не помнишь, делаешь из меня дурачку? — отыскала взглядом ребят: — Привезите мне врача. Пусть даст таблеток от головы.

Кречет дёрнулся к выходу — в бардачке машины какие-то таблетки имелись, но сам же и остановил себя словно на минном поле. Чтобы пройти по исчезающей памяти последней партизанки отряда «За власть Советов» — тут не хватит ни звёзд на погонах, ни крестов на груди. Эх, Костя-Костя!

Замаякала из сеней кошка, просясь в дом. Этот звук тоже оказался родным и знакомым, баба Зоя привычно подалась на него, толкнула плечиком дверь. Кошка вошла королевной, с хвостом выше себя. Полноправным членом семьи запрыгнула на диван, потянулась к еде. Сергей, сервирующий стол, шуганул её из-под руки, и лишь потом спохватился: наверняка у неё с хозяйкой свои застольные отношения. Бросил извинительно под стол палочку-выручалочку — кусочек колбасы.

— Ну что, за стол?

В хорошей избе так: сначала кормить, потом расспрашивать.

— Что ж вы так деньги растранижили, — баба Зоя довольно оглядела скатерть-самобранку, раздвинула занавески: жалко, что Сима ушла, не шмыгает под окном, как давеча. Кто теперь людям расскажет, какие у её Костика друзья?

Потянулась к сладенькому — уже разрезанному на дольки тортю: картошка каждый день, а таких праздников, чтобы со сладостями, после внука кто организует? А вот он сам где-то запропастился, не едет и не едет. Гонцы, что ли, будут папкину с мамкой могилку обкашивать? Люди говорят, что репейник уже около креста рвут...

Дрожащие пальцы не смогли удержать воздушный бисквит, он перевернулся свои белым колпаком прямо на картошку. Баба Зоя попыталась вытащить тортик из горячей западни, но, лишь больше перепачкав руки, откинулась на спинку дивана и вновь беззвучно заплакала от своего стыдного бессилия.

Кречет осмелился вытереть полотенцем хозяйке руки, набрал ей в тарелку всего понемногу. Та не стала противиться ухаживанию, начала примеряться, чего попробовать в первую очередь в мозаике из еды.

— А вы, значит, от Костика? — начала расспросы по третьему кругу, помогая хлебом соорудить на вилке горочку крабового салата. В конце концов взяла ложку и зачерпнула сколько хотела. — А откуда ж вы его знаете?

— Учились вместе в суворовском училище.

— А он что, у меня военный? — не поняла баба Зоя, поворачивая к говорившему правое ухо. Видимо, оно лучше слышало. Горько покачала головой: — Во, и не сказал родной бабке. Пусть только придет. А ночевать хоть у меня останетесь?

Сборы на выезд намечали утром, и Сергей подтвердил:

— Если где можно примоститься...

От кроватей в комнате отказались, постелились на веранде. Кречету достался навечно сколоченный скобами топчан, Сергею — скрипучая, провисшая раскладушка, на которой, возможно, спал ещё Костя. Выбор не обсуждался: выспаться должен водитель, даже если он ефрейтор перед генералом.

— А я ещё спать не буду. Я ещё поблагодарю Бога за день прошедший, — баба Зоя переместилась к божничке в красном углу — треугольной полочке из сколоченных досок, на которой стояла дощечка с вырезанной из журнала картинкой Богородицы. Креститься не стала, скорее, не приучилась. Сняла зелёный молитвенничек, зыркнула на гостей: не привыкла молиться на людях. Кречет подтолкнул Сергея к двери — пошли подымим.

Курить первый раз они попытались в суворовском, в увольнении перед самым выпуском. Как же, короли! Командир роты, случайно увидев «трёх мушкетёров» на лавочке с сигаретами, молча подсел на краешек. Дождался, когда подчинённые по-армейски затушат окурки о подошвы ботинок и вытянутся в струнку.

— Вице-сержант Сергей Хорошилов, подскажи-ка мне, кем хочешь стать?

— Что-нибудь поближе к электронике, товарищ подполковник.

— Ясно, ракетчиком: сам не летаю и другим не даю. А ты, старший вице-сержант Дмитрий Кречет?

— Отец сапёром в Афгане был. Орден Красной Звезды...

— Знаю. Знаю, что сапёр ошибается дважды. И первый раз — когда выбирает профессию. А вот вице-старшина Константин Дружинин мечтает, насколько я помню, о воздушно-десантных войсках.

— Так точно, товарищ подполковник. ВДВ...

— Выходные Дни Выбрось! А вы выбросьте с этой минуты свои мечты, потому что пойдёте у меня в училище тыла. Там столько электроники заложено в бухгалтерских счетах, такие прыжки можно совершать на пружинных кроватях, такие «мины» на подсобном хозяйстве... Курите дальше.

Бросили. Сергей и Костя навсегда, а вот Кречет вновь взял сигарету, когда одна из мин, которые он выкапывал и носил как картошку с поля под Пальмирой, выскользнула из рук.

Ротный был прав насчёт ошибки в выборе профессии сапёра. Но в тот раз, на счастье, ошибся незнакомый игиловский «кулибин», где-то что-то не так соединивший при изготовлении кустарной мины. Звонко упала плашмя о каменную плиту, испугав лишь какую-то пролетающую мимо пичужку.

На улице, увещевая в чём-то Кузю, мялся недалеко от дома коренастенький, в рубашке в клеточку, мужик. Возможно, это был даже мотоциклист-пасечник, очень уж похоже пригладил волосы, увидев приезжих. Кузя на правах старого знакомого бросился к ним первым, повторяя умильное хлопанье глазами. Видимо, на улице в селе без угощения не выходят.

Незнакомец подошёл степенно, протянул руку:

— Фёдор Степанович. Последний председатель колхоза, а Зоя Павловна работать работала у меня бригадиром. Давала копоти, кто умирал по лёгкой жизни. Может, присесть присядем, — кивнул на бревно у забора. — Оно, дерево, умное, корнями глубоко в землю вращать вращало.

Охотно угостился у Кречета сигаретой, в ответ поделился огоньком, выбитым в сплюсненном коробке из картона.

— Во, это точно сигареты, — окурил всех, как пчелиный рой, дымом. — А то местные распотрошить распотрошил, посмотрел под микроскопом — одна трава! 50 рублей за пачку каждый день выкидывать выкидываю, хотя у самого стог сена с прошлого года стоит и бесплатно. А вы, значит, от Костика. Его хорошо почитали у нас в селе...

Помолчали, поминая погибшего. На озере где-то в центре села царевнами квакали лягушки. Мошкара, не желая залетать в вечернюю тень, крутилась буравчиком перед лицами мужиков. Проскакала галопом лошадь, управляемая голопузым парнишкой, заставив пристроившегося к мужской кампании Кузьму лениво приподнять голову. Зато куры, оправдывая своё количество мозгов,

словно сорвались на пожар из своего закутка, чтобы перебежать дорогу перед самыми копытами и затем устало вернуться обратно. Вдалеке обозначилась кукушка, усмехаясь: а судьбы-то ваши всё равно определяются где-то и кем-то, а не вами и не сейчас.

Всему нашлось места на этой земле — и крапиве за бревном, и одуванчикам под ногами, и лягушкам, и мошкаре, и кукушке, и Кузе — только не Косте.

Председатель посмотрел в сторону, где насколько могла торопливо, чтобы не попасть на глаза приедем, преодолевала путь от мальвы до президентского стола баба Сима.

— Истоптались мои орлицы. Попытаться попытался однажды вспомнить, брал ли кто у меня больничный в колхозе. Ни одной фамилии не загорелось в голове. Казалось, сносу никому не будет... А вы, значит, бабу Зою забирать собираете...

— Трудно ей одной.

— Одному всякому трудно. Только, если откровенно, жалко её отдавать. Последний ветеран войны. После неё от Великой Отечественной в селе только памятник останется. И всё, кончилась эпоха... Да-а-а... Я завтра людей кликнуть кликну, проводить Зою Павловну надо достойно.

Не отказался от второй сигареты. Экономя спички, подкурил от предыдущей. Уходить к своему одинокому стогу сена, видать, не хотелось, и попробовал обкатать новые рельсы.

— Костик всё же как погиб, не скажете? Я тут прикинуть прикинул время и события, и всё же думаю, что был он на Украине, на Саур-Могиле. Второй прадед его, Иван, за её штурм ранение и орден в Отечественную получил. А Костик наш такой, за родовую память спуску никому не даст. А? Или молву пускать по селу не надо про «северный ветер»?

События в соседней стране, надо полагать, интересовали бывшего председателя сильно, если знал термин, обозначающий поездку добровольцев на помощь Донбассу.

— Не надо, — согласился Кречет.

Костя был действующим офицером, и что во время отпуска поехал не на море, а к донбасским терриконам, относилось к его личному делу. И, как выясняется, продиктованному не бравадой вояки, а памятью о предках. Даже измени им тогда в суворовском командир роты судьбу из-за мальчишеской сигаретной затяжки, наверняка бы каждый вырулил на свою тропинку. Судьба всё же — не от кукушки, она есть сам человек...

— Фёдор Степанович, а можете показать нам село, окрестности? Хочется посмотреть, где Костя рос, — вытащил Сергей ключи от машины.

— Тогда с кладбища. Оно на пригорке, село оттуда как на ладони. Так что мы тут под присмотром у мёртвых, забаловать не забалуешь. И родители Костика там, на мотоцикле разбились. Кладбище — оно, как телевизор, всех к себе собирает...

Провожали Зойку-партизанку в Дом ветеранов, как отправляли раньше ребят в армию — всем миром. Это приходило на ум и потому, что сидела она на покосившемся крыльце в кофте, на которой вразной, без положенной очерёдности в статусе, теснились и блестяли, как чешуя на кольчуге, ордена и медали. Распоряжалась суетой баба Сима, получившая ключи и наказ присматривать за домом. Угощения и подарков хватало: Сергей утром смотался в Суземку, и теперь баба Зоя одаривала подходивших к ней подруг полотенцами, чашками, блюдами, фартуками. С мужиками получилось проще: два десятка пил-ножовок хозяику принесли план, а им — радость.

— От меня. На память, — всматривалась в лица подходивших к ней односельчан баба Зоя, силась удержать в памяти образы тех, с кем прожила рядом всю жизнь.

— А кому самогоночки, самогоночки кому, — толкался с трехлитровой банкой среди собравшихся худощавый, изрядно подвыпивший, а потому добрый, взлохмаченно-лысый мужичок. — И-и, чистейшая. Глядишь в неё и себя видишь, — рекламировал, видать, собственное производство.

Детям раздавались конфеты. Поскуливал Кузя — при сладком столе собаке только глотать слюнки. Баба Зоя, непрерывно трогавшая вынесенные из дома сумки с вещами, вдруг просветлённо, а потому тревожно встрепенулась:

— Грамоты! Где грамоты?

— Какие тебе теперь грамоты, Зоя Павловна! — успокоил председатель, подсевший рядом на скамейку и приобнявший бригадира за плечи. Лавка от веса перекосилась, едва не уронив хозяйку с кавалером. Видать, и в самом деле подоспело время всему отживать. — Отныне в городе можешь ногой показывать и командовать, что делать. Город — он к ветеранам приспособленный.

— Так приеду к людям, а они и знать не знают, какая я была работящая. На божничку положила, чтоб не затерялись. Проверь, — приказала Сергею, как Костику.

Память у бабы Зои работала, зря она стучала себя по лбу: стопка трудовых грамот с красными знамёнами и портретами Ленина и впрямь своей высотой едва не закрывала Богородицу. Рядом с «Молитвословом» лежал не менее затёртый партийный билет в традиционной красной корочке и с датой вступления в партию в 1943 году — время самых тяжёлых боёв партизан перед Курской битвой. Верили, верили в победу даже восемнадцатилетние девочки, находясь в полном окружении врага! Тут же лежали перетянутые резиночкой удостоверения на награды. Божничка словно хранила не только жизнь бабы Зои, но и историю страны, примирив коммунистов и верующих, красных и белых. Закладкой в «Молитвослове» служила палочка от «Эскимо», возможно, ещё Костей когда-то купленного, и Сергей не быстрее бабы Зои выговорил буквы её ежевечерней молитвы:

— Свете тихий... пришедше на запад солнца, видевшe свет вечерний, поём... Бога... мир Тя славит...

Сложив содержимое, Сергей не посмел при этом тронуть Богородицу: а и впрямь, пусть остаётся охранять дом с невестой-печкой и фотографиями.

— Ох, чую, какой-то обман мне идёт, — вцепилась, как в спасательный круг, в свою бумажную биографию баба Зоя. Вот ведь поколение: сумок с одеждой не надо — дай прижать к груди документы. — Колесом пошёл белый свет. Такого сам татар не придумает, как я с этим отъездом. Кому я там нужна буду? Костик! Где Костик?

Стоявшие рядом бабы опустили головы, кто-то перекрестился: минуй нас подобная участь! Хозяйка опять выделила взглядом Сергея, более всего запомнившегося рядом с именем внука, помянула. Шепот у теряющих слух людей настолько громкий, что слышали все:

— А хоронить чтобы всё равно сюда привёз. Хоть косточками, а вернусь.

Увидев, что офицеры поглядывают на часы, председатель встал. Отставив локоток, по-гусарски выпил до дна перед бывшим бригадиром свой стакан самогона. Внук с исцарапанным подбородком, густо замазанным зелёной, привычно подсунул на закуску оставшийся ободок от печенюшки, не оставив надежды на угощение вечно голодному Кузьме. Баба Зоя прижала паренька к себе, шепнула на ухо что-то секретное. Тот согласно кивнул, получил новую порцию сладостей и уступил место взрослым.

— Всё, всё! — не забывал своей роли руководителя Фёдор Степанович: демократия демократией, а у него в колхозе, хоть и бывшем, должен быть порядок. — Пора ехать. А пожелать пожелаем нашей Зое Павловне через зиму вернуться сажать огород.

— Что он говорит, не слышу, — поинтересовалась у Сергея баба Зоя. Предполагая обратное, спросила с хитрецей: — Не ругает?

Не ругал. Лично проводил до машины, насильно всунул офицерам в гостинец две банки мёда. Баба Зоя в последний сто китайский раз обнималась потом с каждым, хотя по глазам было видно, что она мало понимает в происходящем. Взгляд сумел зацепиться лишь на том, как Сима закрывала амбарным замком дом. Подалась обратно, но Кречет удержал, а Сергей завёл машину. Подсаживаемая председателем, баба Зоя втянула с собой в салон и отполированную до костяного блеска палочку. Тявкнул Кузя, оставшийся единственным нецелованным из собравшихся.

Вот теперь — с Богом!

— Не в лесу и не на болоте росла, должна уметь, — прошептала утихомирившаяся баба Зоя, и стало ясно, что она, несмотря на боевые ордена, боится новой жизни. И все предварительные переговоры, которые Сергей и Кречет вели по телефону с ней и руководством района — это её стремление оттянуть момент переезда в Дом ветеранов. — Проедь к центру, — попросила водителя.

Сама уткнулась лбом в стекло, чтобы лучше разглядывать улицу, и Сергей погасил скорость. Ничего, Зоя Павловна, у ветеранов тебе будет легче: ни дров для печи, ни воды из колонки. Не тронулись бы с места, покажись там неуютно и казённо: перед приездом сюда заехали в Дом и лично проинспектировали ситуацию. Костя бы «спасибо» сказал. А по весне лично приедут и привезут в родной дом на побывку...

По берегу озера, как опята, росли ракиты — вечером при знакомстве с селом как-то не отметили это. Затесавшаяся меж ними берёзка выгибалась, выгибалась, чтобы вырваться из-под их крон и в то же время не коснуться воды — и хоть кривая, но ушла вверх. На её стволе сидело сразу три рыбака.

Головы, как у Змея Горыныча, глядели в разные стороны, но на шум мотора повернулись одновременно, и баба Зоя кивнула им из-за стекла: прощевайте и вы. Все прощевайте.

— Зоя Павловна, ну что вы, — сидевший рядом с ней на заднем сиденье Кречет попытался отвлечь от грустных мыслей, хотя сам, покидая даже не дом родной, а сирийскую Пальмиру после трёх месяцев работ по её разминированию, едва сдерживал слезу. Сентиментальность редко до добра доводит, но уж точно не даёт пополнить ряды истуканов на острове Пасхи.

— Всё, жизни капут! — откинулась на спинку баба Зоя и прикрыла глаза.

В уголках век начали копиться, набухать капельки слёз, в какой-то момент они сорвались вниз и по проложенным среди морщин блестящим тропинкам уже спокойно потекли ручейки. Сергей глянул в зеркало заднего вида на друга, тот пожал плечами: я не знаю, как успокаивать, не оставляя меня одного.

Остановились у памятника, на котором верхней строчкой шло имя комиссара партизанского отряда «За власть Советов» — её отца. Баба Зоя нетерпеливо принялась дёргать ручку, чтобы выйти. Не выпуская пакет с грамотами, зашла в оградку, прислонилась к памятнику. Как и в случае с молитвой, Кречет дёрнул друга — оставим одну, лучше заглянем в сельский клуб, по какой-то причине открытый днём.

На сцене, с важностью рояля занимая его середину, стоял теннисный стол, на котором играли в пинг-понг две девчушки. На вошедших не обратили внимания, и Кречет по привычке сапёра заглядывать во все дыры приоткрыл дверь в пристройку, оказавшуюся библиотекой. На столике лежал измятый, выучивший не одно поколение девятиклассников любви «Евгений Онегин». Зато между металлическими стеллажами, не замечая вошедших, целовались пока только заказавшие роман мальчик и девочка. Подпиравшего сзади друга Кречет оттолкнул обратно в зал.

— Что там? — поинтересовался Сергей.

— Там продолжается жизнь, — не стал объясняться сапёр.

Теннисистки закончили партию и проявили, наконец, учтивость:

— Играть будете?

— Денег нет.

— Так у нас бесплатно! — бесхитростно удивились едва не хором.

Поняв, что с ними шутят, смущёнными актрисами нырнули за кулисы.

Баба Зоя уже сидела в машине, и друзья заторопились — как смогла одна подняться на высокий порожек джипа!

А она и не поднималась. Салон оказался пуст, и это было непонятно, потому что далеко уйти с палочкой Зоя Павловна не могла. Кречет обошёл памятник, потом заторопился к озеру, но рыбацкий Горыныч замотал тремя головами — не проходила. Но ведь они пробыли в клубе не более трёх-пяти минут. Да, партизанская разведчица, но и они не Вольское училище тыла заканчивали, целый капитан с досрочным майором. Исчезнуть же могла только в зарослях бурьяна за памятником, и Кречет опять же потому, что сапёр, первым влез в репейник. Вытоптали бурьян и, уже в открытую паникуя, позвали на подмогу из клуба молодёжь. Прочесали окрестности с ней.

— Показывай дорогу к председателю, — приказал пацану-Онегину Кречет.

Фёдор Степанович возился со знакомым мотоциклом, рядом стояла жена с не менее знакомым топором. На нём, как на наковальне, хозяин отстукал молотком какой-то тросик, всунул в генератор.

— Сбежала, что ли? — с полувзгляда понял растерянность приезжих и почему-то улыбнулся. Может, даже предполагал подобное. — Во пионерка! — то ли радостно, то ли просто вычищая ветошью солярку между пальцами, потёр руки. Охотно принял сигарету. — Она и у меня своевольничала, такую в оглобли загнать не загонишь.

— Но надо же что-то делать!

— А может, не надо? — сбил ногтем пепел, очищая табак перед новой глубокой затяжкой. — Глядишь, дольше пожить поживёт в родных стенах. Тут коров на другую ферму перегоняли — ревмя ревели, а хотите человека сорвать с места. Что она, одуванчик? Всем Бог наделил человека, кроме защиты от тоски и боли.

Разогнал дым перед лицом, начал всматриваться в рубаху, словно увидел её впервые. А может, и впрямь только сейчас соотнёс: жизнь — это вовсе не плоские полосы, а клетка светлая, клетка

тёмная. Объём. Хмыкнул: открытие не понравилось, потому что эти клеточные объёмы покрывали его собственные плечи. Единственное, чем смог облегчить себе жизнь — засучил рукава. Всё, нету ни клеток, ни полос.

— А присмотреть присмотрим за ней. Мой внук Олежка её крестник, так что пригляд будет...

Деревенские ракиты старухами вышли провожать офицеров за околицу. Выстроившись вдоль дороги, кивали вслед головами в зелёных платках. Видать, не все счастливые дни вороны поклевали в деревне, коль продолжал жить в ней народ.

Едва вслед за машиной пробежали по обочине отблески подфарников, в палисаднике бабы Зои зелёным поплавком вынырнул внук председателя. Убедившись, что улица пуста, махнул рукой крёстной, разведчиком прячущейся за погребом: выходи, бабуль, мы их победили. Та, насколько далеко хватило глаз рассмотреть дорогу, убедилась в этом самолично и пырнула проводнику денежку: купи себе за труды чего-нибудь рот подсластить. Приведа себя в порядок, принялась осматривать грядки, где укроп с петрушкой пёрли так, будто огород вспахивался только для них одних. А вот дождика, дождика бы не мешало, картошка печётся в земле который день...

Сергей, молчавший всю дорогу, перед Суземкой вдруг свернул с объездной дороги и вырулил к хозяйственному магазину. За сутки здесь мало что изменилось: бродили по штакетнику «варежки», Васька в неизменном одеянии кричал кому-то на другой стороне дороги:

— А у тебя нет с собой гвоздя? Сотки хотя бы. Козла твоего прибить к забору, чтобы не ломал штакетник.

Увидев знакомую машину, запахнулся лапами плаща: абонент недоступен. Но из зоны доступности не выходил, делая вид, что озабочен состоянием штакетника, вчера вёдрами самолично колошмативший его не хуже козла. Интеллигентно вытащил из почтового ящика на углу стопку газет: и впрямь не трусы на верёвочке, о внутреннем мире своём заставил заботиться прессу.

— Придержи его, а я быстро, — попросил Сергей друга.

Сливы были раздавлены другими машинами, но тем не менее, вновь попытавшись не наехать на них, развернулся.

— Привет, Василий, — подходя к мужичку, Кречет протянул руку, признавая вину за вчерашнее и запрашивая мир. Тому уважение понравилось, протянутая рука пожалась, плащ распахнулся.

— Куда рванул-то твой гордый?

— Сам понятия не имею, — признался Кречет.

— Ты ему скажи, что нельзя бороной да по всей душе.

— Он уже понял, — уверил Кречет и поспешил сменить тему: — Сегодня без тещи?

— А у её ног головы нет. Пока не обойдёт пять раз все рынки, солнцу нельзя зайти за горизонт. Тёща боец, ей только раны на войне перевязывать. Молодец, когда не слышит. А вы откуда приземлились? Раньше не видел.

— К другу заезжали.

— Куплю велик, первым делом тоже доеду до кума. Бедует один в своём селе. Деревенская жизнь только на картинках хороша, а кто убёт из неё, возвращаться не торопится.

— Но некоторые, наоборот, не хотят уезжать.

— А это как вовремя жениться. Чуть перехолостяковал — всё, другой жизни нету. А оно, может, и не надо. Вон, летит твой орёл на цыпочках.

Сергей мягко подкатил к самому штакетнику. Молча открыл багажник, достал оттуда сложенный, ещё в заводской обёртке, велосипед. Прислонил его рядом с онемевшим Василием, хлопнул его по плечу и занял место за рулём: а теперь вперёд.

— Теперь до кума доедет, — миновал от Суземки три-пять поворотов, порадовался за Василия Кречет. — Смотри, смотри, а вон и знамя! Помнишь, Костя рассказывал.

Надobeliskом, стоявшим у дороги, возвышалась изогнутая от непогоды и времени сосна с отпиленной верхушкой, где трепетало красное знамя. Табличка на памятнике гласила, что в этом месте партизанская группа «За власть Советов» приняла первый бой с фашистами. Каждый год находится тот, кто лезет на сосну и меняет выцветший флаг. Но первым его вознёс и укрепил Костя, ещё суворовцем. В память о партизанском отряде, в котором погиб его прадед. И вот настали времена, когда баба Зоя осталась последним живым партизаном из этого отряда...

— Эх, задержаться хотя бы на день-другой, — помечтал Кречет, прекрасно зная, что оба не мо-

гут этого сделать. Даже на день. Лично у него начинается формирование батальона разминирования в бывшую Югославию: как воевать, так полмира наваливается, а приходит время приводить всё в порядок, то Россия — вперёд! — Крыльцо бы подправить.

— Завтра у меня вылет на Байконур. Запуск. Без вариантов.

— Слушай, а вот если бы, в порядке бреда, одному из космических кораблей присвоить имя бабы Зои? А что? Последний ветеран Великой Отечественной должен стать звездой на небе, не меньше.

— Если только мысленно... Хотя можно и попробовать, почему бы и нет. Для власти это за честь.

— Было бы здорово... Интересно, а что сейчас делает наша беглянка?

— Может, грамоты читает. Или фотографии рассматривает. Ей есть что вспоминать...

Баба Зоя полулежала на ступеньке крыльца и примерялась, что можно подсунуть под ножку покосившейся лавки. Под руки попался амбарный замок, привезённый друзьями Костика. С усилием, но затолкала его под ножку. Переваливаясь, взобралась на сиденье, проверила на устойчивость. Теперь можно жить дальше.

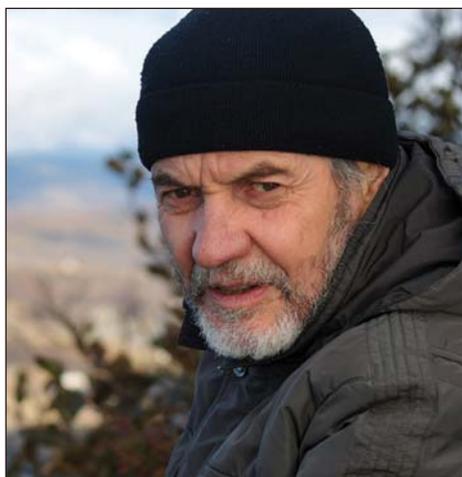
Проговорив буквы «Свете тихого», поклевала перенесённое обратно через дорогу от Симы оставшееся угощение. На озере под прохладу вновь завелись лягушки, выкликая такой нужный для огородов дождь. Проехал с рёвом на отремонтированном мотоцикле наперегонки с Кузей крестник, надо будет поругать, что даже ей, глуховатой, бьёт по ушам. А вот свет от фары порадовал улицу, на которой сразу после выборов отключили на столбах фонари. Плохо, что после яркого света сразу стало темнее. И прохладнее, как перед дождиком. Но несколько звёздочек всё же проклюнулось сквозь тучи. Одна из них бесстрашно карабкалась прямо в центр неба — значит, самолёт или спутник.

Баба Зоя пожелала ему доброго пути и стала закрывать калитку, готовясь ко сну...

Проза

Анатолий Байбородин

Анатолий Григорьевич Байбородин родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Автор книг: Старый покос. Повести. Иркутск, 1983; Поздний сын. Повесть. Москва, 1988; Яко богию землю нареки. Очерки. Москва, 1991; Боже мой... Роман. (Предисловие: В.Распутин), Москва, 1996; Воля. Повести, рассказы. (Предисловие: В. Личутин), Иркутск, 1998; Диво. Сибирские байки, сказки, рассказы. 2001; Утоли мои печали. Роман, повести, рассказы. Иркутск, 2006. Не родит сокола сова. Роман, повесть. Москва, 2011. Озерное чудо. Повести, рассказы. Москва, 2013; Небесная тропа. Рассказы. Иркутск, 2014. Составитель книг: Россия древняя и вечная. Иркутск, 1992; Русский месяцеслов. Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа. Иркутск, 1998; Думы о русском с древнейших до нынешних времен. Иркутск, 2017. Лауреат Большой литературной премии России за лучшую книгу года (2007), лауреат областных литературных премии имени святителя Иннокентия Иркутского (1997) и премии Губернатора Иркутской области (2014) и других

Песня журавлиная моя

...Тихо отчаливал старый паром, тихо скользил по сомлевшей на солнце, белёсой и сонной реке. Глухо; лишь журчала вода за кормой, всплёркивала, лобзая ржавые борта. Стриженные «под ноль» колхозные призывники протяжно и томительно глядели с парома на уплывающий берег, где белели шиферными крышами избы и амбары села Покровка, где печально замерли отцы и матери, други и подруги... Парни стояли, не шелхнувшись, словно уже стриженные «под-Котовского» и в боевом строю, словно приросли к дощатому настилу, боясь спугнуть ощущение последних судорожных объятий, лёгкий запах девичьих волос, волну дыхания на щеках...

Рядом с призывниками русокосяя и голубоглазая баба в цветастом полушалке, оплывающим на плечи, в цветастом сарафане, отчего похожа на васильковое и ромашковое поле. Среди парней-призывников... среди их любви и печали от недавней разлуки... в далёкое далёко увозил тихий паром чудную бабёнку, сидящую на чемодане. Сонный покой в её лице, щекастом, веснушчатом, в глазах, думно иль бездумно обмерших, безбрежных, безмятежных, как томное, знойное небо; и лишь колыхала пухлые губы блажная улыбка, когда косилась на призывника ...сухой, долговязый, каланча... что, опустив вихрастую голову, печально глядел на русую косу и молча сжимал девичьи ладошки. Убережёт ли косу?.. не расплетёт ли?.. — парень на три года во флот идёт... А дева, что алый цветок, на который и летит мотылёк...

Паромный народ, узрев робкую парочку, утих; затаилась, задумалась и полуденная, серебристая река, бережно, абы не расплескать любовь, несущая паром с парнями-призывниками, что томительно глядят на девчонок, оставленных на берегу... А мне — усталому бродяге, развеявшему любовь на шальных городских ветрах, вдруг помянулась скорбная частушка; её пели отчаянные девахи на армейских проводинах.

Милый в армию поехал,
Не оставил ничего,
Только лёгонький поминочек —
Ребёнок от него...

Ещё помянулось; топал хмельно и раскачисто по узкому и шаткому мосту, повисшему над закатной речкой, вижу: на мостике темнеют два силуэта, и я, вкрадчиво, шёпотом шёл мимо чужой люб-

ви, стараясь не греметь сапогами. Но вдруг и не по воле своей замер от тоски по юности, спалённой грехом: «...зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать...».

На чудную бабоньку, что, теребя русую косу, нет-нет, да и гляделась в реку, словно в зеркало, с берега тоскливо взирал мелкий, взъерошенный мужичок. И я, в те дальние восьмидесятые бродячий репортёр, был наслышан про их любовь и разлуку. В деревне же как: у околицы чихнул, посреди поселья «будь здоров» говорят! И ещё, бывало, не успеет синичка воркнуть, а про неё уже, как про соловушку поют. Так и про эту забавную супружескую пару изрядно соткалось сплетен...

И полинявшая на солнце дремотная река, и паром с призывниками, и чудная и чудная бабонька со своим мужиком привиделись, когда вспомнил потешную кинокартину, кою видел в дальние лета, и вся ныне запечатлённая любовная история вышла столь созвучна киношной.

Аграфена Павловна — вдовуха-вековуха, бывшая школьная литераторша, приютившая меня, домысливая и довоображая, поведала... Может, как вдова, шила широки рукава, было б куда класть небывшие слова...

Клавдия Щеглова, в девках Полоротова, родилась и выросла в глухой таёжной деревушке. В городе выучилась на библиотекаря и была послана в село Покровка обрабатывать здешний речной народец в книгочеев. Чтоб не одни школьники да служащие, но и мужики и парни почитывали книги, грели душу не водкой, по прозвищу «Сучок», а повестями Пушкина, Гоголя, Лескова и Шмелева. Три зимы и три лета библиотекарша — так её звали на селе — жила в светёлке у Аграфены Павловны... та уютилась в запечной каморе... а, выйдя замуж, Клавдия уключивала к мужу в его родовое гнездо. Лет уж пять отжили, правда, чада не нажили, и вдруг мужняя жёнка по уши втрескалась в учителя литературы. И учитель, белокурый, по-отрочески ладный, зорево алел, нервно потирал очки, когда Клавдия, широкая, словно речной паром, покачиваясь на незримых волнах, плыла по библиотеке, и ветром сносило девку к учителю, который вечерами читал толстые журналы без картинок и выписывал в амбарную книгу мудрые мысли.

Долго ли, коротко ли, стали голубки ворковать вечерами, беседовать об искусстве; и однажды учитель, когда остались с глазу на глаз, повеличал Клавдию Моной Лизой кисти художника Леонардо да Винчи. Тут Клавдия и ошалела! Хотя и поправила учителя, дескать, на Мону Лизу смахивает доярка Дуся Машанова, а она — толстопятая замоскворецкая купчиха, что сошла с Кустодиевского холста.

И всё же учительские речи сладостно встревожили Клавдию... баба — горшок, что не влей, всё кипит... и, будучи в районном селе, спросила в книжной лавке «Мону Лизу»...

— Разобрали «Мону Лизу», девушка, — развела руками пожилая торговка.

— Разобрали..., — печально, но понятливо вздохнула Клавдия и подумала: «Моны Лизы» сроду не залёживаются...» — А «купчихи» Кустодиева есть?..

— «Купчихи»-то есть в заначке... хотя и на «купчих» нынче большой спрос... — ответила торговка, приволокла репродукцию в резной, золочённой раме и пояснила. — «Красавица», Кустодиев...

Оглядела Клавдия нагую, обильную красу-русую косу, но постеснялась брать. Хотя, пожалев торговку, что волокла из чулана тяжкую картину, и чтобы внести хоть малую лепту в торговую выручку, взяла картину Васнецова, где Иван-царевич, обняв царевну Елену, скачет на сером волке сквозь угрюмую, дремучую тайгу. Клавдии померещилось: Иван-царевич похож на школьного учителя, а ежели бы с русой бородкой, то смахивал бы и на красавца жениха, что перед венчанием в храме держал невесту за бледную, яко свеча, сухонькую ручку, ожидающе глядя на алтарь, откуда явится батюшка. Обручение и венчание Клавдия узрела, словно чудо, в далёком студенчестве, когда вешним ветром занесло деваху в храм, чудом не порушенный в зловещую хрущёвскую «оттепель». Ночами... спала она теперь порознь с мужем, в горнице, на тахте... а ино и посередь дня блазнилось грешной: она и учитель замерли пред святым аналоем и ждут, когда батюшка нанижет золотые кольца на их персты и возложит венцы на их счастливые головушки...

* * *

Когда сосны алели в закатном зареве, покровский народец видел: чудная парочка... баран да ярочка... за околицей бродят, а может, и блудят. А бобылка божилась, что Кланька по давнишней дружбе поведала о роковой страсти: мол, однажды не удержалась и поцеловала учителя в губы, а па-

рень испуганно шатнулся: «Что Вы творите, Клавдия Ивановна?! Я же Вас люблю платонически...» «Это чо, через плетень?..» — заржали бы деревенские мужики, словно жеребцы застоялые.

Саня Щеглов — муж Клавдии, знатный деревенский плотник — как и водится у мужей, последний проведаль о том, что баба его хвостом вертит. И когда лоб зачесался ...видно, рога режутся... поинтересовался:

— Ну, что, Полоротова... — в сердцах Саня обзывал бабу девичьей фамилией, — на мужиков потянуло?! Романов начиталась, прекраса-кобыла савраса?!

Клавдия, в отличии от иных библиотечарей, любила читать; в избе, бывало, ни убору, ни прибору, мужик голодный, а баба посиживает с книгой возле окна и на Санино ворчание ухом не ведёт. Махнёт Саня рукой, напялит фартук и самолично жарит, парит, а надо, так и бельишко постирает в машинке. Проведав о сём, Санины родичи осудили невестку: мать, жалеючи сына, плакала, отец велел чаще поколачивать Кланьку, а баба Ксюша горько пожалела, что присушила девку малиновым вареньем, над коим шептала любовную присушку. И до умопомрачения начиталась Клавдия любовных историй, коими избы-читальни кишмя кишели. И даже осилила куртуазный роман о рыцаре Тристане и принцессе Изольде, отчего легко пал на душу и роковой шекспировский роман, после которого сельская книгочя иногда печально и певуче шептала: «...нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте...». При сём вздыхала, как вздыхают коровы, тоскливо пережёвывая сухую солому, поминая летнее разноцветье-разнотравье, где кружил породистый бычок.

...Канет четверть века, и, поминая сладостные страдания, Клавдия — детная баба — услышит потеху, поведанную здешним батюшкой отцом Евгением, гостившим в итальянском городе Верона, что ославился любострастием Ромео Монтеки и Джульетты Капулетти

... Туристы, коли без Бога и царя в пустозвонной башке, оказавшись подле статуй ...собачушка, кошурка, дойная корова, скаковой жеребец... загадав желание, исподтишка ли, откровенно ли потрут где нос, где хвост; в Вероне же, пробившись к статуе Джульетты, трут её бронзовую грудь, тьмою рук вышарканную до серебристого блеска. При сем с пеной на губах бормочут заклинания; и благо... благо, что рядом нет Ромео, а то и Ромео бы потёрли...

Волновалась Клавдия, читая любострастные романы, а уж как дошла до блудных сказов Ивана Бунина, то и вовсе ошалела от блажных мечтаний. Правда, всякий раз краснела, словно юная гимназистка, когда писатель откровенно живописал тёмный, мимоходный блуд, что и смертный грех, и походил бы на грубые звериные случки, кабы не столь нежный стиль изложения.

Блуждая в любовных историях, воображая себя Изольдой, Джульеттой, бедной Лизой, тургеневской девицей, бунинской Русей либо иной дамой сердца, воспетой любострастными певцами, Клавдия пыталась вообразить Тристаном или иным рыцарем своего приземистого, косилапого мужа, но выходило горько и смешно: Саня — рыцарь?.. кого смешить?! И теперь, слушая школьного учителя ...вот рыцарь сердца!.. Клавдия гадала: каким шалым ветром занесло её, высокую, статную, с институтским «поплачком»¹, в жены к недомерку Сане Щеглову?.. Вроде, полюбила плотника за его любовь и думала, через год понравится...

Прознав бабьи шалости, Саня решил сор из свежесрубленной избы не выносить, а под лавку копить. Мыслил укрыть бабий грех, а Бог ему два простит, но в деревне на виду даже помыслы, обросшие домыслами. В деревне добрая слава лежнем лежит, худая — как ветер летит. С другого края села приметелила баба Ксюша, не то молодуху осрамить, не то супругов примирить, но Саня не пустил старуху даже в ограду. И отца, с которым плотничал, осадил, когда тот завёл, было, речь о Клавдии...

Мужнин грех за порогом живёт, а жена грех в избу несёт, вот жизнь избяная и пошла кувырком: если и раньше изба неделями не знала убору и прибору ...Клавдия вечерами читала романы, лёжа на диване... если изба и раньше не славилась красными углами и печёными пирогами, то ныне и вовсе обеспризорилась. Верно молвлено: бабьи умы разоряют дома... Саня, любя, как душу, решил потрясти бабу, как грушу. Подпив для храбрости, кинулся, было, на Клавдию с кулаками, но, будучи на голову ниже и вполовину уже, словно башкой о скалу ударился и откатился. Но...бил дед жабу, грозясь на бабу: Саня в сердцах саданул стаканом по зеркалу, где маячила его злая, багровая рожа.

¹ «Поплавок» — нагрудный значок, говорящий о высшем образовании владельца.

Порешил, было, учителя за хохол да об стол: нагрязнул, когда паренёк, заломив русую головушку, обморочно запахнув глаза телячьими ресницами, токовал посреди избы, словно тетеря посреди ельника:

Я помню чудное мгновение,
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты...

В сие чудное мгновение и явился хмельной и злой Саня.

— Воркуете, блудодеи?! — прохрипел плотник, и, хотя от горшка полвершка, чёрной тучей пошёл на учителя, но тот, не ведая страха, лишь поправил очёчки в тонкой, золотистой оправе и возмущённо спросил:

— Блудодеи?..

— А кто же вы?! Кто она, ежели при живом-то муже...

— Да как Вы смеете такое говорить?!

Бесстрашие учителя смутило Саню, сбило боевой азарт, а учитель пуще наседавал:

— Да как Вы могли такое подумать о Клавдии Ивановне?! Как Вы могли целомудренную женщину повинить в таком страшном грехе?! Нет, вы недостойны своей жены!.. Вы же варвар... Я на месте Клавдии Ивановны покинул бы такого самодура и уехал бы из вашего дикого села...

* * *

Вскоре литератор укатил из дикого села в умный город. Поступил в аспирантуру и поселился в аспирантском общежитии, а Клавдия, истосковавшись по учителю, рванула в Иркутск на поиски любви. Полетела птица-синица за тридевять земель, за сине море-окиян, в тридешато царство, басурманско государство, где берега кисельные, реки молочные. Саня, скрипя зубами, смирился. Хотя стонала и плакала душа, о чём мужик и мне печалился, когда, уместившись на плешивом бревне, пили мы однажды приторно-сладкий портвейн «три семёрки» и глядели в потаённо тёмную, мятежно спящую реку, устало вздыхающую и бормочущую спросонья.

По-деревенски несправный ...плотницкая бригада детские ясли рубила... ершистый мужичок, словно высоко спиленный, скорбный пень, долго торчал на берегу, глядя на уплывающий паром любви; и слезы туманили взгляд, и вольный речной ветер трепал полы его клетчатой рубахи навыпуск. Пять лет прожили, хотя дитя и не нажили, но любовь его не полиняла, не износилась, разве что, упрятавшись поглубже, стала несуетливой и невыпяченной. Суетливой и смешной она стала потом, от слепого отчаянья.

А на тихом пароме, похрипев прокуренной глоткой, откашлявшись, запел незримый мужик, и потянул песнь неожиданно ясным, распевным голосом. И над маревой рекой, над становым левым берегом со скалистым крутояром и правым берегом с пойменными лугами и кочкастым калтусом широко и вольно закружилась русская песнь:

Ты лети от Волги до Урала,
Песня журавлиная моя...
Какая ж песня без баяна?
Какая ж зорька без росы?
Какая Марья без Ивана?
Какая Волга без Руси?

С улыбкой помянула Клавдия: сумерничают, бывало, на крыльце, и Саня, отмашисто играя на гармонии, оглашает двор и черёмуховый палисад журавлиной песней, а допев, обнимет суженницу, отведёт от уха русую прядь-завлекалочку и прошепчет: «Песня журавлиная моя...»

Но воистину, счастье без ума — дырявая сума. Деревенские мужики и бабы, что постаивали на речном яру, дивились дураку, когда Саня провожал срамную жену к другому и даже чемодан волок до парома. Посмешили народ Саня с Кланей: мужики зубоскалили, сплетенные бабы мыли косточки непутёвой семейке, благочестивые бабы жалостливо вздыхали, сварливые старухи плевали, глядя как Щегловы по витой козьей тропе спускаются с крутояра к речному парому, а богомольные старухи осеняли крестом их души: прости, Господи, не ведают, что творят...

Горькая тишь повисла над речным яром. Это какое же странное сердце у мужика, коли провожал жену к другому, коли во имя любви, а может неясной, как «бегущая по волнам», грешной блажи, поступился своей намоленной любовью, и даже мужицким чувством собственности?! «Лишь бы ты, Кланыя, счастлива была... Тогда и я буду счастлив...» — Саня, словами не облачённо, в душе убеждал лобастого учителя: хоть мы и лапотные простецы, пропахшие дёгтем и потом, а тоже можем любить и нежно, и свято. Могла же Клавдия, усевшись на бережку и глядя в лениво текущую речку, блажить о чём-то, что не испробовать на вкус, — не хариус же копчёный. Что не учуять и на ощупь — не же из сельской лавки — и любовь светилась от блажной бабы, застывшей в улыбочивом любовании миром и ожидании «чего-то такого» неясного, но красивого...

А на пароме иссякла, испелась «журавлиная» песнь, и ...соль на Санину рану... довоенный певчий Вадим Козин завёл отчаянно печальное:

Веселья час и боль разлуки
 Готов делить с тобой всегда
 Давай пожмём друг другу руки
 И в дальний путь на долгие года...

* * *

Скользил паром по затаённой реке, и Клавдия, уютившись на чемодане, вглядывалась в берег, где остался Саня. И томительно долгой, причальной волной нахлынули воспоминания...

Клавдия в душевном укроме гордилась, что полгода дружили, и лишь потом поцеловались. Да разве и поцеловались?! Улучил Саня момент: закат на речке провожали, и зазноба, сидя на лысом бревне, блаженно укрыла глаза пушистыми, белёсыми ресницами, — тут Саня торопливо её и поцеловал. И отпрянул испуганно: рука тяжёлая, даст по шее, — с бревна слетишь.

Полгода парень, изнывая от нежности, пытаясь поцеловать, провожал Клаву до Аграфены Павловны — пожилой и одинокой учительницы, в избе которой приезжая библиотечарша снимала угол. Полгода парень после кино и танцев отшивал деревенских ухарей, что волками рыскали, коршунами кружили вокруг библиотечарши. Вроде, не из красы ...полноватая, мешковатая, конопатая, вроде ржаной каравай... а влекло парней. Бывало, глянет синё и ласково, смущённо улыбнётся, и блазнится дуралею: однако, паря, глаз на меня положила и, вроде, тревожно дышит, когда я в библиотеку вхожу... Но ухари боялись Саню: хотя и «метр с кепкой», вроде, щелчком зашибёшь, да вот беда; коли с отроческих лет топором машет, то и по башке махнёт, — долго не очухаешься. Да к сему ещё и пограничник; приёмами владеет, на арапа да голыми руками не возьмёшь, — вот парни, позарившись на библиотечаршу, повздыхав, и отступались. Побаивались и Клаву: вроде, на обличку и простоватая, а другой раз из книжки такое загнёт, на кривой кобыле не объедешь. К сему Кланыя, вроде, лишь Саню и привечала, хотя и венца не обещала.

Полгода плотник вечерами торчал в библиотеке, пас Клаву. Сперва листал журналы с картинками, нет-нет да и со вздохом косясь на библиотечарю в короткой юбке, и та однажды усмехнулась: «Что ты, Саня, всё «Мурзилку» да «Крокодил» листаешь?! Взял бы книжку добрую да почитал...» «Можно и почитать, ежели добрую-то книгу», — согласился парень. — А то я читал лишь книжку про деда Фишку...» «Георгий Марков сочинил...» — пояснила Клава и, ласково глянув в Санины глаза, так улыбнулась, что у парня голова пошла кругом. С той поры Саня журналы полистает, а как приспееет время запирает избу-читальню, возьмёт книгу под запись; и на другой день сдаст и другую просит. Клава пригрозила: «Буду содержание спрашивать, потом выдавать...» Порезе стал ходить, лишь, когда прочтёт хоть бегло, наискось, чтобы промямлить, о чём речь в книге.

Позже, когда мы посиживали с плотником на берегу, тот смехом поминал: «У меня кореш в парикмахершу влюбился, и волосы кажно утро поливал из лейки, чтоб шибче росли. Малость отрастут, бежит стричься... Я кореша спрашиваю: «А ежели бы влюбился в Люську-медсестру, кажин день бы штаны спускал, чтоб она тебе в стегно укол ставила?... А коли влюбился бы в Аду ...самогоном из-под полы торгует... дак и спился бы на пару с Адой...» А не ведал я, братка, что и сам вляпаюсь, буду книги читать. Зимой, когда работы мало, дак денно и ночью... А меня же за литературу из школы исключали. Ага... Учительша ...вредная баба... пристала с ножом к горлу: перескажи про любовь Андрия к полячке. Помнишь «Тараса Бульбу?...» Вот училка: перескажи да

перескажи... Ага, буду я пересказывать, как сучка с кобелем снюхались... А та упёрлась: перескажи да перескажи, иначе на второй год оставлю, — она у нас классная была. И довела меня до белого каления: веришь, хрестоматию швырнул в лицо... Исключили бы, да мать все школьные пороги оббила, ноги до колен стёрла; и директоршу просила, и училку умоляла... Директорша сжалилась, на второй год оставила... С тех пор, братка, возненавидел я литературу, глаза б на её не глядели... А тут на тебе; читаю книжку за книжкой... В мастерских мужики, коли работы нету, в домино играют, «козла» забивают, либо исподтишка выпивают, а я с книжкой сижу. Смеются, холеры: мол, книгочей, уж в доску зачитался, весь исчитался, да как бы не зачитался... Вот, братка, любовь до чего довела — книги читал. Дак и привадился, и теперь на сон грядущий почитываю. Шукшина Василия люблю... Читал?... Ловко там Шукшин про плотника завернул: помнишь, тот гостил у сына с невесткой, а те смотрели телевизор, а в телевизоре артист ...плотника играл... топор по-дурацки держит; видно, сроду в руках не держал, а вроде, матёрый плотник. Ага... Короче, сосновый кряж чешет... Кого там чешет!.. измывается над бедной древесиной... и над ремеслом плотницким... И враньё же выходит... А плотник шибко не любил враньё, снял сапог и зафитилил в телевизор — брызги полетели...»

Да, почитывал Саня книжечки, а ночами, когда хорошие люди спят, сочинял стихи ... вот до чего Клава парня довела, палил по девке куплетами дуплетом... и даже избранный стих мне поведал, когда мы вечеряли на речном яру, заморожено следя за теплоходом, что тихо сплавлялся по реке.

Я не ждал и не гадал,
Что, бродя полями,
От любви безответной
Зарыдаю с журавлями...

Упаду в траву
У речной излуки.
Неужели, Клава, нам
Светит лишь разлука?..

Журавли летят высоко,
Долог их полёт,
Клава рядом, видит око,
Ну, а зуб неймёт...

Я сроду не сочинял стихов возлюбленным, не вымучивал куплеты, но, ёрник смолоду, соскоморошничал: «О, Муза моя!.. Муза Абрамовна!.. Посвящаю Вам своё бессмертное творение: «Ветка сирени упала на грудь, милая Муза ... Даша, Маша, Саша, Глаша... меня не забудь...»

Начитавшись до одури, безпрокло пытаюсь овладеть крепостью ... так Саня в сердцах обозвал неприступную библиотекаршу... парень бился, колотился, Покров прошёл, а всё не женился; и решил отступить. Да и батя — тоже пожизненный плотник — ворчал, когда за ужином с устатку пригубили по стакану красного вина:

— Саня, запрягай дровню, ищи себе ровню. Ты, паря, на кого заришься?! Ты на кого заришься, аршин с шапкой? Кланька ж тебя на голову выше, а уж про ширь и говорить некого. Заспит ишо спросонья, как малого титёшника... Куда тебе, куль с костями!.. бегашь, бреньчишь... А вроде, жорный: жор нападёт, дак и пол-барана зараз уметёшь. Но, видно, не в коня овес... А потом, Кланька же, Саня, образованная, а у тебя, паря, грамотёшки кот наплакал: семь классов да два колидора... Да и то в шарашке¹... Кланька в избе-читальне заправлят, а ты же, паря, однако, и «Муму» до конца не дочитал... Оно, конечно, не будь грамотен, а будь памятен... Но это, паря, раньше, а теперичи же без грамоты и шагу не ступи...

Тут встряла и Санина мать, нравом тихая, за малый рост прозванная Махоней:

— А потом она же, Саня, приезжа, мы же путём не знаем, какой у девки характер...

— Во-во, — согласился отец, — может, в поле ветер, в заде дым... Деда же говоривали: не заламывай рябину не вызревшу; не сватай девку не вызнавши... Жениться не напасть, да как бы после не пропасть... Вон старшой женился, а теперичи чо говорит?.. а то говорит: лишь после женитьбы,

¹ Шарашка – так дразнили ШРМ (Школа рабочей молодёжи).

тятся, я понял, что такое счастье, но... было уже поздно... Купил дуду на свою беду: стал дуть — слёзы идут... Так что, Саня, брава Маша да не наша. Отступишь, паря...

— Не переживай, сына, — мать уже всхлипывала, обиженно поджимала губы и часто, жалобно моргала от нахлынувших слёз, — не переживай, суженая и на печи найдёт...

— Найдё-от... — кивнул отец и вспомнил, — я твою мамку на печи и нашарил. За трубу, махоня, закатилась, едва клюкой выгреб...

Мать потаённо улыбнулась, вроде, помолодела лицом, и ласково глянула на отца.

А баба Ксюша, бойкая старуха, вместе с дедом Фомой доживающая век у сына, печалась за горького внука, что безпрокло сох на корню, сухостойно звенел на речном ветру; и однажды, когда сын с невесткой отлучились из дома, а дед возле окна чинил ветхие ичиги¹, старуха поманила внука в запечный куток:

— Надо, внучек, присушить девку. Да... От, Шура, крынка с малиновым вареньем; счас мы её заговорим, а ты, Шура, опосля Кланьке подсунешь: мол, гостинец от бабы Ксюши. Она чаю-то с вареньцем попьёт, у ей душа огнём и запалится. Ага... Ладно, я буду сказывать, а ты втори за мной...» — и баба Ксюша забормотала древлюю присушку. — Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!.. — старуха обметнулась мелким крестом, глядя на божницу. — Ты не молчи, как дундук; ты повторяй, повторяй, раз девку хошь завлечь!.. Стану я, раб Божий Александр, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, выйду в чистое поле; в чистом поле стоит изба, в избе из угла в угол лежит доска, на доске лежит тоска. Я той тоске, раб Божий Александр, велю: поди тоска, навались на красную девицу, в ясные очи, в чёрные брови, в ретивое сердце, в кровь горячую по мне, рабе Божию Александре... Вот, Шура, и вся присуха. А теперичи ляг опочинься, ни о чём не кручинься...

Дед Фома в сердцах воткнул крючок в сыромять, перекрестился и сухо сплюнул:

— Тьфу!.. с ума сдурела!.. Погладил бы тебя мутовкой² по дурной башке, дак мутовку жалко — обломишь... Ты кого, старуха, наговариваш?! Ты какого ляда³ с присухой лезешь?! Крешшонная, поди, а беса тешишь... По-божески, по-русски, дак посвататься бы... Вот возьмём да и пойдём, со-сватам девку...

Саня вообразил, как воскресным летним вечером, побрившись, наодеколонившись и нарядившись, потащатся они с дедом Фомой сватать девку, как деревенские посмеются вслед, как Аграфена Павловна, у которой Клава квартировала, по-учительски сурово обзовёт их пережитками феодализма и вытурит взащей. Вообразив неминуемый позор, Саня досадливо отмахнулся от старика:

— Кого-то выдумываш, дед... курам на смех. Свататься... Кто теперь сватается?! Сиди уж, без тебя обойдусь...

— Ага, обойдёшься... — опять досадливо сплюнул дед Фома. — Ноги до колен сшоркаш и ничо не выходишь. Ему, как доброму, а он ишо и шеперится...

— Ладно, дед, успокойся, охолони...

Баба Ксюша вышла хитрее деда Фомы: завернула в избу-читальню ...эдак досюльно старуха звала библиотеку... где исподтишка и сунула избачке заговорённую малину. А Клава при встрече со старухой похвалила варенье: до чего же сладкое, язык проглотишь.

А Саня справно посещал библиотеку... Возвращая очередную книгу, онемевший от любви, твердил: «Не-е, Клава, я не отступлюсь... А пойдёшь под венец, век буду на руках таскать и пылинки сдувать; слова поперёк не скажу, ничем не попрекну...» Парень видел радость супружеской жизни лишь в дарении, а какое бы счастьеце привалило, коли и суженая бы молилась: стану богоданному ноги мыть и омытки пить, побреду за милым хоть на край света, не посетую на холод и голод, лишь бы в жёны взял. Но Кланыя ничего не обещала, и малиновое варенье не присушило девку к Сане.

Но, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло... Уж и руки опустились ...Клава о ту пору с улыбочкой косилась на кудрявого и бравого, приезжего баяниста... уж и собирался Саня махнуть рукой на Кланю, поискать ровню, чтоб запрячь в дровни, уж и в деревне, глядя на печального Саню, сочувственно посмеивались: дескать, прошла любовь, завяли помидоры, но ошибались суесловы.

¹ Ичиги – мягкие сапоги из сыромятной кожи.

² Мутовка – нечто подобное деревянной лопатке для взбивания масла, для замеса теста.

³ Ляд (луд) – бес.

Излился малиновым соком месяц жатвы, взошёл месяц пылающих зорь, и хотя бабье лето, от Семена-летопроводца и до Воздвиженья Креста дарящее тихое, остатнее тепло, выдалось погожим, осень кралась в леса и луга. Вечерами в пойме реки клубились белые туманы, утрами на засыпающих, белёсых травах серебрилась паутина, леса укрылись лоскутным рядом ...а лоскуты малиновые, жёлтые, бурые, алые, багровые... и всё реже в цветастых лесах слышался птичий грай. Плыли к югу гуси, лебеди, утки и журавли, а, на ночь глядя, сияли в инее стареющие травы, и селяне, помня, что Семён лето провожает, а бабье обряжает, что август — припасиха, запасались на зиму лешевой закуской — грибами, ягодами.

И вот клубные библиотечные работники и работницы, лёгкие на подъем и на ногу, в Семенов день, что в изножье бабьего лета, собрались по рыжики и грузди. Ладилась в сосновые боры, что в пяти вёрстах от деревни. Старухи, сторожащие село в тени черёмуховых палисадов, охраняющие сельские нравы, сварливо поджимали иссохшие губы, прищуристо глядели на весело и гомонливо топающих посреди улицы грибников: на двух парней с заплочными берестяными горбовиками, на девок, наряженных, накрашенных, с тальниковыми корзинами. Бравый парень ...клубный гармонист, признали бабки... проходя мимо, манерно, с отмахом руки поклонился старухам: «Здравствуйте, девушки...» «Девушки» опешили, а потом старуха побойчее рассудила: «Однако, ихни домочадцы уже и кадушки¹ замочили... грузди-рыжики солить, — завалят грибами... А погляжу на их, дак, однако, не грибы, а ползунику-ягоду пошли сшибать...» Ползунику братъ, сшибать, — по-деревенски означало: миловаться, целоваться; ежели в супружестве — ладно, а ежели круг ракитова куста венчались — блудят. Старухи утихли, задумались: в грибной ватаге четыре безмужних девки и два парня холостых. Ладно, Саня — смирный до девок, по Кланьке сохнет, а вот приезжий баянист ...прости Господи... этому волю дай, всех подряд огулят, сотона!..

Шли грибники просёлочной дорогой сквозь несжатые ржаные поля, сквозь берёзовые гривы и пели, горланили, вышучивая друг друга; и лишь Саня, приبلудный среди культурного люда, мрачно помалкивал, зло косясь на баяниста, что увивался возле Клавы. Источивши, истомивши душу, Саня рванул вперёд...

Грибники же, миновав покосные луга, дошли до пустующей заимки, с невольной грустью осмотрели кондово рубленные, обвешавшие стайки, баню, само зимовьё, завозню с телегой, санями, вилами, граблями и прочим инвентарём, со сгнившими пряслами скотного двора. От заимки же в пологую сопку вздымался матёрый сосняк, куда, закусив домашней стряпней, и кинулись заядлые грибники. Уговорились о времени встречи и разбрелись во сосновом бору, перекликаясь, изредка встречаясь, и коли в азартную грибную страду время катится с крутой горки, то и не заметили, как усталое солнышко склонило голову к закатной сопке.

Саня, набивая рыжиками и сырыми груздями заплочную берестяную котомку, сперва пасса близости от Клавы, помня, что вокруг девы коршун кружит. Помня, что однажды баянист со своей сударушкой бродили по сосновым сопкам, где, ясно море, не грибы шукали, а ползунику брали, и Саня, что о ту пору тоже промышлял лешевы харчи, своими одичавшими глазами видел: где гармонист с зазной прошёл — сплошные лёжки, и покров до сырой земли изрыт, словно дикий кабан бороздил рылом. Липучий парень, наглый, уж и стыдили-совестили бабы и девки, а тому хоть плюй в глаза, — всё Божья роса. Стыд не дым, глаза не выест.

Так что, решил Саня, за баянистом глаз да глаз нужен, и ухо остро ...у кобеля вечный гон... а перво-наперво, Клаву из вида не выпускать. Но вскоре одолел парня грибной азарт, и если попервости высматривал рыжие семейки под кряжистыми соснами, на усеянных хвоей лысых взгорках, то потом оказалось, что рыжики, старые и малые ...хоть «литовкой» коси... высыпали по краю густого соснового подростка, выбегая на овсяное поле и просёлочную дорогу. Когда напластал грибов в котомку по самое горло, когда уже спустился с хребта на песчаный просёлок, чтобы брести к заимке, вдруг услышал далёкий-далёкий ...казалось, плачущий... Клавин голос: «Са-а-аш-а-а!.. Са-а-аш-а-а!.. Са-а-аша-а-а!..» Кинув грибную котомку, парень бросился в хребет; а через малое время высмотрел: неподалёку катится с хребта баянист. Буром прёт, напролом сквозь заросли багульника, будто озверевший кабан, и тревожно заныла Санина душа в лихом предчувствии... Зло взяло; хотел было кинуться за баянистом, но, поразмыслив, махнул рукой.

¹ Кадушка (кадка) – невысокая деревянная бочка для засолки рыбы, капусты, грибов, для хранения брусники зимой. Перед использованием кадушки замачивают в горячей воде, чтобы дерево разбухло, и закрылись щели.

Отчаянно откликаясь, кружил Саня, метался и вправо, и влево... Клавин голос слабел, терялся, потом вновь оживал в сосновом бору... и, наконец, по вялой, рваной нити голоса парень вышел на горемычную... Откинулась на забородатевшую сизо-голубым мхом сухую валёжину, от боли стиснула зубы, подвернула гачу зелёных штанов, стянула походный башмак и, болезненно морщась и жмурясь, растирала вспухшую, багрово-лиловую стопу...

Со слов девушки... а говорила Клава сбивчиво, сквозь слезы... Саня доспел: гармонист напугал... По-первости, видя, что наглый баянист пасёт её, помня его алчные взгляды, от коих холодела душа, Клава испуганно держалась возле подружки и корила себя дурёху, что улыбалась шалому парню. Но грибная страда увлекла, Клава забыла о подружке, а когда очнулась, оцепенела: явившись вдруг и рядом, словно из грибной хвои и мха, надвигался баянист. Он ласково ворковал с блуждающей улыбкой на пухлых губах и вот уже, раскорячившись, ухватил за плечи, и, жарко бормоча в шею, стиснул... Клава смутно помнила как забилась, словно глухарка в силках, как вдруг яростно вцепилась когтями в багровое лицо, а потом, когда парень с криком отступил, кинулась бежать, сломя голову. И блазнилось: загнанное сердце, готовое вырваться из груди, столь громко стучало, что эхо вторило в затаённом сосняке. И чудилось: позади трещат сучки, слышится одышливое дыхание, хотя баянист, не солоно хлебавши, плюнул девушке вслед, замесив плевков на забористой матюжке, и повалил с хребта.

А Клава, убегая, вскоре и подвернула левую ногу... угодила ступня меж вспученных сосновых корней, утаённых бурой хвоей... упала и вольно ли, невольно ли Саню и крикнула. Испуганно окликала и потом, когда, вползши на сухую валёжину, стянув рыжий бродяжий башмак, потирала полымем горящую стопу. Тут парень и надыбал бедалажную...

Слушал её Саня, и глаза зло узились, зубы скрипели: «Убью, гада...!» А потом, пав на колени перед дево́й, бережно взяв её жаркую стопу, оглядел опухшую лодыжку, и когда Клава, укрыв плачущие глаза, стиснув зубы, застонала, её боль томительно вошла в парня...

А в небесной синеве... над их бедовыми головушками... плыли журавли. Курлыкали, ворожа погожее бабье лето, и молодые, забыв боль, вслушались в курлыканье, гадая, что сулит им песня журавлиная: любовь иль разлуку...

Очнувшись, Саня задумался: как лечить девку?... «Помочиться бы на тряпку да той тряпкой ногу обмотать, а сверху сухой тряпкой затянуть...», но постеснялся сказать и вспомнил, что мелькали вдоль просёлка листья мать-и-мачехи: от ушибов и вывихов — первейшее средство.

Коли девка и ступить не могла на правую ногу, то, опершись на парня, пыталась скакать на здоровой ноге. Но куда ускачешь, коли на пути валёжины, чушачий багульник и топкий мох?! Взвалив на горбушку, чудом одолев нахлынувшее волнение, Саня поволок охромевшую Клаву и, мелкий перед дородной девкой, смахивал на муравья, влекущего груз вдвое больше себя. Когда выбившись из сил, запыхавшись, парень отдыхал, невольно, чтоб не упала, бережно обнимал Клаву, объятая высмотрела подруга, и, скатившись с хребта на пустую заимку, смехом оповестила девок: мол, девчи, Саньку с Кланькой можно не ждать — обнимаются...

У дороги усадил Саня де́ву на сухой взгорок, распластал сатиновую рубаху на ленты и, облепив лодыжку листьями мать-и-мачехи, туго замотал и опять взвалил де́ву на горбушку, словно крапивный куль, набитый... ох, не сеном; ну, да своя ноша не в тягость.

Хвалились жёнки бабьим летом на Семён-день, а того бабы не ведали, что на дворе сентябрь, что весна да осень на пегой кобыле рысят, — погода переменчива. Хоть и усталое, старчески вялое, но светило же солнце, а вдруг из-за хребта грянули тучи серыми волками, затмили свет, и заморосил, а затем полил, как из ведра, студёный дождь. А журавли пели погожее бабье лето... И когда Саня с Кланей, одетые по-летнему в суконные куртёшки, дотащились до брошенной заимки, то уже промокли до нитки, и так озябли, что зуб на зуб не попадал. Чтобы переждать дождь, мало-мало обсохнуть, завернули в зимовье, рубленное в кондовую лапу, наспех и на смех, с разнобойно торчащими, трещиноватыми торцами. Уже который год пустует зимовье... обезлюдела заимка... но чудом выжили двери, окошко, а в самом зимовье чудом сбереглись нары, лавки, стол и кирпичная печь.

Лишь вошли в избу, сквозь окошки нагретую солнечным светом, Клава, которую бил озноб, невольно прижалась к Сане. Тут и закружилась у парня голова..., но Бог миловал, не согрешили до венца, вернее, до штампа в паспортах. Вскоре дождь стих, и тугой верховик разметал тучи. Бабье солнышко осветило заимку, сосновую хребтину, овсяное поле, и Саня опять взвалил де́ву на спину, поволок до села, да так... под венец и приволок.

* * *

Сболтано ради красного словца — «под венец», в жизни же вышло так...

Вырядился Саня в чёрный пиджак и нейлоновую рубаху, Кланыя в белоснежное подвенечное платье с чужого плеча, но без фаты, и попёрлись молодые в сельсовет, обходя лужи и коровьи лепёхи, кланяясь любознательным старухам. Брели мимо Покровской церкви, где вместо куполов сиротливо и печально шатались на ветру чахлые берёзки и осинки, плакали под морозящими осенними дождями. А дед Фома со слезами поминал, как отроком пономарил в сем храме, в честь коего и повеличено село — Покровка. Поминал старый пономарь, как сбредались боголюбцы-богомольцы с ближних деревень на престольный праздник — на Покров Царицы Небесной, и Божественная литургия вершилась громогласным и сладкопевным крестным ходом. Дед Фома чтит народную власть: «Не ломали бы церкви, не гнобили народишко крещшоный, не трогали б царя, Помазанника Божиего, — цены б не было нонешней власти...»

Возле сельсовета дерзкие мальцы-огольцы осмеяли молодых:

Жених и невеста
поехали по тесто,
Тесто упало –
Невеста пропала!..

Саня, присев, кышкнул ребятишек, и те, вспорхнув воробушками, полетели вдоль по улице. А в сельсовете председатель — весёлый мужичок с лихими, до желта прокуренными усами — удивлённо оглядел пару ...паренёк по плечо рослой девахе со спелой косой... и подмигнул Сане: дескать, и как ты, малый, умудрился эдакую каланчу отхватить?! Управишься ли?.. Хотя, ежели сам аршин с малахаем, да жена махоня, вы кого наплодите?.. котят?.. А так оно и порода соблюдётся... Саня, схватив лукавый мужичий взгляд, нахмурился, и председатель, не пытая рискованную судьбу, отмашисто шлёпнул печатью в паспорта, кудревато расписался и поздравил новоженей.

На свадьбе, что пела и плясала в ограде подле раскидистой белой черёмухи, Саня, широко разваливая гармонию, играл, дед Фома подыгрывал на берёзовых ложках, отец же лихо выводил стародавнюю казачью песню:

...А ей парень отвечал:
— Будь моей невестой.
Верно Богом суждено
Жить нам с тобой вместе.
Вот как три денька пройдёт,
И рука с рукою,
В храм нас Божий поведут,
Милая, с тобою.
И поставят с тобой в ряд
Пред святым налоем,
Мы услышим в первый раз
Знаменье былое.
В руки кольца нам дадут,
Свечи со цветами,
На головушки несут
Венцы со крестами.
...И нам причастьеце дадут
Чашу золотую
Я тебя, моя любовь,
Трижды поцелую...

Невесте пало на душу песенное венчание, и Клава исподтишка вздыхала, что их свадьба без венчания и даже без серебряных колец, не говоря уж про золотые. Щегловы и сваты их, что прикатали из дремучей деревушки, смогли разориться лишь на свадебное застолье да тихие подарки новоженям.

* * *

Разочарованная сельсоветским бракованием, как смехом говаривали в селе, вспоминала Клава церковное венчание, кое сподобилась узреть в московское гостевание, когда чудным и чудным воскресным ветром занесло её — безбожную студентку — в белокаменный храм, дивом не закрытый властями, по синие купола утаённый сосновыми лапами и берёзовыми гривами от дерзких безбожников.

О Боге, что в книгах уничижено писался с прописной буквы, Клава ведала по рассказу «Медный крестик» из школьной хрестоматии и по ходовой повести «Чудотворная», где сочинитель¹ намалевал православных чёрным дётём, словно ворота сельской блудни; а из церковной жизни комсомолка знала лишь расхожие присловья: «кого ты бубнишь, как пономарь?!», «поп, толоконный лоб...», «не гонялся бы ты, поп, за дешевизною...».

Казалось, и буйные ветра не заметут в храм её, пусть не богохульную, равнодушную к вере, но Клава любила каменное и деревянное благолепие церквей. Любила, любовалась ...лепота!, и слышала сквозь века ангельское пение с древнего клироса, колокольный звон и лязг мечей... Позже из ветхих книг, пахнущих ладаном и древней пылью монашеских келий, и даже из кинокартин про ранешнюю жизнь Клава вызрела красоту церковных обрядов, и в душе пробудился пока ещё чуть слышный интерес ко Христу Богу. Но в церковь ходить робела ...комсомолка же... да и богомольный народец, что ...казалось ей... воровато шмыгал с паперти в церковный притвор, сплошь тупой и дряхлый, а коль помоложе, то калешный либо столь невзрачный, что бабу Ягу и Кощера Бессмертного мог бы играть без грима. Клаве думалось: эдаким тошнотворно пахнущим тленом и плесенью могильных склепов, эдаким убогим отвержам, что выплеснул мир на обочину, лишь в церквях и утешение. А Клава мечтала о великих комсомольских стройках, о палатках посреди сибирской тайги, о песнях под гитарный звон и сполохи костра, о голубых городах, где юноши и девушки — дети Солнца, дети орлиного племени. Мечтала Клава и о возлюбленном, видела его в мятежных девичьих снах: высокий, русоволосый и голубоглазый, — лирик либо физик. А случилось, являлись в сновидениях и бородачи, — охотоведы, геологи, полярники и прочий бродячий люд, по уши заросший мхом.

Гуляя по Москве, Клава обошла бы храм, лишь бегло глянув ...в столице столь музеев, куда любознательной провинциалке хотелось заглянуть, а ещё Красная площадь и мавзолей Ленина... но возле храма случилось чудо: из сверкающей чёрной «Волги» вышел жених, открыл другую дверцу и подал руку невесте. Клава смекнула: молодые, судя по свадебным нарядам, прикатили венчаться; и тут чудной и чудный ветер заметнул деву в храм вслед за женихом и невестой.

В дремотном мираже оплывали свечи на подсвечниках и поминальном кануне; а усталый лампадный свет мерцал на иконах, отчего святые лики теплели и оживали. Божественная литургия уже свершилась, но возле амвона и алтаря, утаённого иконостасом, ещё паслись прихожане, целовали иконы с молитвой на устах. Серый и сутулый паренёк ...похоже, пономарь... выставил посередине храма аналой, напоминающий Клаве институтскую кафедру и конторку, за которой досельные писатели сочиняли авантюрные и любовно-страстные романы; от святого же аналоя пономарь раскатал ковровую дорожку, по сей мягкой, вроде хвойной, тропе с минуты на минуту утицами поплывут венчаемые.

В притворе, где Клава опасливо жалась к белокаменной сводчатой стене, молодые и поджидали батюшку. Жених в чёрном костюме с искрой, в снежной рубахе с кружевным жабо ...подумалось: попович, поди, семинарист..., и невеста в подвенечном платье до пят, фате и перчатках по локти ...поповна, поди, в попадьи метит... Клава удивилась: парень — девья сухота: иконоликий, синеокий и русобородый, словно Алёша Попович на коне съехал с холста, а девка — серенькая мышь,

¹ Противохристианская повесть, написанная в годы хрущёвских гонений на церковь. Деревенский парнишка нашёл чудотворную икону, которая считалась бесследно утерянной во время послереволюционных гонений на церковь. Злые православные тут же принялись загонять парнишку в церковь ремнём и подзатыльниками, а он, как и положено юному пионеру, изо всех сил упирается. На подмогу ему приходит добрая атеистка, коммунистка и просто добрая бабушка - учительница из его школы. В советское время повесть постоянно переиздавалась огромными тиражами и широко, настойчиво пропагандировалась, особенно среди школьников. Для младших классов печатался отрывок из повести – «Медный крестик». В 1960 г. по повести был снят художественный фильм «Чудотворная», также активно использовавшийся в борьбе против религии. Позднее автор переработал повесть в пьесу под названием «Без креста», которая широко ставилась по всей стране; лишь в театре «Современник» пьеса имела более 800 спектаклей.

похожая на христарадницу, что слёзно канючат гроши на паперти. Ох, неровни жених и невеста; а вот она, с отрочества дебелия, столь браво бы гляделась подле жениха... Изрядно лет канет в испаханную лодками и катерами усталую реку, прежде чем Клавдия доспеет: видный паренёк избрал невзрачную деваху для смирения. Чтобы жить не из похоти, а во славу Божию, как речено у святого Игнатия Богоносца, — прежде, яко брат и сестра во Христе, а потом уж супружески, да и ради заселения державы христоролюбивыми чадами. Коли ангельский чин... иноческий постриг... не вместили в душу, то решили семью строить, словно домовый храм, а семья — образ сокровенного союза Христа с Церковью, где муж есмь образ Христа, а жена есмь образ Церкви. О сём и проповедовал батюшка...

Рядом с молодыми с напускной степенностью постаивали свидетели Божьего венца — паренёк с девкой, опоясанные белыми лентами, а за свидетелями — нарядные родичи, други и подруги венчаемых. И сродники, и ближние, и жених с невестой — все сладостно томились в предчувствии чуда, едва сдерживая волнение... Но вот молодые уже шествовали по ковровой тропе ко святому аналою, где их поджидали икона Божией Матери со Христом, Благая Весть и две витые восковые свечи. На исходе ковровой дорожки пономарь загодя постелил сероватый льняной рушник, где гладью цвета-сто и любовно вышиты листья, травы и цветы, голубь с голубицей, несущие в клювах обручальное кольцо; а по краям рушника словеса: «Господи, благослови!» и «Совет да любовь!». Пред святым аналоем... воистину, пред Царём Небесным и Царицей Небесной... дьякон ввёл подвенечных на рушник, и началось обручение и венчание.

Клаву подивил священник, что явился из алтаря со крестом на престольном и Святым Писанием... В разночинных и дворянских книгах, что институтка читала запоем, попы — гривастые, аки жеребцы, от чревоугодия пузатые, похожие на самовары, от возлияний багровые, а нынче возле иконостаса махал дымящим кадилом священник без поповского брюха, бледный, сухой и высокий.

От венчания Клаве запомнилось чудо: когда батюшка обручал и крепил узы Божиим венцом, лица жениха и невесты на её глазах посветлели и обратились в иконные лики, словно цветы, что после ночной тьмы раскрываются встречь утреннему зареву. Глядя на венчание отпахнутыми и обмершими глазами, дева запомнила, что она — безбожница, как и вся советская молодёжь, и не то что венчаться ей, комсомолке, а и в храм-то ступать зазорно! Упаси Бог, подружки увидят, растреплют по институту, а ежели комсорг прознает, — прощай диплом. Обо всём на свете дева забыла, дивясь обручальному, венчальному чуду! Мало того; и сама возмечтала укрыть венцом русые косы.

* * *

Нынче же на своей певучей свадьбе посреди двора Щегловых Клава с потаёнными слезами поминала величавое церковное обручение и венчание, что исподтишка подсмотрела в городском храме...

Когда свадьба отпела, отплясала, угомонилась, и синеватые сумерки пали с небес на таёжное село, жених и невеста, пугаясь грядущей ночи, сидели за опустевшим столом, глядя как жарко горят звёзды, как луна призрачной птицей уюстилась на черёмуховый куст. Клава, помянув и венчание в храме, что узрела в студенческие лета, и песню, лихо сыгранную и отпетую её женихом, прошептала:

- А может нам, Саша, обвенчаться?..
- Круг ракитова куста?
- Нет, в церкви...

Саня загорелся, и на другой день, когда в застолье сидели лишь близкие родичи, спросил о венчании у бабы Ксюши, и богомольная старуха пояснила:

- Которые невенчаные, те в блюде живут...
- Ежели расписаны, дак не в блюде, — перечил сын, без венца наплодивший трёх девчат, пятерых ребят, а посередь и Саню.

Старуха не слушала сына, толковала внуку святую правду:

— Вот оно бы, Шура, и ладно Божиим венцом-то укрыться... Дак надо же сперва креститься... А крестятся, ежели в Бога верят, в душу бессмертную, в рай и ад...

Дед Фома при царе-батюшке справно учился в церковно-приходской школе, отроком пономарил в здешнем Никольском храме, а посему церковно выразился:

— В Кормчѣй книге речено: «...[жених и невеста] да умеют исповедание веры, сиречь: Верую во единого Бога, и Молитву Господню, сие есть: Отче наш; и иже с ними Богородице Дево и деся-тословие...» Так вот: без веры венчаться не попрѣшь — во грех будет; без веры, как поганые, — круг купальского костра...

Но простодушные Саня и Кланы верили в безбожный рай на земле; «бормотуха» — так дразнили радио — с пелѣнок внушала, сулила малым чадушкам: «Нынешнее поколение детей будет жить при коммунизме». Оно бы и ладно пожить в земном раю, но и обвенчаться бы не худо — и красиво ... со свечами так... и крепко, на всю супружескую жизнь...

* * *

Катился паром с горбатой реки и на дощатой хребтине вѣз Клавдию к учителю ...времяшился же в душу... но баба, мигая от приступающих слѣз, глядела на родного мужика, что неприкаянно маячил на брошенном берегу ...потешный, чудной, печальный... и чудилось, жалобно просит Саня: «Клава, а споём-ка нашу...» и запекает:

Ты лети от Волги до Урала,
Песня журавлиная моя...

Кажется Клавдии, тяжело Саня поѣт; одышливо и срывисто, сквозь плач. А как, бывало, легко и вольно пел звѣздными вечерами, бережно и нежно подыгрывая на гармошке, когда уходили в заокольную рощу, где на поляне жалась к берѣзам заветная лавочка! А то, бывало, усаживались на крыльце подле раскидистой черѣмухи... Что отраднее мужику, ладно и азартно откосившему на утренней и вечерней заре, в бане отпарившему, смывшему пот и дорожную пыль, закружиться в песне, словно на речных волнах. Подпевала Клавдия, и дивилась семейному ладу обмершая над кустом черѣмухи румяная луна, что плыла от реки, где любовалась ликом в сверкающе чѣрном, как дѣготь, прозрачном зеркале.

А, бывало, на пылающем закате возвращался плотник и любовался избой: дородная, под стать Клавдии, златовенцовая, глазастая, изукрашенная резными карнизами, причелинами и полотенцами; своими руками рубленая, а словно самостийно выросшая на отшибе села у заокольного березняка. А узрит Саня в распахнутом окне читающую либо мечтающую Клаву, так с рыси в галоп и ударится...

Глядя с парома на млелую, полуденную реку, устало бредущую к морю-океану, Клавдия, вдруг, увидела: Саня в белой, навывпуск, посконной рубахе, уместившись на верхнем венце, вырубал гнѣзда для стропилин, крепил стропила и обрешѣтку под грядущую крышу ...коли в мошне забренчит, то даже из кровельного железа... и Клавдия, вынося мужу крынку молока и горбушку ржаного хлеба, любовалась плотником: сияло солнце за его спиной, отчего лицо иконно светилось.

...Чалился паром к пристани, топорно рубленной, промытой и добела выгоревшей на палящем солнце, а Клавдия, шурясь, всё вглядывалась в деревенский берег, где остался Саня... Вот потѣрся паром о причал, отпустил новобранцев, гулевой люд, да и наладился обратно...

Когда паром вернулся к деревенскому берегу, Саня ...а мужик так и сидел на лысом бревне... вдруг высмотрел Клавдию, замахал руками и весело покатился к старому причалу. Встретил, принял чемодан, и пошли милые, солнцем палимые...

Волок Саня чемодан от реки в крутой яр, следом по тропе, словно утица по реке, плыла Клавдия, и, глядя на потешную семейку, мужики посмеивались: «Помирились, Саня с Кланей...», бабы глаза пучили в диве, а старухи крестились: «Дай, Боже, Сане и Клане ладом жить, детей плодить...»

Вилась тропа в песчанике, среди сухих трав и сиреневых цветочков чабреца, голосили чайки над речной отмелью, и Саня без усталости молотил языком, поминая книгу, что всколыхнула его душу. Клавдия с улыбкой отвечала книгочею... И вдруг Саня кинул чемодан прямо в заросли чабреца:

— Нет, ты, Клава, погоди!.. ты погоди!.. При чем здесь Онегин?!.. Шатун же, бич, без царя в голове, в поле ветер, сзади дым... Нынче бы ему за тунеядство статью впяли. Лодырь же и без профессии... болтается, как навоз в проруби... Не-е-е, будь моя воля, я бы Пушкину сказал: «Александр Сергеевич, ты хошь и великий лирик, а насчѣт заголовка маху дал, обмишурился... Какой «Евгений Онегин»?! «Татьяна Ларина» — вот как надо было роман назвать...

— Тебя рядом не было... — засмеялась Клавдия, — подсказал бы Пушкину...

— А что, и подсказал бы... Я — из народа, а Пушкин, хоть не из народа, а любил народ. От того и великим-то стал, что народ полюбил, в мужика, поди, хотел обратиться, вроде Толстого... Вот и послушал бы... Слушал же Арину Родионовну, бабу деревенскую, в стихах воспевал... Помнишь, Клава, писатель в клубе выступал?..

— Махонький, вроде тебя...

— Клава... — Саня обижался, когда ему напоминали, что он приземистый. — Клава, запомни, ум от роста не зависит. Ты вот большая выросла...

— Не обижайся, Саня; я же, любя...

— Я не обижаюсь, я даже горжусь: все великие были приземисты, вроде меня — Пушкин, Лермонтов... И на лицо невзрачные...

Кланя засмеялась, а Саня подхватил чемодан, и потешная парочка побрела по извилистой тропе.

---Ладно, сбила меня с толку... О чём я говорил?

— Про писателя... про Пушкинскую няню...

— Во, во, про писателя... А писатель в клубе говорил: ежели бы певичка Сукачева... — Саня помянул имя лохматой и бесноватой эстрадной дивы, что не вылазила из телевизора, ревела денно и ночью, тряся рыжими патлами, — ежели бы у Пушкина вместо Арины Родионовны в няньках жила Сукачева Алла, то из Пушкина вырос бы Дантес. О как!.. Но я не о том... я говорю, что Пушкину бы роман назвать «Татьяна Ларина»: Татьяна — главный герой. А что Онегин?! Баламут... Ещё и Ленского почо-то завалил... И для народа — иностранец... А Татьяна, хошь и барыня, а будто из крестьян...

— «...Но я другому отдана и буду век ему верна...» — вспомнила Клавдия со вздохом.

— Во, во...

— А давай, Саня, обвенчаемся...

Саня поставил чемодан — дело серьёзное, на ходу не обмозгуешь, надо постоять либо присесть, коли в ногах правды нету. Саня и присел на чемодан, задумался:

— А что, махнём в город и обвенчаемся... Но сперва же креститься надо... — вспомнил Саня слова бабы Ксюши и добавил в уме: «А это ж надо в Бога верить, в рай и ад... А космонавты в за-небесье летали и Бога не видали...»

* * *

Саня с Кланей наплодили пятерых чад, мал мала меньше — сплошной горох. Погребли дедичей и отичей, бабок и матерей, и, затепля свечи у поминального кануна, молились, чтобы Господь упокоил души усопших раб Своих. Молились и о своём житье-бытье, что осело на мель: ржаво тосковал без заделя Санин бриткий плотницкий топор, а Кланя в библиотеке уже год не видела зарплату, открывая читальню изредка, по привычке, и семья о семи душ спасалась от глада и хлада тем, что держала двух дойных коров, трёх бычков да трёх коней. Пять голов крупного рогатого скота да семь коней, что вольно паслись в заокольной степи. Клавдия, крестьянского кореня, но в учении и библиотечной жизни раскрестьянившись, снова принаравливалась к скотному двору, и даже коров доить училась на пару с мужем... От зари до зари, не разгибая поясницы, чертомелила семья Щегловых: косили сено, садили, копали картоху, растили скот, продавали молоко да мясо попутно с картошкой, и на выручку со скрипом выживали. Хотя и грех жаловаться, не голодали: мясо, масло, молоко — своё, в подполье картошка под половицы, в погребе — бочка квашенной капусты и бочонок с брусницей и лешевой едой — с груздями и рыжиками; но мало же накормить чад, их же треба одеть, обуь и выучить...

С едкими бабьими слезами, с мужичьими стонами, хохотом жёлтого дьявола рухнула народная власть, что ладилась по Божиим заповедям, но, увы, без Бога, и супостаты, ошалевшие от алчности, ограбили страну до нитки. И Россия, христарадница, из толчеи, томящей дух, ушла в храм, ибо голодным, холодным простецам дана была лишь одна утеха, — вера, что по любви к Вышнему и ближнему, по скорбям Христа ради одарит Господь покаянных спасением и вечным блаженством. В церкви паслась и вся по тем временам многочисленная семья Щегловых; там и Саня с Кланей обвенчались... оно, вроде, и запоздало, но всё же лучше, чем никогда.

Махнули бы в губернский город Иркутск, и возложили бы им брачные венцы аж в Знаменском соборе, где владыка служит, но ехать далеко, да и автобусные билеты кусаются... Обручились и обвенчались Щегловы в сосновой Никольской церквушке, кою молодой батюшка и Саня с напарником срубили за два лета, а владыка освятил в честь Николы Угодника. Батюшка же уговорил Саню послужить сперва алтарником, а вскоре и пономарём...

Помнится, сперва оглядели старый храм, где давно уже сбили крест, где вокруг ржавого купола слезливо жалась друг к другу тощие берёзки и осинки, где кирпичные стены уже дышали на ладан, и поняли: не осилить. И тогда решили рубить деревянную церковь на скалистом речном берегу, для чего и пошли по миру с протянутой рукой...

В девьи лета вещим ветром занесённая в городской храм, созерцая обручение и венчание, Клава смутно, в подсознании догадывалась лишь о избранных смыслах таинства, очевидных и ясных, а уж что из божественных книг звучало под куполом, студентка слыхом не слыхивала, ведом не ведала, редкие слова угадывая в церковнославянской вязи. Но таинство даже не запомнилось, втемяшилось в память, ибо ещё не случалось в Клавиной заплочной жизни впечатления ярче... ярче лишь солнце... и пала на душу блажь повенчаться с грядущим мужем, лишь бы походил на высокого, русобородого жениха, главу коего на её глазах Господь украсил золотым венцом.

* * *

Увы, не надыбал Клаву на печи русобородый, высокий, синеокий. Судьба свела и свила с плотником Щегловым, похожим на ершистого подростка; и метельным закатом столетия, будучи уже чадородливой бабой, Клавдия обручилась и обвенчалась в сельской церкви, а затем, посылно воцерковленная, осмыслила чин.

Жених и невеста... так смеха ради Саня с Кланей величали себя... накануне исповедались и причастились на Божественной литургии, а после полудня ласково завернули в рушник, расшитый алыми райскими птицами, икону Божией Матери со Спасом, что досталась Щегловым от бабы Ксюши, Царствие ей Небесное. А потом стеснительно наряжались для обручения и венчания...

Клавдия — лебедь-птица, вывела детей вереницу, пятерых погодок, и нынче с улыбкой вспоминала, как в избе жениха и невесту облепили ребятишки. Дивились, глядя как родители, нарядившись, надушившись, встали перед шифоньерным зеркалом: отец в чёрном пиджаке поверх белой сорочки с коробисто торчащим, накрахмаленным воротничком, невеста в светло-зелёном платье с алой косынкой на шее, а с белой поверх кос, уложенных старомодным венком. Клавдия, оглядев в зеркале себя, похожую на копну свежескошенного сена, и богоданного Саню, ростом ей по плечи, засмеялась: привиделась ей старинная картина, где Пушкин с Гончаровой вздымаются по ковровой лестнице, и так же отражаются в зеркале. Хотя против Гончаровой Клавдия баба бабой, да и Саня на Пушкина мало похож: Пушкин — барин, а Саня смахивал на малорослого, заполошного, худородного мужичка.

У церкви, золотисто сияющей среди сосен и лиственей, жениха и невесту поджидали други, подруги и дьякон — худенький, вихрастый паренёк, который принял от молодых икону бабы Ксюши, бережно завернутую в рушник, и прямо на паперти бойко растолковал обручальный и венчальный чин, а затем и ввёл во храм Божий. И тут же явился отец Евгений — медвежалый, смуглый мужик в чёрной скуфейке, похожей на богатырский шелом, в чёрном подряснике, на чреслах широкий ремень с медной бляхой; шёл, смачно скрипя башмаками, шёл раскачисто, словно борец по ковру, — воистину, воин Христов, духовник воителей, окормлявший горемычных русских солдат на Кавказе. Батюшка и возглашал при богослужении, как полковой священник на плацу: от гласа иерейского лампадный огонёк колыхался, яко от страха Божия; при эдаком иерейском голошении поневоле вонмешь горним глаголам.

«...По Божественной литургии, священнику стоящу в святилищи, предстоят хотящие спрягаться пред святыми дверьми: муж убо одесную, жена же ошуюю. Лежат же на десней стране святяга трапезы перстни их два, золотый и серебряный, серебряный убо уклоняся к десным, золотый же к левым, близ друг друга. Священник же назнаменует главы новоневестных трижды, и дает им свечи возжженны, и введ я внутрь храма, кадит крестовидно, и глаголется от диакон...» Обручальный зачин из поповского Требника речен по-церковнославянски ради словесной лепоты, но, дабы не сморить книгочея, поведаем чин обыденной речью...

Вот батюшка, облачившись в епитрахиль и фелонь, явился из алтаря чрез царские врата, возложил на святой аналой золочённый крест и Евангелие в кожаном переплёте с золочёнными застёжками. Позже богомольная подружка растолмачивала Клавдии: ежели в чине крест с Распятием Спаса и Благая Весть, сиречь Евангелие, стало быть обручает вовсе и не батюшка, а Сам!.. — тут подружка обмирала, округлив глаза, — Сам Царь Небесный, незримый плотскими очами; батюшка же глаголет то, что Царь вложил в души святых отцов, что грамотеи и запечатлели с их бледных, иссохших уст.

Коли Саня с Кланей в сельсовете расписаны, коли изрядно отжили и чад нажили, то и обвенчаться бы им без обручения, но Саня, церковный пономарь и плотник, срубивший храм с батюшкой и прихожанами, возжелал, чтобы полным чином. Абы в душах жарко и ярко светилась любовь к Вышнему и ближнему, батюшка, крестообразно и трижды благословив, вручил Сане и Клане горящие свечи, а дьякон ...сухой, но горластый паренёк... зычно спросил:

— Благослови, Владыко!..

Батюшка сотворил молитвенный зачин:

— Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков...

И взмолился дьякон в мирной ектеньи:

— Миром Господу помолимся... О рабе Божии, Александре, и рабе Божией, Клавдии, ныне обручающихся друг другу, и о спасении их, Господу помолимся...

Возглашал дьякон, и незримый хор всякий раз голосил с клироса, устроенного на балконе, словно воспевали ангелы под куполом:

— Господи, помилуй!..

— О еже податися им чадом в приятие рода, и всем яже ко спасению прошением, Господу помолимся...

«Оно, может, с чадами и погодить?.. — спросила Клавдия, глядя на лик Матери Божией, — этих бы пятерых одеть и обуть, выучить да в люди вывести... — невеста и себе боялась сознаться, что и полгода не канет, как и шестой попросится в мир. — Время-то какое: не живём, а со слезами выживаем. Хотя и грех плакаться... Опять же, и ребятишки в радость...» Легки на помине, тут же и привиделись детишки: белобрысые, стриженные под горшок, молятся возле алтаря, склонив головушки, словно подсолнушки; а неподалёку, бывало, крестят лбы и пятеро иерейских чад, на обличку, правда, смуглые, вроде здешних гуранов¹.

Когда батюшка пел о чадородии, Саня вздохнул: бывшие напарники, плотники и столяры, при встрече посмеивались: «Эдак ты, паря, и колхоз настрогаешь...». И тут же, некстати разулыбавшись, Саня помянул байку, что поведал батюшка. Некий сельский житель пришёл к приходскому священнику и плачется: «Отче, пять лет с женой живу, и ни плода, ни живота...» «Не унывай, чадо, ибо унынье есмь грех, — утешил батюшка. — А поезжай-ка, овче, в город да в храм святого Сергия Радонежского поставь самую большую свечу перед образом святых Кирилла и Марии Радонежских да и помолись им о даровании чад. И так случилось, что батюшку перевели в другой приход, и, вернувшись через десять лет, он услышал, что у того мужа уже девять детей. Заинтересовался батюшка и когда пришёл в дом, где обитала многочисленная семья, то старший сын известил: «Папки и мамки дома нету...» «И где же они?..» «Мамка в больнице, десятого рождает, а отец поехал в городскую церковь свечу задувать...»

А дьякон и дальше пел ектенью, и после всякого прошения взывал к Богу: «Господу помолимся...», и венчаемые в душе вторили ему: «Господу помолимся...»

— О еже низпослатися им любви совершенней, мирней, и помощи... О еже сохранитися им в единомыслии твердей вере... О еже благословитися им в непорочном жителстве... Яко да Господь Бог наш дарует им брак честен, и ложе нескверное...

После дьякона, и батюшка возгласил молитву:

— Боже вечный... благословивый Исаака и Ревекку... Сам благослови и рабы Твоя сия, Александра и Клавдию, наставляя на всякое дело благое!.. Господи Боже наш, от язык предобручивый Церковь деву чистую, благослови обручение сие, и соедини, и сохрани рабы Твоя сия в мире и единомыслии...

Меж тем дьякон взошёл в алтарь и на серебряном блюде принёс обручальные кольца, что до-

¹ Гураны – русские забайкальцы и прибайкальцы, в некоем колене помешанные с бурятами либо тунгусами.

сель обретали Божию благодать на святом престоле. По чину жениху бы кольцо солнечно золотое: муж для жены — солнце, а невесте бы кольцо серебристо лунное: жена для мужа — луна, но золотые и серебряные кольца Щегловым не по карману, где блоха мечется на аркане, а посему в ход пошли кольца самодельные, вырезанные из меди, но мелом и голяшкой от валенка так надраенные Саней, что от золотых не отличишь. Санин дружок, что смастерил кольца, внутри колец исхитрился выгравировать имена: в согласии с древним благочестием на кольцо, что нежнее, для Клавдии, выскреб «Саня», а на том, что матёрее, для Сани, начертал «Кланя».

Батюшка кольцом трижды запечатлел крест на Санином лбу и огласил:

— Обручается раб Божий Александр рабе Божией Клавдии, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!

После чего и окольцевал жениха, а затем кольцом трижды начертал крест и на лбу побледневшей невесты:

— Обручается раба Божия Клавдия рабу Божию Александру...

Возложив перстни на десницы обручающихся, трижды их поменяв с руки жениха на руку невесты и наоборот, священник напомнил реченное в Святом Писании:

— Господи Боже наш, отроку патриарха Авраама шествовавший в средоречии, посылая уневестити господину его Исааку жену, и ходатайством водоношения обруčiti Ревекку открывый. Сам благослови обручение рабов Твоих, сего Александра, и сея Клавдию, и утверди еже у них глаголанное слово: утверди еже от Тебе святым соединением... Перстнем дадеса власть Иосифу во Египте; перстнем прославися Даниил во стране Вавилонстей; перстнем явися истина Фамары; перстнем Отец наш Небесный щедр быст на Сына Своего: дадите бо, глаголет, перстень на десницу Его, и заклавше тельца упитаннаго, ядше возвеселимся...

Саня и Кланя враз, словно единой головой, вспомнили о том, что сосед ...у Сани рука не подымалась на доморощенную овцу... заколол тельца упитанного, и сейчас свеженина, сваренная в чугунном казане, томится в русской печи; всем гостям хватит, когда под черёмухой накроют стол, когда зарыдаёт и заликует Санина гармонь.

А пока дьякон возглашал ектенью: молился за Великого Господина и отца нашего Святейшего Патриарха Алексия II, за богохранимую страну Российскую, за властей и воинство её, за всех христиан и...

— Ещё молимся о рабах Божих Александра и Клавдию, обручающихся друг другу...

Клирошане трижды поклонно отголосили:

— Господи, помилуй

«Аще убо хотят в тожде время венчаться, входят во храм со свечами возжженными, предыдущу священнику с кадильницею, и поющу псалом...»

* * *

Мирной ектеньёй скрепилось обручение и грянуло венчание: с горящими свечами замерли жених с невестой у святого аналая, где батюшка, бряцающая кадильницей, откуда дымом клубился сладчайший ладан, пел псалом царя Давида, а клирошане, припеваючи, славили Бога:

— Блажени вси боящиися Господа...

— Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе..

Из Давидова псалма в разум невесты, а по жизни уже детной бабы, запали царские словеса: «Жена твоя яко лоза плодovита, во странах дому твоего... Сынове твои яко новосаждения маслична, окрест трапезы твоея...» Душу былой книгочеи и книгохранительницы до нервной дрожи потрясала горящая мудрость божественных творений; мало того, Клавдию умиляли до слёз даже вычитанные или услышанные на литургии церковнославянские местоимения и союзные слова, вроде, *аз, есмь, паче, паки, наипаче, иже, еже, еси, аще, се, несть, зело, лепо, мя...*; и в речи бывшего советского библиотекаря рухнула словесная дамба, и в речь вольно влились ходовые библейские обороты: вроде *притча во языцех, за други своя, на сон грядущим, ничтоже сумняшеся, глас вопиющего в пустыне, возвращается ветер на круги своя, метать бисер перед свиньями, устами младенца глаголет истина...* Клавдию дивило, что у Сани, хотя и, случалось, прислуживал батюшке в алтаре, речь как была деревенской, так деревенской и осталась. И Клавдию иногда потешало, как муж деревенским разговором толковал про любовь Онегина к Татьяне, а ныне толкует Библию.

Сотрясением души и рассудка стало для Сани Святое Благовествование от Марка, где евангелист глаголит: «Когда наступила суббота, Он начал учить в синагоге; и многие слышавшие с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем». Возликовал пожизненный плотник, когда уяснил, что и сам Иисус Христос в земном житии тоже был плотник; и возомнил мужик: де, и ремесло плотницкое свято, святей хлеборобного. Ведала Клавдия: «Жена да убойтся мужа», но перечила Сане: мол, Христос речет крестьянским говором...

Клавдия по юности, подвывая, читала Пушкина и Тютчева, Ахматову и Цветаеву, теперь привадилась вслух, с былым подвывом читать псалмы, восхищаясь живописными образами; а иногда, слыша незримые звончатые гусли, пела, услаждаясь царской речью: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возметает ветер от лица земли. Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешници в совет праведных. Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет...»

Из женщины с вузовским дипломом обратившись в деревенскую бабу ...нет худа без добра... Клавдия и Христа в Его земном житие причисляла к сословию крестьян ...правда, Саня, потомственный плотник, горделиво уточнял: из ремесленных крестьян, из плотников... а крестьяне, как она вычитала у сельского писателя, будучи «от креста» и «Христа» — выражали земные и небесные мысли не мертвецки учёным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни: «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо...»; «Его же Лопата в руке Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим»; «Се изыде сеятель, да сеет.. И сеющу, однаво падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявши, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...»

Вдохновенно, прихватывая ночи, отрывая очередное чадо от молочных сосцов, Клавдия лет за пять осилила Псалтырь, а ранее Святое Писание, и в их горнем сиянии помещичья литература, которой служила верно и азартно, вдруг показалась пустобайной, а то и порочной, воспевающий страсти земные, что даны князем тьмы не погибель душ. Уныло оглядывая книжные полки в родной библиотеке, Клавдия ныне жалела лес, что нещадно пластали на книжную бумагу, но для души всё же оставила книги избранных писателей, про кои могла воскликнуть по-пушкински: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», «...и милость к падшим призывал...», и «...муза, (здесь) послушна Богу...» К сему книгочейная страсть, а с нею и былые туманные мечтания сгнули в истовой материнской жалости к чадам, ибо жалью жив человек...

Когда две глухие двери, сшитые из гладко струганных сосновых досок, утаивали детские голоса, когда ночной тишью опускались с небес сокровенные вечера, когда слетала с души пыль, скопленная за день, и душа посвечивала ласково и тихо, Саня с Кланей сумерничали в горнице; посиживали рядом, говорили ладом, судили-рядили о семейных заботах-хлопотах, и всё впереди виделось ясно и заманчиво.

Вот и нынче, угомонив и уложив архаровцев — так Саня обзывал старших ребят, что вольничали — сморив меньших сказками про Ванюшу-дурачка и заунывными песнями, Клавдия погасила свет в одной и другой ребячьей камере и на цыпочках прошла в горницу. Саня с книжкой посиживал за круглым столом, крытом серой льняной скатертью. Над книгочеем низко нависал розовый абажур с кистями, но лишь Клавдия появилась в горнице, Саня тут же, бросив книжку, обнял жену, тесня её к обширной, супружеской койке с резными спинками.

— Успокойся, Саня. Давай почитаем...

Саня, с нарочитой печалью вздохнув, упал на стул и опять открыл книгу. А читал мужик книгу

не простую — Ветхий Завет, чтобы вызнать про христиан, что праведно жили и до Христа. Клавдия принесла из кухни творожные и брусничные шаньги и курильский чай — жили скудно: пили травяные чаи, ели всё, что рождала огородина и окрестная тайга — и под чай слово за слово размышлялись. Вроде, махнут в озёрное село к родителям Клавдии, сдадут ребятишек на руки деду с бабкой, отпихнут лёгкую кедровую лодку от мостков, с которых бабы воду берут, угребут на другой берег озера, потом через камышовый пролив войдут в соседнее озеро, пересекут на гребях и разобьют табор на диком берегу, где под таёжным хребтом пряталась родная деревушка Полоротовых, где нынче лишь бугорки, заросшие дикой малиной. И, словно новожени в медовый месяц, порыбачат с тремя ночевыми, а перво-наперво, Саня ...плотник же... из лиственничных жердей, прошлым летом ошкуренных и уложенных на высокие сушила, срубит поклонный крест, вкопает на крутом и голом яру, обложив валунами, дабы издали зрели рыбаки: се жили люди крещённые, жили по-божески, по-русски, и улеглись навечно: упокой, Господи, души усопших раб Твоих, и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное.

Раньше Саня с Кланей стеснялись вслух бормотать Боговы слова; молились молча, наособицу и повинными взглядами каялись друг перед другом, и прощали, и потаёнными вздохами благодарили Спаса, что не развёл их памятным утром, когда плыл паром по реке миражным облаком, и «журавлиная песнь» кружилась над речными серебристыми струями.

А венчание меж тем продолжалось, и батюшка — семинарский отличник, помнящий на зубок изрядно из Писания и Предания, любомудрый и краснопевный, ведая, что Клавдия начитанна, а Саня, пономарь, уже вдосталь наслушался иерейских проповедей — поучал не столь жениха и невесту, сколь свидетелей таинства, дабы благодать таинства излилась елеем и на всех боголюбцев, а их собралось изрядно, — в кои-то веки в селе венчание.

— Венчание есмь христианское таинство, в коем жених и невеста пред Богом дают посул о супружеской верности, и венец их Богом благословляется... «Любовь супружеская есть любовь, Богом благословенная», — поучал святитель Феофан Затворник. Дабы ваш союз был достойным отображением таинственного союза Иисуса Христа с Церковью вы, Александр и Клавдия, ныне обретающие венец, должны плоть подчинить духу... Венцы брачные — се вериги подвижничества, венцы победы над чувственностью... Любовь... Нынешняя популярная культура — литература, кино, телешоу — что воистину от князя тьмы и смерти, до поганого блуда опустила понятие любви, а Любовь — имя Бога... С крещением и облачением Древней Руси во Христа русские уже не поклонялись блудным бесам, но осознавали Любовь, яко имя Бога — *Бог-Любовь*, *Бог-Слово*, — и образ Бога на земле, ибо в христианском воззрении любовь — любовь к Богу и ближнему и ничто иное. Бог сотворил всё по любви, ибо Сам Бог есть Любовь. «Где любовь, там Бог, там всё доброе», — поучал святой праведный Иоанн Кронштадтский. А святой любомудр Иоанн Лествичник так мыслил о любви: «Любовь — дар не мира сего, ибо это имя Самого Бога. Поэтому она неизречена». Божественно воспел любовь святой апостола Павел: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и гору переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздаю все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится... Любовь никогда не перестает, хотя пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»*. У православных, принявших Божий венец, любовь в брачных отношениях — любовь и небесная, и земная, и брак был стойким и счастливым, если в браке полюбовно уживались три начала: православно-христианское, домостроительное и чувственное. Се значит, что для жены богоданный муж, Богом данный, есть и возлюбленный брат во Христе, и отец семейства, а уж потом мужчина во плоти. Для мужа богоданная жена, Богом данная, есть и возлюбленная сестра во Христе, и мать семейства, а уж потом женщина во плоти. Брак, венчанный на небесах Господом Богом, был радостен и крепок, коль зиждился на крепких братско-сестринских отношениях во Христе, если жена попалась домовитая, смиренная, живущая по заповедям Христовым, во страхе Божиим, если муж — работающий, яснодушный во Господи, жалостливый, но и кремнистый духом православным, за коим жена, яко за каменной стеной — *за мужика завалюсь, и беса не боюсь*. Божественный брак

в православной семье не шатался и без чувственного начала и даже без отцовско-материнского, но крепко держался на одной лишь братско-сестринской любви во Христе. И супруги, помяная свои отношения, не говорили: любил и любила, а *жалел и жалела*... Традиционные русские понимали *любовь* в смысле *любовь к Богу и ближнему*, а у супругов друг для друга была припасена *жаль*. Вопреки жестоковейным романтикам, изъеденным мирской гордыней, полагающим, что жалость унизительна. После любви к Богу жалость к ближнему превыше всех иных душевных свойств... Недаром, и поговорка в русском народе жила: *человек жалью живёт*... Муж перед Богом ответит и за свои грехи, и за грехи жены, но за сие, как говорил апостол Павел ефесенянам, «...жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос Глава Церкви, и Он же Спаситель Тела (*Тела Церкви*). Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем».

Изреча апостольские поучения, иерей, прищурило глядя в Санину душу, спросил:

— Имаши ли, Александр, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, пояти себе в жену сию, Клавдию, юже зде пред тобою видиши?

Саня, хотя и от случая к случаю пономарил в храме, когда плотницкий топор бездельничал на верстаке, хотя кое-что и смекал в божественной литургии и таинствах, ныне вдруг замешкался и лишь кивнул головой. И тут уже услышал грозное повеление отца Евгения:

— Глаголь, Саня: «Имам, честный отче!»

— Имам, имам, честный отче.

— Не обещался ли еси иной невесте?

— Реки, Саня: «Не обещахся, честный отче».

— Не обещахся, честный отче.

Какие обещания?! Помнится, Саня горбатился на клятого буржуя, пахал ...прости Господи!.. на воровском лесоповале и, бывало, уже на третий день так затоскует по Клавдии, что бензопила из рук валится, кус хлеба, словно корённый либо ворованный, поперёк горла топорщится. Хотя, что уж греха таить, случалось, и любовался на бравых девок, и даже блудные помыслы, случалось, палили грешную душу, но Саня тут же воображал Клавдию, что в бабах пуще расцвела, тем и спасался. Но ежели и Клавдия не выручала из беды, настойчиво шептал «Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!..», и шептал так плотно, что меж словами и малого зазора не оставалось, куда бы скользнул помысел. И завершал мольбу лишь тогда, когда гасло любово-страстное пламя, и молитвенный ветер развеивал жаркий пепел. Но, бывало, прибежит с лесоповала, стиснет Клавдию в объятьях, шепчет: мол, так истосковался по тебе, любимая, что и белый свет не мил, а жена возьми, да и спроси: «Ты, Саня, по мне истосковался? или... Ты кого любишь-то, скажи, меня или мои бока?..» Саня охолонётся, отпрянет, почешет в затылке: «Я, Кланя, люблю твою ласковую душу... — Кланя благодарно улыбнётся, а Саня хитро добавит, — с боками вместе...» «Тьфу, на тебя, срамец... — проворчит, бывало, Клавдия. — Остынь, ребятишки кругом...»

Воззрившись на невесту, отец Евгений спросил и её, глаголя:

— Имаши ли произволение благое и непринужденное, и твердую мысль, пояти себе в мужа сего Александра, его же пред тобою зде видиши?

Клавдия с улыбкой глянула на Саню ...словно знойным полуднем холодный дождь сквозь солнце окатил сопревшего мужика... и кивнула:

— Имам, честный отче.

— Не обещалася ли еси иному мужу?

— Не обещахся, честный отче.

Кому обещаться, коли, не успев оглянуться, обросла ребятишками и к мужу приросла?! По молодости, вскоре после женитьбы, влюбилась в учителя, так теперь стыдно и помянуть.

В ектенью великой, что последовала, дьякон помолился за венчаемых:

— О рабах Божиих, Александре и Клавдии, ныне сочетавающихся друг другу в брака общение, и о спасении их, Господу помолимся.

— Господи, помилуй!.. — воспели ангелы трубящие.

— О, еже благословитися браку сему, якоже в Кане Галилейстей, Господу помолимся...

На брачном пиру в Кане Галилейской, помянулось Саня читанное, кончилось веселящее душу питье, и жених с невестой ожидал позор; тогда Иисус Христос обратил в дивное вино шесть камен-

ных водоносов полных воды, и гость удивлённо сказал жениху: «Всяк человек прежде доброе вино полагает, а когда упьются, тогда худшее; ты же соблюл доброе вино доселе...» Пир в Кане Галилейской Сане явился в память потому, что венчанных ожидало свадебное застолье, а самогона тот всего литр выгнал... Саня, пивший редко, но метко ...случалось, и лёжа покачивало... пивший и с ненавистью к пойлу, а во хмелю дурной, дал церковный обет, зарёкся ...пока на год... даже в рот спиртное не брать, и дружков подбивал к зароку. «В Кане-то, поди, пили вино виноградное, — сок, едва забродивший, — прикинул Саня, — а у нас бывает ...бывает, чего уж греха таить... бывает самогона, ужрутся и, как собаки, раздерутся...» К церковному обету Саню толкнул стыд: совестно было ...убил бы себя, гада!.. когда пьяненький видел испуганные ребячьи глаза, слёзный взгляд Клавдии и скорбные очи иконных ликов...

А батюшка, меж тем, усердно молился за венчаемых; Клавдия, коя от церковнославянских глаголов могла умилённо прослезиться, слушала молитву, от услады опушая глаза ковыльными ресницами.

— Боже Пречистый, и вся твари Содетелю, ребро праотца Адама за Твое человеколюбие в жену преобразивый и благословивый я, и рекий: раститесь и множитесь, и обладайте землею, и обою ею един уд показавый сопряжением. Сего бо ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится жене своей, и буде та два в плоть едину, и яже Бог спряже, человек да не разлучает... Сам, Владыко Пресвятой, прими моление нас, рабов Твоих, яко же тамо, изде пришед невидимым Твоим предстательством, благослови брак сей, и подаждь рабом Твоим сим...

Батюшка — давнишний друг Щегловых — едва не опростоволосился, едва не поименовал жениха и невесту, как обвыклось село: Саня и Кланыя, но спохватился и рек:

— ...и подаждь рабом Твоим сим, Александру и Клавдии, живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира, семя долгожизненное, о чадах благодать, неувядаемый славы венец... Сподоби я видети чада чадов, ложе ею ненаветно соблюди, и даждь има отросы Небесныя свыше, и от туказ емаго; исполни дома их пшеницы, вина и елеа и всякия благостыни... Помяни, Господи Боже наш, раба Твоего, Александра, и рабу Твою, Клавдию, и благослови я. Даждь им плод чрева, доброчадие, единомыслие душ и телес; возвыси я яко кедры ливанския, яко лозу благорозгную...

Клавдии польстило, что брак её с рабом Божиим Саней в молитвословии сопоставили со святыми браками Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иосифа и Осенефы, Иакима и Анны — родителей Царицы Небесной, Захария и Елисаветы, родивших святого Иоанна Предтечу. Если не по грехам нашим милостив Господь, — загадала Клавдия, — и она сподобится Царствия Небесного, то, может, среди вечно зелёных райских садов, среди радужных райских цветов и сладкозвучных райских птиц, встретится она со святыми жёнами, поговорит...; и особо хотелось свидеться с Елизаветой и Анной...

Позади мирная ектеня и молитвы иерейские о даровании Сане и Клане целомудренной любви, чадородия, земного плодородия, пшеницы, вина и елеа. О пшенице и вине понятно, а для чего в хозяйстве елей, венчаемые не доспели... А уж батюшка, принимая от дьякона золочённые венцы, поочерёдно, крестообразно осеня ими жениха и невесту, дал поцеловать венцы и возложил их на главы венчаемых. Саня с Кланей, украшенные сияющие венцами, почувяли себя царём и царицей, что перебиваются с хлеба на квас.

— Венчается раб Божий Александр рабе Божией Клавдии во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!.. Венчается раба Божия Клавдия рабу Божию Александру во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!.. Господи Боже наш, славою и честью венчай я...

Позже, когда Саня, сложив руки для благословения, подошёл к отцу Евгению, батюшка и пояснил *венцы*:

— Возложением царских венцов возгласил я вам, чада, честь и славу человеку, яко царю творения; и вы, брат и сестра, отныне и довеку царь и царица. Но венцы сии могут быть и мученическими венцами; а перво-наперво, се венцы Царствия Божиего, а узкую и тернистую тропу в рай откроет вам ваша богоугодная и благочестивая семейная жизнь...

...И вновь молитвы за жениха и невесту, сугубая ектеня, и, наконец, дьякон принёс из алтаря медную чашу с церковным кагором. В память о чуде в Кане Галилейской, когда Господь обратил воду в вино и во имя общей судьбы, с общими радостями и скорбями трижды пригубили Саня с Кла-

ней из общей чаши. После сего батюшка соединил правые руки жениха и невесты, укрыл сцепленные персты епитрахилью и под тропари, ангельски ликующие под куполом, а словно в поднебесье, трижды обвёл новобрачных вокруг святого аналая. Сняв венцы с мужа и жены, благопожелал:

— Возвеличися женише якоже Авраам, и благословися якоже Исаак, и умножися якоже Иаков, ходяй в мире, и делаяй в правде заповеди Божия!.. И ты, невесто, возвеличися якоже Сарра, и возвеселися якоже Ревекка, и умножися якоже Рахиль. Веселящися о своем муже, хранящи пределы закона: зане тако благоволи Бог!..

Помолившись, отец Евгений поочерёдно обнял венчанных:

— Вы, Саня и Кланыя, уж десять лет пьёте из единой чаши, полной радостей и горестей, отныне же Царь Небесный и Царица Небесная стали попечителями вашего супружества, и по любви вашей к Вышнему и ближнему, по смирению и молитвенному покаянию, по упованию на Бога, на Матерь Божию и всех святых ниспошлются вам блага земные и небесные.

После сего батюшка подвёл новобрачных к царским вратам, где жених поцеловал икону Спасителя, а невеста — образ Божьей Матери; затем по древлеотческою свычаю Саня и Кланыя приложились к иконам святых Космы и Дамиана, и мучеников Гурия, Самона и Авива, святых благоверных князя Петра, в иночестве Давида, и княгини Февронии, в иночестве Евфросинии, Муромских чудотворцев. А напоследок облобызали иконы небесных покровителей, скорых помощников и молитвенников о их душах: Саня — святому благоверному великому князю Александру Невскому, а Кланыя — святой Клавдии Римской. Поначалу Щегловы стеснялась прилюдно целовать иконы, падать ниц пред святыми ликами; батюшка углядел и в проповеди сказал: «Если мы будем стесняться любви к Богу, то и Бог постесняется нас любить...»

— Иже в Кане Галилейстей, — на прощание прочёл батюшка отпуст, — пришествием Своим честен брак показавый, Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере, святых славных и всехвальных Апостол, святых боговенчанных царей и равноапостолов, Константина и Елены, святого великомученика Прокопия, и всех святых, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец...

От соснового Никольского храма до избы рукой подать, и Саня с Кланей шествовали, как и десять лет назад в сельсовет, родной, приречной улицей. Шли мимо изветшавших изб, сгинувших в черёмуховой чащобе, мимо новодельных теремов, где за железными заборами таились здешние торгошники, где гремели цепями и хрипло лаяли псы; шли, обходя лужи и свежо парящий коровий навоз, шли, чинно клянясь старикам и старухам, что на лавочках грели зябнувшие кости, копили тепло на зиму и прищуристо всматривались в бабье лето, журавлиным клином, с печальным курлыканием уплывающее в небеса. Саня вспомнил: и лет десять назад млело растекалось по земле томное бабье лето, прощались с Русью журавли, а он подволакивал охромевшую Клаву, обмирая от счастья. Так добрались и до сельсовета, где председатель с чапаевскими пламенными усами между шутками-прибаутками бракосочетал их; а теперь добрались и до храма Божия, обрели венцы Господни. Нынче после заутрени, после бракосочетания и венчания журавлиная песнь для Сани и Клане — песнь херувимская, что ласково и властно влекла их души в ясно синие, осенние небеса.

Проза

Николай Кокухин

Кокухин Николай Петрович родился в 1938 году в Красноярском крае. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор многих книг на православные темы. Член Союза писателей России. Лауреат премии ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА имени Эдуарда Володина. Книги выходили в издательствах: «Ковчег», Святителю Игнатия (Брянчанинова), «Русский Хронограф», «Дар», «Роман-газета», Подворье Троице-Сергиевой Лавры, «Даниловский благовестник» и других. Живет в Москве.

Христофор

Рассказ

I

В пятницу, рано утром, когда не только лицо, но и каждый мускул и каждая клеточка ощущали свежую бодрящую прохладу и когда до жаркого полуденного солнца было ещё далеко, а заспанные торговцы открывали двери своих лавок, и запах свежесваренного кофе, проникая на улицу, щеко-тал ноздри, Христофор переступил порог Храма. Он был ещё пустой, и шаги одиноких паломников гулко отзывались где-то над головой в пахнушем ладаном и свечами воздухе. Христофор медленно, благоговейно осенил себя крестным знамением, а затем положил три земных поклона; не вставая с колен, облобызал прохладные каменные плиты, руками и губами ощутив на них мелкие соринки.

— Помилуй мя, Боже, помилуй мя, — прошептал он, — аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и унижение людей...

Он обвел Храм взглядом, а потом лёг на каменные плиты, широко раскинув руки и изобразив собой крест, — люди, не останавливаясь, осторожно обходили его, нисколько не удивляясь тому, что видели. Сколько пробыл он в таком положении — пять минут или полчаса, — Христофор не знал (время как бы прекратило для него своё существование), но вот он приподнялся, поправил скуфейку на голове и, подобрав руками подрясник, на коленях двинулся вперёд. Дойдя до Камня Помазания, прильнул к нему, как бы слившись с ним, и замер.

II

Молитва — дело интимное, сокровенное, и будет лучше, если мы оставим паломника наедине с самим собой и расскажем о его прошлом.

Каких-нибудь десять лет назад жизнь Михаила Андреевича Вознесенского текла спокойно и размеренно: у него была жена, дети (две дочери и сын), просторная удобная квартира на Кленовом бульваре и множество больших и малых забот. Он был мастером-краснодеревщиком с тридцатилетним стажем, постиг все тонкости своего дела — вещи, которые выходили из его рук, отличались тонкостью отделки, удачными творческими находками и безупречным вкусом; начальство его ценило, друзья уважали, жена и дети любили, — что ещё нужно человеку, которому пошёл шестой десяток и который ко всем людям относился мягко и доброжелательно?

И вдруг, в одночасье всё изменилось: скоропостижно — не без Промысла Божия — скончалась жена (причина её смерти осталась загадкой как для врачей, так и для близких). Её отпели в храме святых равноапостольных Петра и Павла и похоронили на Домодедовском кладбище. Вернувшись домой, Михаил Андреевич понял, что жить так, как он жил раньше, уже не сможет. Прошло сорок дней, в течение которых зрело решение. Оно окончательно оформилось после встречи с духовником: надо становиться монахом. Что он и сделал, не откладывая в долгий ящик. Препятствий для

этого не было: обе дочери уже вышли замуж, обвенчавшись со своими избранниками, детей воспитывали в вере, и волноваться о них было нечего; сын тоже недавно завёл семью, жену Бог дал скромную, тихую, богобоязненную, ссор у них не было, и жили они, как говорится, душа в душу.

С работы Михаила Андреевича отпустили довольно легко. Начальник фабрики сказал, что таких золотых рук ему уже никогда не найти. Михаил Андреевич ответил: у всех моих учеников золотые руки. После чего начальник подписал заявление и распорядился выдать знаменитому мастеру прощальный денежный дар в размере трёх месячных окладов.

Христофор (такое имя получил Михаил Андреевич при пострижении в Ангельский чин) стал монахом-странником. Прежде всего он отправился в Троице-Сергиеву Лавру и поклонился мощам преподобного — как он мог начать своё странствие по Руси, не взяв благословение у Игумена Земли Русской? Он прожил здесь три недели, почти не выходя из Троицкого собора.

Передвигался Христофор налегке: выдавший виды, потёртый линиялый подрясник, подпоясанный широким кожаным ремнём, за плечами — небольшой рюкзак, в руках сосновый посох, на ногах — удобные сапоги. За годы странствий он исходил всю Центральную Россию, побывал на Соловках и на Валааме, в Крыму и на Кавказе, посетил Сибирь, и трудно сказать, где ещё не был. Все эти хождения были для Христофора не в тягость, потому что он любил свою землю, родную природу, любил народ, который жил на этой земле, а так как он видел, что народ сбился с пути и заблудился, то любил его ещё больше и, не переставая, молился о нём. Он не пропускал ни одного случая, чтобы поговорить с людьми, — в монастыре, на святом источнике, в дороге, в глухой деревушке, где останавливался на ночлег. Его спрашивали о самых разных вещах — о загробной жизни, о сектантах, о колдунах, о грубых людских пороках, и он терпеливо, не жалея времени, старался донести до своих слушателей слово истины.

Христофору очень хотелось попасть в Святую Землю, и обязательно на Пасху, чтобы увидеть схождение Благодатного Огня. Он несколько лет усердно молился, прося Господа исполнить желание его сердца. И Господь дал ему то, что он хотел. Христофор тщательно подготовился к путешествию: выправил заграничный паспорт, сшил новые сапоги, потому что старые совсем никуда не годились, облачился в другой, вполне приличный подрясник, не новый, но и не истасканный, и только старенький рюкзак и поношенную скуфейку менять не стал, — так он привык к ним, что они стали как бы частью его самого. Пешком (так надёжнее и проще) дошёл до Одессы, а здесь сел на теплоход, отправляющийся в Святую Землю.

— Господи, — сказал он, сойдя на берег в Хайфе, — Ты пешком ходил по этой Земле. Позволь и мне пойти пешком, подражая Тебе.

И босыми ногами, с частыми остановками для молитвы, пришёл в Иерусалим.

III

День промелькнул незаметно — как одна секунда. Христофор успел побывать везде: и на Голгофе, и в месте обретения Животворящего Креста, и в Темнице Уз Господних. И всюду горячо молился, сопереживая Спасителю. А когда вошёл в Кувуклию и припал ко Гробу Господню, то... здесь моё перо умолкает, не в силах передать то, что чувствовал и переживал Христофор, как он молился, какие слова произносил и были ли вообще какие-нибудь слова, — пусть всё это останется тайной, известной только ему да Господу.

О том, что настал вечер, Христофор догадался по тому, что Храм начал быстро заполняться народом, — волны следовали одна за другой, с завидным напором, без усталости, как во время океанского прилива. Пришла пора позаботиться о месте, с которого можно наблюдать схождение Благодатного Огня. Самое лучшее место, конечно, около Кувуклии. Здесь уже сидели, подстелив одеяла, люди, тесно прижавшись друг к другу и приготовившись к долгому ожиданию. Христофор не без труда пристроился около них.

«Неужели я увижу Благодатный Огонь? — думал он. — Своими собственными глазами? Неужели это правда, что я нахожусь в Храме Гроба Господня да ещё рядом с Кувуклией? Может, это сон, и Чуда не произойдёт?»

Неожиданно появились полицейские — в тёмных бушлатах и фуражках, в тёмных ботинках с высокой шнуровкой, с дубинками — они шли плотной стеной на паломников, крича и энергично

жестикуюлируя, — Христофор, подхваченный людским водоворотом, в один миг оказался вдали от Кувуклии, за колоннами. Ошеломлённые грубым натиском, люди вслух выражали недовольство, что, мол, за самоуправство, в прошлые годы никто таких вещей не устраивал...

Едва полицейские удалились, паломники снова поспешили к желанной Кувуклии, ближе к тому месту, где скоро произойдет долгожданное событие. Христофору удалось попасть на площадку, принадлежащую католическому приделу, и хотя полицейские ещё несколько раз гоняли паломников, католический придел не пострадал — он походил на укромную бухту, надёжно защищённую от ветров и прибоя.

Постепенно полицейские уgomонились, Храм затих, люди, сидя на раскладных стульчиках или на полу, облегчённо вздохнули. Сначала Христофор стоял, притиснутый к гладкой колонне, вскоре стало чуть посвободнее, а потом появилась возможность встать на колени, — с трудом согнувшись, он замер в земном поклоне и стал вспоминать свою жизнь — далёкое отрочество, юность, зрелые годы — вплоть до сегодняшней минуты, свои отношения с друзьями, знакомыми, всплыли такие эпизоды, которые он давно забыл; вспомнил жену, детей, как они росли, воцерковлялись, сколько было промахов в их воспитании и сколько потрачено сил в борьбе за их души. Иногда Христофор, не открывая глаз, распрямлялся, но если бы он и открыл глаза, то, погружённый в себя, всё равно никого бы не заметил.

Так прошла ночь, и наступило утро.

IV

Сидящих людей уже не было — все стояли, устремив глаза, уши, всё свое существо в сторону Кувуклии, — казалось, не было позади утомительной ночи, и паломники только что вошли в Храм. Наступила такая чуткая настороженная тишина, что Христофору почудилось, будто люди перестали дышать.

Он увидел, как по тесному людскому коридору к Кувуклии прошёл Иерусалимский Патриарх, служители проверили его карманы — нет ли в них спичек или зажигалки, с помощью которых можно извлечь огонь, после этого он вошел внутрь, а двери Кувуклии запечатали восковой печатью.

-Господи, помилуй нас! — вздохнул Христофор.

Вдруг над Кувуклией, а, может, прямо над его головой полыхнула яркая вспышка, осветив весь Храм таким светом, какого не бывает на земле. Христофор почувствовал, что в одну секунду изменился — стал лёгким, невесомым, как бы неземным, его душа пела и ликовала. Это произошло и с другими богомольцами — они громко, самозабвенно, как дети, выражали свой восторг.

В течение нескольких минут вспышек не было, и Храм стал затихать. Но вот последовала новая вспышка, более яркая, чем прежде, за ней другая, третья, все в разных местах — Христофору казалось, что небесные посланцы проходят сквозь его душу, приводя её в трепет и содрогание. Он не знал, где находился — на Небе или на земле, и с ним ли это происходит.

Стоя около колонны, среди людей, забывших всё на свете и переживающих только то, что происходило здесь и сейчас, Христофор представил, как Патриарх, преклонив колени перед Гробом Господним, погрузился в молитву, от которой зависела судьба всего человечества, — если Огонь сойдёт, люди, как бесценный подарок, получат ещё один год земной жизни, если же не сойдет, то скоро воцарится антихрист, а вслед за тем наступит и конец света.

— Пощади, Господи! — от всего сердца зывал Христофор. — Помилуй нас по велицей Твоей милости! Пошли нам Благодатный Огонь, хотя мы и не достойны его...

Слова молитвы приходили сами собой, как будто Ангел хранитель молился за Христофора. Никогда ещё он не чувствовал свою связь с Небом так сильно, как сейчас. Его молитва, подобно маленькому ручейку, соединялась с молитвами-ручейками других паломников, и они образовали как бы большую молитвенную реку, текущую прямо к Престолу Божию.

Все, абсолютно все паломники с жадным нетерпением ожидали Чуда, ради которого собрались сюда. Но Чуда всё не было и не было, хотя минуло, наверно, уже полчаса с того момента, как Патриарх вошёл в Кувуклию. В минувшие годы (Христофор это хорошо знал) Огонь сходил через пять-десять минут, а то и раньше. А в этом...

Голубоватые вспышки стали блистать всё реже, и в душу монаха вкралась тревога.

V

— Это я виноват в том, что не сходит Благодатный Огонь, — сказал про себя Христофор. — По моим грехам не произошло до сих пор Чуда, а, может быть, и совсем не произойдёт. Нет более тяжкого грешника в этом Храме, да что в Храме, на всей земле нет ужаснее злодея, чем я!

Кто грешит утром, днём, вечером, да ещё и ночь прихватывает? Я!

Кто грешит особенно изощренно, пакостливо, с великим тщанием? Я!

«Якоже бо свинья лежит в калу, тако и аз греху служу».

Кто охотнее всех творит волю диавола? Я!

Кто обеими ногами стоит в геенне огненной, хотя и ходит по земле? Я!

Прости меня, Господи! Помилуй, Отче Праведный! Не помяни моих тяжких беззаконий!

В людской тесноте Христофор с трудом встал на колени и положил земной поклон — для этого ему пришлось согнуться в три погибели; такой способности он в себе не подозревал, хотя провёл в земных поклонах многие годы.

— Прости меня, Господи, — продолжал он, — за то, что не подал милостыню бедной старушке возле метро. А ведь она смотрела на меня с такой надеждой. Лучше бы я этого взгляда не заметил — он сверлит меня до сих пор...

Это я Тебе, Господи, не подал милостыню, прости меня!..

Огня по-прежнему не было.

— Прости меня, Господи, за то, что однажды оскорбил жену... Я любил её и сейчас люблю, никогда не обижал... за всю совместную жизнь не сказал и грубого слова, не говоря уж о том, чтоб ударить... берёг, как хрупкий сосуд... А тут... до сих пор не могу понять, как это произошло... будто какая-то злая сила помимо моей воли сделала это... А повод был самый ничтожный: оторванная пуговица на рубашке... я вспылил, потерял контроль над собой, наговорил невесть чего... грубые оскорбления слетали с моего языка, а я был словно посторонний свидетель и ничего не мог с собой поделать... Через минуту-другую опомнился, извинился, но было уже поздно...

С этого момента что-то изменилось в жене, нет, её отношение ко мне осталось прежним, она, как и раньше, была внимательной, ласковой, но... Она прожила ещё пять лет... Мне кажется, что одной из причин её смерти была моя ужасная выходка...

Это я Тебя, Господи, оскорбил, прости меня!

А Огонь всё не сходил.

VI

— Господи, прости меня за то, — продолжал каяться Христофор, — что я не купил дочери... даже стыдно и вспомнить об этом. Ксюше было в то время восемнадцать, она только что поступила в институт... ну, понятно, девушке хочется красиво выглядеть, не отстать от подруг; одним словом, попросила денег на модную импортную куртку. Я говорю: Ксюша, дорогая, у тебя есть очень хорошее осеннее пальто. И куртка есть, не очень модная, но вполне приличная; ты же христианка, а христианки за модой не гоняются... Дочка очень обиделась...

Прости меня, Господи, за этот тяжкий грех! Ты был наг, а я не одел Тебя...

Огня всё не было и не было.

— Прости меня, Господи, за то, что был равнодушен к соседу по лестничной площадке. Он пил, как сапожник, этот Гришка, каждый Божий день. Пропил всё, что у него было: и слесарные инструменты, и баян, и сапоги. Пропил единственную женину кофту, любимую куклу пятилетней дочки. Дарья, его жена, выплакала, кажется, все слезы и отбила все руки, каждодневно дубася мужичонку. Дети голодали иногда по нескольку дней, а Гришка всё равно умудрялся достать где-то денег и напиться в стельку.

Не раз и не два я увещевал его, и не только я, но и соседи, однако ничего не помогало. И вот, наконец случилось самое худшее из всего, что только можно было ожидать: Гришка с такими же забулдыгами, как и он, обворовал продовольственный ларёк и попал за решётку. Однажды Дарья, вернувшись с очередного свидания с Гришкой, сказала, что он находится в очень плохом душевном состоянии, и попросила меня навестить его. Я пообещал и... не сделал этого. Я не буду оправдывать себя тем, что у меня обострился радикулит, что как раз в это время получил срочный заказ и день и ночь проводил в цеху... Что толку в этих оправданиях...

Прости меня, Господи, и за этот грех! Это Ты находился в темнице, а я не посетил Тебя!

А Огонь всё не сходил и не сходил, хотя прошло уже больше трёх часов, и люди стали волноваться и проявлять признаки растерянности и страха.

VII

— Прости меня, Господи, и помилуй! — продолжал горячо молиться Христофор; капли пота падали с его лба, но он не замечал этого.

— Я и только я виновен в том, что русский народ до сих пор не обратился к Богу!

Я один виноват в том, что Россия упала в глубокую пропасть и находится на грани жизни и смерти!

Я один виноват в том, что в России необычайно много последователей Иуды Искарота!

Я один виноват в том, что грех стал нормой жизни русского народа!

Я один виноват в том, что Москва по своему разврату и другим жутким мерзостям давно превзошла Содом и Гоморру!

Я один виноват в том, что русские женщины убивают своих детей во чреве, а рожать не хотят!

Я один виноват в том, что русские люди с такой охотой поклоняются идолам!

Едва Христофор произнёс последние слова, как по Храму — от восточных его приделов до западных — начали блистать особенно ослепительные вспышки, вызвав бурю восторга паломников, и в ту же секунду сошёл Благодатный Огонь. Христофор поднялся на ноги, и ему показалось, что он попал в огненный океан: повсюду: и справа, и слева, и впереди — полыхали факелы, гранатово-сочные, трепетно-ликующие, восторженные, улетающие тонкими отрывающимися блёстками далеко ввысь, к седым фризам Кувуклии, и ещё дальше, к голубовато-искрящемуся куполу Храма.

Кто-то подал ему полыхающий пучок свечей, который походил на маленький действующий вулкан, и он погрузил в него, в этот вулкан, сначала одну руку, потом другую, а потом наклонил голову, и живое ласковое пламя охватило его щёки, лоб, глаза, волосы — оно было по-неземному тёплое, благодатное, очень-очень родное, и Христофор почувствовал, как его душа расстаётся с телом, и это ощущение было ещё значимее, реальнее, желаннее, чем все остальные ощущения, которые он пережил за последние часы своей земной жизни.

— Домой! Скорее домой! — прошептал он, и жгучая радость переполнила его существо.

Поэзия

Владимир Шемшученко

Шемшученко Владимир Иванович — член Союза писателей России, кавалер ордена Святого благоверного князя Александра Невского «За заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российского». Лауреат Международной премии «Поэзия», международной премии Семёна Полоцкого, международной премии им. Михаила Матусовского и международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских, победитель и лауреат множества литературных конкурсов, участник двенадцати антологий поэзии. Автор тринадцати книг стихов. В течение 12 лет является главным редактором международного литературно-художественного журнала «Всероссийский собор» и общественно-политической газеты «Небесный всадник»

Враги сожгли родную хату
/Михаил Исаковский/

Замечтались... Раз-два и готово —
Перешли нас нахлебники вброд,
И жуют наше русское слово,
Превращая в поток нечистот.

И удравшие (глянь!) приползают,
Будто полчища саранчи.
Я их помню — со злыми глазами! —
И люблю их, да так, хоть кричи.

И кричу, что ещё остаётся,
В пику сверхтолерантной шпане.
Этот стон у нас песней зовётся...
Эй, борцы с экстремизмом, ко мне!

Вы сожгли мою русскую хату!
А мигранты нам разве враги?
Мы заставим их жить на зарплату,
Чтобы впредь неповадно другим...

Им, беднягам, несладко живётся
На руинах великой страны.
Знаю — слово моё отзовется...
Мне навесят вину без вины.

Я иду, заливаясь слезами,
Всеотзывчивость нашу кляня...
А навстречу — со злыми глазами! —
Боже, как они любят меня!

* * *

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
На капли молока, пролитые на небо,
Во все глаза глядит ленивый старый кот.

Он по-кошачьи мудр. Он доктор всех наук.
(Его пра-пра-пра-пра... якшался с фараоном).
Он выскользнул, как вьюн, из цепких детских рук
По одному ему лишь ведомым законам.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
И то, о чём поют метёлки тростника.
А я у костерка под ивой неплакучей
Никак не разберусь — зачем течёт река?

Динь-динь, динь-динь, динь-динь — проснулся
сторожок!
(Похоже, крупный лещ польстился на наживку...)
Удилище — в дугу! Знать, вовремя подсёк!
Я вывожу его... как кралю, на тропинку.

И вот он — золотой! Должно быть, в два кило...
Танцует на песке последний в жизни танец...
Украинская ночь вздыхает тяжело,
И на её щеках — предутренний румянец.

Лизнула сапоги неспешная волна,
И лещ — пошёл, пошёл, качаясь с бока на бок...
Иди — мне жизнь твоя сегодня не нужна.
И сладок этот миг, и ветер тёплый — сладок.

* * *

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени раки купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.

Играла рыба в глубине
На перламутровой свирели,
И камыши чуть слышно пели,
И подпевать хотелось мне.

Звенел комарик у виска
О чём-то бесконечно важном,
И это было не однажды,
И те же плыли облака...

Упало яблоко — пора —
И ветка, охнув, распрямилась...
И, торжествуя, жизнь продлилась
За три минуты до утра.

Октябрь

У берега вода чиста и холодна.
Прозрачные леса отчаянно красивы.
Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,
Затеплим костерок — ну, хоть у этой ивы.

Она среди камней стоит, едва дыша —
Объятия ветров настойчивы и грубы...
Мы наберём с тобой сухого камыша,
И для неё сошьём из дыма лисью шубу.

Как дышится легко! Как звёзды высоки!
И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...
Я подниму с земли листочки-лепестки
И глубоко вдохну, и выдохну: О-н-е-г-а...

Поэзия

1

Когда идёшь по краю ледника —
По грани, по излому тьмы и света,
И видишь, как рождается река,
Решишь на шаг, и сделайся поэтом.

И — вдребезги! И вот она — бери!
Она живёт в цветке рододендрона,
Она — артериальной крови ритм,
Она вне человеческого закона.

Она растёт из сердца валуна
Под первыми весенними лучами,
Она нежна, как полная луна,
Из-за неё моря не спят ночами.

Возьми — она прожжёт тебе ладонь
И обернётся шумом водопада.
Она тебя ужалит — только тронь!
И ты умрёшь, но умирать не надо.

Ты сможешь, ты сумеешь — делай шаг,
Один короткий шаг... Какая мука!
И заново научишься дышать
И чувствовать губами привкус звука.

2

От сердца к сердцу, от любви к любви,
До самых, самых незащитных — нас!
Сквозь жизнь и смерть, сквозь властный
голос крови,

В урочный или неурочный час,
Листвой опавшей, первую травую —
Нас властно отделяя от других,
Доходит и хватает за живое...
И сторонятся мёртвые живых!

3

Как много в городе снега —
Бери и стихи пиши!
В вагоны метро с разбега
Прыгай, буянь, грешни!
До хрипоты с судьбою
Спорь — не теряй лица.
За женщину — только стоя!
За Родину — до конца!
И пусть второму — корона,
А третьему — соловьи.
Ты — первый! Крылья Грифона —
Твои!
Взлетай и лети — так надо,
Не возвращайся назад —
Писательские заградотряды
Поэзию не шадят.

* * *

Художник поставит мольберт
И краски разложит, и кисти,
А я — двадцать пять сигарет —
И с ветки сорвавшийся листик.
Мы будем сидеть vis-a-vis,
Пока не опустится темень

И ради надмирной любви
 Пространство раздвинем и время.
 Мы будем глядеть в никуда
 И думать о чём-то неважном:
 Сквозь нас проплывут господя
 В пролётках и экипажах -
 Улыбки сиятельных дам,
 Смешки, шепотки одобренья,
 Последним проедет жандарм,
 Обдав нас потоком презренья.
 А ночью в дрянном кабаке,
 Где слухи роятся, как мухи,
 Он — в красках, я — в рваной строке
 Хлебнём модернистской сивухи,
 Забудем, что есть тормоза,
 Сдавая на зрелость экзамен,
 И многое сможем сказать
 Незрячими злыми глазами.
 И к нам из забытых времён,
 Из морока рвани и пьяни
 Подсядут: художник Вийон
 И первый поэт Модильяни...

* * *

Черёмуховый обморок. Безумье соловья.
 Подслеповатый дождь, крадущийся по крыше...
 Скучают во дворе верёвки для белья,
 И, кажется, земля волнуется и дышит.

На цыпочках рассвет по лужам пробежал
 И в спешке обронил роскошный куст сирени...
 Он долго на ветру качался и дрожал,
 Роняя на траву причудливые тени.

Откуда ни возьмись, нагрянули скворцы,
 Снуют туда-сюда... И важные такие...
 И тотчас воробьи — на что уж храбрецы! —
 Расстроили свои порядки боевые.

И, кажется, что зла на свете вовсе нет,
 Зато добра вокруг — не выпитое море:
 И от костра дымок, и яблоневый цвет,
 И соло василька в большом цветочном хоре!

Марине

1

Перебранка полешек, бормотанье огня,
 И волос твоих рыжих волнующий запах...
 Я тебя назову — свет осеннего дня,
 Или, лучше, — предзимье на заячьих лапах.

А ещё — из камина возьму уголёк,
 И на белом листке (Только бы не проснуться!)
 В простоте напишу всего несколько строк,
 До которых потом не смогу дотянуться.

Полутон, полужест — между явью и сном —
 (Только ты помолчи, а иначе — разбудишь!)
 Это снег! Это — первый, большой за окном!
 Я его полюблю, так, как ты его любишь!

2

Смахнул снежинки с тёмной шубы
 И сразу понял — опоздал:
 Тебя в обветренные губы
 Мороз уже поцеловал.
 Глаза в глаза! И задохнулся!
 И растворился! И пропал!
 Ненужным словом поперхнулся
 И поражение признал.
 Я — снег! Лепи меня руками,
 В азарте пальцы обжигай,
 Взрывайся белыми стихами
 И междометьями стегай!
 И смейся! Смейся до упаду!
 Я вечер — бел. Я ветер — тих.
 Приму, как высшую награду,
 Прикосновение рук твоих!

3

Скрипит под ногами ледок,
 Чирикает воробьишка.
 Меняет и наш городок
 На плащик худое пальтишко.
 Любимая, вот и весна!
 Снега уползают в овраги...
 Вот брякну в сердцах: «Не до сна!» —
 И двину из греков в варяги,
 Минуя весёлый Париж,
 В котором полно чернокожих,
 Где снежные хищники с крыш
 Не прыгают на прохожих,
 Где каждый случайный сугроб
 Сметанен и даже — заморожен,
 И всякий любовный микроб
 Опознан — и уничтожен!
 И веник у них не цветёт...
 А наш, посмотри, — расцветает!
 Любимая, я — идиот —
 Европа стихи не читает!
 Не смейся, родная, прошу...
 И пусть непростительно трушу —
 Я лучше ТЕБЯ напишу:
 Слушай!

Поэзия

Зоя Колесникова

Зоя Константиновна Колесникова (Покорная) — член Союза писателей России, член правления Воронежского регионального отделения «Союз писателей России», директор Воронежского регионального отделения «Общероссийское Литературное сообщество», автор восьми книг стихотворений. С 1981 года публикуется в журнале «Подъём», «Наши современник», Альманахах: «День Поэзии», «Академия поэзии» и других региональных и столичных изданиях. В настоящее время Зоя Колесникова заведует историческим музеем Воронежского государственного технического университета.

На родине другие облака...

* * *

На родине другие облака...
Офорт небесный каждый миг иной:
то явится широкая река,
то лес встанёт темнеющей стеной,
чудной, непостижимый, необъятный...
Чем ближе ночь, тем речь его невнятной...
Глядит провинциальная луна,
вуаль набросить на чело не смеет:
она в своей провинции одна
и час, и век мою судьбу лелеет.
Невидимая птица в камышах,
как тысяча кузнечиков, стрекочет,
и до любви душе один лишь шаг,
который совершить она не хочет...

* * *

В переулках и улицах ночи,
где осенние бродят дожди,
провожает до дома почти —
и стрекочет сорока, стрекочет...
И на ждущий оконный огонь
поднимаюсь, как в замок царица,
но придворных невидимы лица,
и темно и безлюдно кругом.
Незаметно листаются числа,
все печальнее радость и боль...
Но храню и храню твои письма —
вопреки,
вперехлёт,
вразной...

* * *

Внуку Славе
В октябре по-весеннему птицы поют.
И трава зелена. А от солнца...
А от солнца особый весёлый уют.
И малыш, просыпаясь, смеётся.

И чисты облака. И листва шелестит,
с позолотою лёгкой пока ещё.
И листочек один, отрываясь, летит
в этот мир, голубой и сверкающий.

Мотивы Сальвадора Дали

Едва забрезжил день. И время потекло
портретом расшалившегося гения.
И роза вскрыла вену горизонта.
И девушка застыла у окна.
И никогда лицом не повернулась.

* * *

Стоит высокая луна
и облака меняют краски...
Но только мне она видна —
сюжета линия из сказки,
где ты находишь новый слог,
меня с подснежником рифмуешь,
и даже к стебельку цветок
так неожиданно ревнуешь.
Я и луна — одно свечение.
В своей фатальности она —
затмение чувств или прозреньё?..
Стоит высокая луна...

* * *

Вы приходили налегке.
 Не приносили в рюкзаке
 ничто и нечто, что могло
 переиначить набело,
 что обозначено пока
 на стороне черновика.
 И на ветру, на сквозняках,
 на белых и других снегах
 писала тонкая рука
 на стороне черновика.
 Вы полюбили. И рюкзак
 был превращён в такой зигзаг,
 так обозначилась строка
 на стороне черновика,
 что свод небесный повело,
 переиначив набело!

* * *

Отрывной календарь уменьшается вновь.
 Вот уже и февраль устремился в отлет.
 Холодеет душа. И мятежная кровь
 начинается здесь, но замедлила ход.
 Мне бы завтра войти и остаться с тобой
 там, где зреет восход, зеленеет трава...
 Даже царь Соломон говорил про любовь,
 утверждая твои надо мною права.

* * *

Искала талая вода
 свои похожие причалы,
 и птицу бережно качала
 в своих объятиях, когда
 меня впервые провожал,
 но взглядом ласково держал...
 И оттого душа взлетала,
 и солнце празднично сияло
 на золочёных куполах...
 Природа, мудрая, молчала,
 перевозмогая боль и страх.

Апрельский ветер лишь проснулся,
 ко мне печально обернулся,
 чтобы застыть на проводах,
 нам посылая добрый знак.
 И неодетые берёзы,
 грядущим грозам вопреки,
 нас дожидались у реки,
 скрывая искренние слезы.

* * *

Наверное, весна, коль вишня зацвела,
 наверное, судьба, коль по ночам не спится...
 А в ранние часы звонят колокола,
 наверное, пора нам о душе молиться.

Мне снился дикий сад. Там тихо. Даже птицы
 давно уж не поют, почувствовав разлад:
 не надо повторять, что можно притвориться
 и даже защититься, пусть без щита и лат.

Тебе сходить с ума, а мне заметно вянуть
 среди людей чужих, среди холодных стен.
 Шагнуть, чтоб не упасть. Мучительную память
 вдвоем стереть с листа. И ничего — взамен.

* * *

Как в сумерках бесправны силуэты!
 Вмелованы в беспечный мрак небес,
 они ещё дрожат и ищут света,
 который беспрепятственно исчез...
 Он станет исчезать когда угодно
 и прятаться, и жить — сам по себе...
 Совсем как я... Хотела быть свободной,
 пока не знала вовсе о тебе.

* * *

Осень прошла по деревьям,
 ночи прохладными стали.
 Как безысходно доверия
 эти деревья искали.

В их молчаливом крике
 спрятан листочек каждый.
 В редких солнечных бликах
 мучаются от жажды
 облачные журавлики,
 в мареве дня горя.
 Будет весна. Кораблики
 готовятся с января.

* * *

Февраль. И в такие морозы
 стекает на души уют!
 Не верю в иные прогнозы —
 снега мне о неге поют...
 У формулы этой затеи —
 дыхание близости близкой:
 как оторопь выгнутой шеи,

С.П.

как выторопь лунного диска...
И всей обреченностью круга
на грани безмерного риска
теряем избыток изыска
пока приникаем друг к другу

* * *

Придёт весна.
А значит — будет дождь.
И мы с тобой
расстанемся надолго...
И, может быть,
мы сможем превозмочь
себя в себе,
моля об этом Бога.
И каждый будет,
с мукою в душе,
искать опору
взгляду в половодье:
на синем в белом, —
как фигурка гжель, —
увидим, что любовь
от нас уходит.

В ноябре

И всё-таки рябь на воде,
И всё-таки дождик осенний...
И серое небо там, где,
объятые снами и ленью,
у самой черты за рекой
возникли и снова пропали
дома и деревья строкой,
в которой они угасали...
7 ноября 2016 года

Новогоднее

Дебаркадер, занесённый снегом...
В праздничном убранстве дерева,
будто бы скользя, идя за светом,
мне шептали добрые слова.
Где мерцали утренние свечи,
там сиял разбуженный восток —
словно говорил мне: «Время лечит...»,
думая, что истину изрек.
Только почему-то на распутье
нескольких времён, да и дорог
путь мой среди долгих трудных буден
у ковчега вечности прилег.

2 января 2017 года

* * *

Снится мне старая школа,
дети бегут к ней и я...
Сыро сейчас там и голо,
вовсе пустые края.

Пруд там всё тот же и мостик
через глубокий ручей...
Ночью в нём плавают звёзды
словно сто тысяч свечей.

Снится мне старая школа,
птиц улетающих крик...

Светится очень знакомый
Боженьки тающий лик
над родником у погоста
там, где расшатанный мостик...

Снится мне старая школа...

1 марта 2017 года

Поэзия

Олег Селедцов

Олег Валерьевич Селедцов родился в г. Бодайбо Иркутской области в 1967 г. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 года. Публикации — во множестве литературных журналов. Участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, член Международного клуба православных литераторов, автор восьми поэтических сборников и семи книг прозы. Лауреат Каверинского международного литературного конкурса 2012 года. Лауреат Всероссийского конкурса современной прозы имени Ивана Шмелёва. Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина «Светлые души». Лауреат нескольких региональных фестивалей авторской песни и поэзии. Награждён Орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени, Патриаршим нагрудным знаком «700-летие Преподобного Сергия Радонежского». Еженедельником «Литературная Россия» включён в число 50 ведущих писателей юга России. Включён в список лучших русских писателей XXI века на сайте «Российский писатель».

Литургия

На покосившемся кресте грустит туман.
Нет никого, хоть здесь когда-то кто-то жил.
И тихий вечер посвящён в духовный сан.
Чин литургии в старой церкви отслужил.

С кадилом сумерек по храму бродит тень,
Молитв и судеб вороша водоворот.
И регент-ветер, не грешивший в этот день,
На мёртвом клиросе ектении поёт.

Случайный дождь на службу капельки привёл.
В сакральный час вдруг осветился «Храм в пыли».
И во Святая, где когда-то был престол,
Христовы Тайны снова чашу обрели.

Свершилось. Чудо! Чудо! Ожил храм.
Благодарение пропел на хорах гром.
И, причастившись, где-то в прошлом, где-то там,
Забывший ангел плакал бережно псалом.

Иов

В презренье, струпьях, смраде, вони.
Гниющих глаз раскрыть не в силах.
Погиб на радость иноверцам
За дело знать, видать, грешил.
Но вдруг улыбка губы тронет,
Но слёзы радости, о диво!
Не по глазам текут — по сердцу,
Из глубины живой души.

И чуть заметно дрогнут вежды.
И еле слышно шепчут губы:
«Навеки славен будь, о, Боже,
Пока под солнцем есть земля!
Господь — мой Свет, моя Надежда,
Прости мне крик молитвы грубой,
Ведь слово выразить не может,
Как велика любовь моя...»

Кругом насмешливые лица,
В зловонном духе кружат слепни,
Скрежещут иноверцы в злобе
Зубами, мимо проходя.
Но от востока свет струится,
И тот, кто зрячим был, ослепнет,
И крик рождается утробный,
Там, где судачат и следят.

Возмездья час. Но поглядите!
Страдалец, быть того не может,
В молитве скрещивает руки
И рвёт рыдания из груди:
«Творец мой, Отче, мой Спаситель!
Прости им, милосердный Боже.
Пусть лучше я, пусть снова муки,
Но братьев, Боже, пощади!»

Моисей

Я болен. Грешный неофит,
Я лишь один из миллионов,
Кому дорога предстоит
Из бездны, кровью обольщённой.

Не в сорок лет длиною был
Нам путь отмерен во святая –
Пока не перемрут рабы
Коммунистического рая.

Но мерзость подмывает храм,
И в стадном раже прёмся скопом
Не по евангельским горам,
По примитивным гороскопам.

И гвозди в руки, и пронзён
Нечеловеческою болью
Тот Безначальный, Вечный. Он,
Кто снова терпит нас. Доколе?

А в безвременьи светит Свет,
Обозначая путь немногим.
И я второй десяток лет
Плетусь последний к той дороге.

Руфь

Чужая мне. Она моя свекровь.
Мать моего пропившегося мужа.
Таков мой крест: стирай ему, готовь.
А он все пьёт. Зачем такой мне нужен?

А он подлец. Он до копейки всё
Пропил, меня и мать лишая хлеба.
Он скоро всё из дома унесёт.
Как жить с таким? Не жизнь —
сплошная небыль.

Да я б ушла, но маму больно жаль.
Пускай свекровь, пусть кровно не родная.
Но без меня заест её печаль.
Ведь пропадёт. Я это точно знаю.

И буду вновь готовить и стирать,
Не для него, для мамы — для свекрови.
Таков мой крест. Она теперь мне мать.
Родная мне пред Богом и по крови.

Саул

Ну почему, зачем нельзя иначе?
Я сам своим умом всего достиг.
Но клевету и ложь в кармане прячет
Тот, кто готов возвыситься за миг.

Ужель всерьёз мои им лавры снятся?
Веригами гнетёт порою власть.
Но верный враг со мной, и может стать,
Он слёз моих хлебнёт однажды всласть.

А он, наглец, меня оставить с носом
Давно решил. Но не бывает! И вот
Летит копьё моё в него доносом
И «воронок» уж у подъезда ждёт.

Давид

А Голиаф силён, хитёр и статен.
И не спастись, не вымолить пощады.
Один конец для челяди и знати –
Позор и смерть, и безвременье ада.

Он надо мной куражился без меры.
Его копьё свободно, словно птица.
И меч его стальной – надёжный, верный –
В крови моей готовится умыться.

Всё ближе он – как смерч, как ветер
шквальный.

И жизнь моя в руках его. О, Боже!
Отсчёт пошёл, уже сошлись шакалы.
Но я встаю! Я жив ещё, быть может?

И не страшны мне стать твоя и хватка.
В лицо тебе пуцу подарок колкий!
Праща свободна, камень вскрикнул кратко,
И рассмеялось зеркало в осколках.

Екклесиаст

Всё суета. И днём, и ночью. Ежечасно
Я в суете постыдной той себя казню.
Душа привыкла. Не болит. Она согласна.
Меняет скуку на житейскую возню.

И будет так со мною вечно, непременно.
Работа, отпуск, вновь работа, водка, чай.
Но как-то утром ощущаешь перемену,
И вдруг, проснувшись, понимаешь: в мире май!

И травный дух опять в душе сверяет струнки,
И звуки ливня на парад опять манят,
Где салютуют мне войска пастушьей сумки.
И одуванчиков шеренги ждут меня.

Магдалина

Муж бросил. Не судите слишком строго.
Кому нужна больная и с ребёнком?
Ну, не слюбилось, разошлись дороги,
Всегда ведь рвётся там, где слишком тонко.

Не помню брата. Нагулявшись вволю,
Исчез безвестно он во вражьем стане.
А от сестры взяла осколок боли —
Девчущку-сироту на воспитанье.

Богатство — сын, а есть теперь и дочка.
Болячек сноп судьба ссудила властно.
И я несусь, так надо, знаю точно,
Какой там крест — моё простое счастье.

Пётр

Сложил персты для крестного знаменья,
Но не перекрестился, не посмел.
Ведь на меня смотрело с возмущеньем
Переплетенье глаз, забот и дел.

А вот в грязи старушка у дороги.
Монетки просит. Мог бы дать — не дал.
Пропьёт зараза. Знаю их, убогих.
Иди, сестра, ступай к себе в подвал.

Да. Я как все. Нормальный русский парень.
Но вот сегодня ночью услышал
В краю трамвайном, в небоскрёбной хмари
Предутреннее пенье петуха.

И отчего, и сам не знаю право,
Я до утра уснуть уже не мог.
Всё чудился мне церкви звон кровавый,
И мама — та старушка у дорог.

Первосвященник

Я силу имею, мне право дано
Суду предавать нарушающих действо.
Я к разуму глух, я приемлю одно:
Порядок. Порядок в земле Иудейской.

И всё по Закону, всё правильно здесь,
Но что-то не здорово, что-то не чинно.
Во времени этом безвременье есть,
Когда распинаема первопричина.

Но проклят висящий на древе вовек!
К чему нам себя не упасший Мессия?
Ни Бог, и ни царь, ни пророк. Человек.
Не мучься, Израиль, забудься, Россия!

Он мёртв. Он виновен. А я — нездоров.
Оставь меня! Прочь, самозванный учитель!
Но чудится мне сочетание слов:
АЗ ВЫ УПОКОЮ, ВЫ ТОЛЬКО ПРИДИТЕ.

Но нет Его. Нет! Не воскреснет уже
Не верю я в сказки бредовые эти.
Но кто-то не спит на моём этаже,
И в белых одеждах танцуют, как дети.

И слёзы на веках, как Правде салют.
Ах, выпал бы шанс сораспяться с Тобою.
И с жадностью в шелесте крыльев ловлю:
ВЫ ТОЛЬКО ПРИДИТЕ, АЗ ВЫ УПОКОЮ...

Валентина Долина

Валентина Михайловна Долина родилась в Мурманске. Автор поэтического сборника «Любви серебряная нить», печаталась в журналах «Балтика», «Дуновение дюн», «Балтийское вече» и поэтических альманахах и сборниках. Автор многих песен и романсов. Песня о Калининграде «Город российский» стала лауреатом нескольких конкурсов. В настоящее время доцент Калининградского государственного технического университета, кандидат педагогических наук

Февральский этюд

За окном унынье серой краски —
Коченеют в холоде дома...
В этих днях задумчиво-февральских
Испускает дух сама зима:
Свирепеет снежною порошей
И грозит морозом не шутя,
Простирает лунную дорожку
Прямо к сердцу, льдинками блестя.
...Эх, февраль, увы, твои старанья
Не страшат уловками, прости, -
В глубине души и мирозданья
Пробиваются весенние ростки,
И уже под уходящим снегом
Лепестки подснежника видны! -
Он спешит обрадовать, бедняга,
Целый мир дыханием весны.

Мой Севастополь

Мне часто снятся дали голубые,
В них детские и юные года,
И близкие мне люди, и родные,
И их слегка усталые глаза.

Я вижу город в дымке предрассветной
На вздыбленном скалистом берегу,
И древний храм на мысе Херсонесском,
И в бухтах волн неспешную гряду,

На главной башне бой курантов местных
Разносит над землёю крымской весть
О том, что город доблести и чести,
И русской славы на планете есть!

...Служили флоту мой отец и деды,
Здесь Родине присягу принесли -
Частицею в российские победы
Их вера, честь и мужество вошли.

Мне город вспоминается уютным:
Бульвар Приморский, рынок, Карантин.
И Севастополь тот немногочисленный
Мне видится до боли дорогим:

Наш домик, будто птицей свитый,
Не знающий безвременных утрат,
И дворик, виноградником увитый,
Посаженным для будущих внучат...

Здесь я росла, училась и выросла,
Отцовский строгий ощущая взгляд,
Теперь в приезды бережно лелею
Могил родных необратимый ряд.

Простите возрастные сантименты,
Я прошлым, может, слишком дорожу,
Но помнятся из юности моменты,
Когда я в море с бабушкой гляжу.

И вижу море Чёрное в лазури,
Над ним от солнца жаркую скалу,
И помню шторма грозные бури,
Когда вздымались волны на молу....

Я восхищаюсь той безбрежной силой -
Что брэнность перед этой красотой!
Мой Севастополь вечный и любимый
Сияет морем с русской широтой.

Крылатый конь

Крылатый конь меня несёт
 В туманный край стихов творенья —
 И этот сладостный полёт
 Дарит моей строфе рождение...
 Мой поэтический гнедой,
 Дождем осенним умываясь,
 Спешит под солнцем и луной,
 Меня в стихию вовлекая.
 За гриву крепко я держусь —
 Мне с ним и весело, и страшно,
 За резвость на него сержусь —
 Гнедого сдерживать напрасно!
 Под сенью лёгкого крыла
 В ночи над рифмами мечтаю...
 Ужель не сон: ко мне пришла
 Из тьмы поэзия живая?
 ...Ах, унеси меня, гнедой,
 В страну серебряного века!
 Я там себя найду строкой,
 Сродни любимому поэту,
 И там напьюсь из серебра
 Прозрачной ключевой водицы,
 И стану мастером пера,
 И в томик соберу страницы.

Мой храм

В храм живых и книжных знаний
 Я вступаю не чужой:
 Альма-матер в новом звании
 Мне, как прежде, — дом родной.

В час ответственный — на грани —
 Балом правит здесь звонок! —
 Я спешу по синей рани
 На студенческий урок...

В коридорном лабиринте
 Эхо гасит drobный стук
 Каблучков и очень мирно
 Философски прячет звук.

Я смотрю в глаза с волнением:
 Ожидание, напор,
 Можно встретить недоверие
 И в счастливый миг — восторг.

Убедить, увлечь их — верой
 В силу знаний — божья цель!
 Объяснить простым примером
 И поспорить между дел...

Молодое поколение...
 Племя крепнет и цветёт
 И ответственность пред миром
 Нам огромную даёт.

Эта праведная ноша
 И прекрасна, и трудна,
 И во славу жизни нашей
 Испытанием дана.

Всё в студенчестве — улыбка,
 Зыбко, смело и светло,
 Как ледок весенний — хрупко
 И молодой побег — сильно.

Я смотрю на поколение
 Странных правил, новых слов,
 Не скрывая восхищенья
 От умнеющих голов.

* * *

О том, что счастье обожгло,
 Мы узнаём, порой, не сразу:
 В воспоминаниях теплом
 Оно нам истину укажет...
 Укрыв земную суету,
 Забыв сомненья и укоры,
 Обид душевных маету,
 Оно создаст свои узоры.
 И сердце, вторя небесам,
 Укажет трепетно и верно,
 Где проскользнуло по летам,
 Где обожгло, но не согрело,
 Где жарко чувством навсегда,
 На всё оставшееся время,
 И думаю тесно все года -
 И это сладостное время...

* * *

Опять — горячая слеза,
 Опять — без сна, и до рассвета
 Я воскрешаю без конца
 Одно-единственное лето...
 И счастья призрачный корабль
 Иль каравелла, как блаженство
 Приходят в гости к берегам,
 Где райский сад и совершенство.
 Там в кущах сочные плоды
 Густых тропических деревьев,
 Среди роскошной красоты
 Певуньи в знойном оперенье.

Там арфы звук — почти ментальный,
Там лёгкость — выше облаков!
Там образ зримый — идеальный -
Пусть сон ушел из берегов!
Мечты плывут в ночной тиши,
Зовут в далёкие стремнины,
Стучат настенные часы,
Звучат забытые мотивы.
...Заветный миг не удержать
Однажды выигранного лота,
Виденье в счастье не собрать,
Но всё звенит больная нота...

* * *

Время чувства прежние уносит -
За плечами жизнь, а не туман!
...Только сердце почему-то просит
Обменять реальность на обман,
Вспомнить пережитое, больное,
В сладких снах увиденное тайно,
И узнать... узнать лицо родное,
Проутюженное жизненной явью.
И не станет прошлое разменом,
И не будет женщины счастливей,
Если заиграет филигранно
Сердце — в разгоревшейся стихии.
Зазвенят умолкнувшие струны,
Вспомнятся забытые мотивы —
Пусть у мальчика уже седины
И характер зрелого мужчины...
...Сердца стон — сильнее всякой боли!
Не прощайтесь с первой любовью...

Грешная весна

Нам жизнь с неведомых небес
Спускает облако чудес,
И вновь пришедшая весна
Кому-то ночь несёт без сна...

Пусть обессиленный Морфей
Бушует в сумраке теней —
Ему до сна не достучаться
И до влюблённых не добраться!

Теснит томленьем чью-то грудь
В цветенье пышном белый куст —
Обычным запахом сирени,
Сведя с ума сто поколений,

И соловьём взовьётся ночь,
Как тыщи лет назад — точь-в-точь,

А юность сочинит сонет,
Когда молчать уж мочи нет.

Молчанье — неподъёмный груз
В слепом разливе пылких чувств!
«Не уходи», — он скажет ей,
И будет эта ночь нежней

Всего, что даровала жизнь,
Вплетаясь в шёлковую синь...
Тогда луна кривым рожком
Осветит ночь младым божком,

И будет ночь светлее дня.
А чувства — горячей огня.
И станет строгая луна
Немым свидетелем одна...

Песня моря

Сомкнулись небеса,
закрылись серой хмарью,
И песня моря за бортом
зашлась глухой печалью.
Прошли минуты — не часы!-
и море закипело,
И бури ветреная песнь
в отчаяньи засвистела.
«Изломанный челнок,
я снова брошен в море»,
И вместе с другом — кораблём
сегодня с морем — в споре.
...Корабль во чреве исчезал,
и возникал в экстазе,
И исступлённым смельчаком
срезал во тьме зигзаги.
Удар — и течь! И ночь без сна,
усталость точит лица,
Надежда не спешит обнять
счастливую десницей...
Когда ж мятежное дитя
под утро задремало,
Я видел, как во сне оно
как будто улыбалось...
Проснулась утренняя песнь,
и чёлн стал исполином!
Но шторм ночной зарубки дал,
добавив всем морщины.
...Я скоро к пристани вернусь,
душа найдёт спасенье,
Но море снова позовёт —
и...пропадут сомненья.

Берега Новороссии

Глеб Бобров

Дорога мщения Женьки «Ангары»

На её шее тонкая серебряная цепочка с небольшим православным крестиком. Вокруг распятия ещё одно украшение — колечко. Она говорит «обручальное». Да вот только не серебряное оно. Это кольцо с чекой от гранаты. Однако девчонка не врёт, они действительно с этими кольцами венчались в церкви. Ведь, вначале, словно у библейского Иова, война напрочь разрушила всю её жизнь и семью. Разбила вдребезги привычный мир. Отобрала мужа. Потом разнесла в клочья отца с братом. Причём буквально. Теперь Женька склеивает свою жизнь по кусочкам. И первым подарком Судьбы стало обретение любимого человека. Почему и знак их обета так суров — с вырванной чекой не шутят...

Большая семья

Родилась Женька восемнадцать лет назад в трудящемся, зажиточном селе на тысячу дворов в самом центре благословенного Станично-Луганского района. Семья дружная и большая. Мать-Отец и дети. Десять детей. Кроме старшей, тридцатилетней дочери, все погодки возрастом от 10 лет. У первой дочери давно уже своя и тоже многодетная семья: всего шестеро — четверо своих и двое приёмных. Женька у матери вторая по старшинству.

Говорит, жили дружно, не тяжело. Все обязанности в семье поделены, все работают наравне.

Мать — Людмила Юрьевна — бухгалтер, всю жизнь работала в сельсовете. В 2009 году её наградили званием «Мать Героиня». Помимо домашнего очага считает своим долгом дать детям приличное образование. И это не только выполненные вместе с родителями домашние задания на «отлично», но и музыкальная школа, куда приходилось возить детей за пятнадцать верст, и последующая учеба к коей готовят каждого.

Отец — Анатолий Леонтьевич — в свои 55 лет прошёл долгий путь от танцора ансамбля песни и пляски Киевского военного округа, в составе которого он объездил пол мира и весь Советский Союз, до ликвидатора аварии на Чернобыльской АЭС, о чём он так не любил вспоминать. Последние годы занимался сезонной работой на стройках, зимой числился в котельной, плюс вёл домашнее хозяйство — нормальная, размеренная жизнь военного пенсионера. При этом главным стимулом для него всё же были дети. Только потом они поняли, что отец поменял свою карьеру на семью. Детвора его безумно любила, и он к каждому пытался найти свой подход. Действительно, был талантлив — прекрасно пел, играл на гитаре, но, главное, служил, что называется — пастырем в семье. Таким оказался его духовный выбор — многие годы считался не последним человеком в местной общине евангелистских христиан баптистов. Однако для остальных выбор оставался свободным. Мать — православная. Женя также считает себя православной, притом, что церковной жизнью не живет, хотя исповедуется и причащается.

Учились хорошо и в удовольствие. Сама Женька, как и её брат-погодок, Лёша, пошла в школу с пяти лет. После школы окончила колледж технологии и дизайна. Сейчас поступает в педагогический университет и вновь на делопроизводство.

Первые блокпосты

Семья из религиозных соображений всегда была абсолютно аполитичной. Когда в стране начался «майдан» и гражданское противостояние — молились и ни во что не вмешивались. Отец говорил: «Мы ни за правых, ни за левых». Он и ранее принципиально не ходил на выборы, тут же и недавно «в политику не вмешивался». Однако политика сама вмешалась — впёрлась обеими ногами в жизнь этого дома: вначале бунт и государственный переворот в Киеве, потом гражданская война в Донбассе.

Женьке крепко запомнился один момент из этих первых дней. Когда киевские силовики дошли до самого Луганска, на блокпостах под Станицей встал «Айдар». В тот день Анатолий Леонтьевич забрал в Станице детей из музыкальной школы и повёз домой. Их битком набитую «Славу» остановили. Проверили. Упырок в камуфляже, потехи ради, гаркнул в открытое окно: «Слава Украине!» — и замер в ожидании. В машине молчали. Он повторил. В ответ упрямое молчание пяти пар растопыренных детских глаз. «Айдаровец» взбеленился:

— Чи не знаєте, шо надо отвечать?! Говорить надо «Героем слава!» Понятно?!

И вновь упорная тишина. Отец сидел прямо и смотрел вперёд. Женька говорит, что отчётливо видела его побелевшие костяшки на сжатом руле.

Вояка начинал сатанеть — сунул в салон машины автомат и как-то неожиданно тонко, срывая голос, провизжал: «Слава Украине!!!». И тут случилось нечто: хорошо поставленный хор детских голосов слажено ответил: «Слава Богу!». У потового случился культурный шок. Он завис, потом неловко стусевавшись, промямлил в ответ: «А... Ну, тада, спасибо...». И потом, чуть просветлев взглядом, неожиданно добавил: «Езжайте с Богом». На этом блокпосту к ним больше не приставали.

Позывной «Ангара»

Перед войной у Женьки был девичий роман. Общались с парнем почти три года, правда, в основном по телефону. Весной 2014-го она окончила свой колледж. Мир уже летел в тартарары. Планы на будущее по своей обдуманности напоминали «русскую рулетку». В этих условиях они вдруг впопыхах расписались, хотя родители были категорически против. Следом, с началом боевых действий и первых обстрелов она уехала жить к свекрови в Курск. Устроилась на работу в ателье, но всё как-то не задалось, и к сентябрю, с окончанием активных обстрелов, молодая вернулась домой.

Возвращение вышло шокирующим — тут она впервые напрямую соприкоснулась с войной. Дорога из Счастья до Станицы заняла более трех часов — езда черепашьим шагом с постоянными остановками, и изматывающие, унижительные «шмоны» на каждом украинском блокпосту. Да ещё на большаке, прям позади их автобуса начался бой. За малым к ним «не прилетело». Приехала же — словно высадилась в пустыне. Людей нет, «маршрутки» не ходят, попуток тоже не видно — без машин вообще, пустая дорога. Притом, что добралась до Станицы под вечер, часов в шесть. Вокруг гнетущий антураж — пустые дома, много разрушений и зияющих провалов выбитых окон, безлюдные улицы. Мысли соответствующие:

— Ну, все — попала. Стою одна, связи нет. В Станице, знаю, орудует нацгвардия. Смеркается... — вспоминает Женька.

Спас сосед, каким-то чудом оказавшийся в нужном месте, в нужное время. Не без приключений добрались до родного села — по дороге их тормознули на очередном блокпосту и не хотели пропускать. И лишь увидев дату рождения (дело было на следующий день после именин), «айдаровец» смилостивился, через губу поздравил с «прошедшим» и всё же пропустил.

С молодым мужем жизнь тоже не сложилась. Он оказался, инертным наблюдателем, считал, что надо находиться как можно дальше от происходящего. Мол, «дурных нема подставляться — разберутся без нас». Её воротило от этой позиции: «Почему за меня должен решать кто-то? Это моя жизнь. Это мой город. Это моя страна»... Сама же тянулась к друзьям-ополченцам — вчерашним ребятам из Камброда, рядом с которыми она жила у своей тётки и бабушки в годы учёбы в колледже.

Да и в целом неглупая девчонка прекрасно видела и понимала, что сделали с её городом. Как он пострадал от варварских, неоправданных обстрелов. Знала, как выживали люди. Не раз сама сталкивалась с киевскими силовиками. Слетающие с её языка термины: «укропы», «каратели», «хунта», «фашисты» и «полицаи» — не ругательства, а осмысленные выводы сложившегося мировоззрения.

Тем временем Отец продолжал поддерживать семью. Работал, возил в блокадный город молоко-продукты. И на блокпостах «айдаровцев», и на позициях ополченцев всегда оставлял молоко и брынзу. Не в виде дани или задабривания «человека с ружьем». Он просто жил по Писанию. Для него действительно не было «ни эллина, ни иудея», а лишь только люди, разделённые и озлобленные войной. Зная об этом, его уважали бойцы по обе стороны фронта. Один раз такое отношение спасло и Женьку. Ведь она, даже начав сотрудничать с ополченцами, все равно еженедельно моталась к своим — в семью. На одном из досмотров у неё как-то обнаружили георгиевскую ленточку. Было всё — угрозы, оскорбления, маты, но дело не дошло даже до побоев: «Та це ж дочка Леонтіївича». Отпустили.

Вскоре она начала уже всерьёз помогать бойцам батальона «Заря». В ответ дома начались ежедневные скандалы. Девчонка упрямая — заступила в «Заре» на службу у КПП. У мужа начались форменные истерики. Она ушла. Сказке конец. Так Женька стала «Ангарой».

Казак удалой

В «Заре» она помогала ребятам, занималась делопроизводством, имела выход в интернет. Там, в социальных сетях познакомилась с Виктором — российским добровольцем, бросившим неспешный бизнес в Питере и с июля 2014 сражавшегося под Луганском. Получивший уважительный у казаков позывной «Дон», он все эти месяцы, что называется не вылезал из самого пекла. К осени он уже дорос до командира взвода казачьей сотни стоявшей под Станицей.

В перерывах между дежурствами на переходе через мост, удержанием рубежей и постоянным «боданием» с противником, «Дон» всеми правдами и неправдами создавал ударное противотанковое подразделение: доставал, выменивал, выпрашивал ПТУРСы и гранатомёты, находил и переманивал специалистов, обучал и обкатывал людей. Знакомая с азами штабной работы, Женька тут как раз пришлась ко двору. Умения работать с картами в google.maps, компьютерные навыки и основы делопроизводства выгодно отличали её от большинства казаков-ополченцев, а тем более бывших станичников, коих здесь служило немало.

Бои под Дебальцево застали «Ангару» в расположении сотни — девчонку от души завалили штабной писаниной. «Дон» не вылезал с передовой. Общались по телефону. С каждым разом общение становилось продолжительней. Их всё больше и больше тянуло друг к другу.

К весне дороги домой не стало. К тому времени по селу поползли слухи, нашлись доброхоты и Женьку «сдали». Сейчас она спокойно констатирует: «Ну, и в войну же были полицаи, как без этого?». Но тогда Мать по телефону настрого приказала: «Домой не приезжай. Пошли за тебя разговоры. Схватят».

В конце мая, им дали кратковременный отпуск. Поощрили. Они с «Доном» решили смотаться на неделю в Крым — хоть одним глазком заглянуть в счастливое будущее. Религиозный, и глубоко патриархальный Отец эту идею не оценил. Женька до сих пор не может без слез вспоминать свой последний с ним разговор. Так и съездили. Знать бы...

Дым над тропой

31 мая, в день Святой Троицы Анатолий Леонтьевич, взяв 17 летнего Алексея и 14 летнего Данила, поехал на торжественное богослужение в Луганск. Хотя украинские силовики и обещали всех пропускать на Троицу, переход гражданским лицам в день большого религиозного праздника оказался наглухо закрыт. Безрезультатно простояв больше часа, мужчины направились к своему знакомому, тоже члену общины, в Кондрашовку и там провели домашнее богослужение. Уже оттуда решили всё равно пройти в Луганск: родня, церковь, как же так — Троица ведь?!

Из Кондрашовки вела укромная тропинка, о которой, впрочем, все знали. Люди по ней ходили, хотя военные все время грозились её перекрыть. Но Отец решил пойти — посмотреть, есть ли путь в город.

Около полудня Лёша позвонил домой, сказал, что, дескать, всё нормально, богослужение закончилось, они уже собираются домой. Потом долго никто не звонил. Материнское сердце что-то почувствовало — она набрала, мол, «вы где?». И вновь ответил Лёша:

— Мам, мы уже идем, хотим посмотреть тропинку — можно ли будет пройти? Сегодня, говорят, мирные здесь ходили, значит, и мы сможем.

Так они и пошли: впереди любознательный Даник, за ним Отец, замыкал Алексей. Поговорив по телефону с матерью он, приотстал, как говорится, «по малой нужде» буквально на десять шагов. Это-то его и спасло. Грянул взрыв. Не растяжка. Рванул фугас, или тяжелая мина, на которую наступил Данил. Мальчика, буквально, порвало взрывной волной в клочья. Отца тоже сильно покромсало осколками, но он ещё непродолжительное время был жив и даже находился в сознании. Улыбался, пытался успокоить старшего сына и говорил: «Я — к Богу!». Сам Лёша не пострадал. Он кинулся на автостанцию звать на помощь. Люди пришли. Тела собрали. Отвезли в морг. Всё.

Когда забирали, по дороге из Станицы в родное село на одном из блокпостов нарвались на отморозков из нацгвардии. Вначале вояки прицепились к гробам.

— Что в гробах?! Перевозите или пустые?

— Нет, не пустые. На похороны едем. Вот справки и свидетельства о смерти...

— Плевать! Открывайте...

Заставили открыть. Потом начали проверять документы и сличать их с изуродованными останками. Всё это сопровождалось смехом, издёвками и глумливыми комментариями.

— Что?! На ту сторону захотелось, к сепарам! А вот нечего шастать! Получили, что хотели.

Особо «вояки» повеселило, что младший не дожил месяца до своего пятнадцатилетия. Одним словом, оттянулись хлопцы на славу. Всей процессии — убитой горем матери, бабушке, тёткам и прочей родне доходчиво рассказали: что нацгвардия думает про горелую вату, колорадов и порционные куски сепаратистов.

Дети очень тяжело перенесли трагедию. Дима — брат близнец погибшего Данилы две недели не мог есть, нормально спать, не заходил в комнату, где они жили с Даником. Не менее тяжело перенес утрату и Лёша. Про Мать и говорить нечего...

Месть не женское дело

После гибели родных Женька забыла о былом миролюбии и отцовском нейтралитете. Если раньше война не касалась её лично, то теперь она знала, что назад дороги нет. И понимала, кто должен ответить за отца и брата. Практически сразу разведка казаков выяснила, что мину поставили днём, когда в направлении Луганска уже прошли первые люди. Поставили специально, с единственной целью устрашения — отвадить упрямых станичников «шастать» в осажденный город. В город, у которых у большинства были родные, работа. Город, без которого Станице, накрепко завязанной на Луганске всеми жизненными и экономическими связями, попросту не выжить. После глумления над останками Данилы и отца, после крови, ужаса и страха всей войны она хотела мести, хотела крови. И главное, у неё оказались не только причины, но и возможности конкретно взыскать по этому счету — такое не прощают.

Однако тут вмешался «Дон». Он чётко сказал: война дело не женское, а вендетта тем паче — традиционно дело мужчин. Слово с делом у доросшего до начштаба батальона ополченца не разошлось аж ни разу.

Вскоре наблюдатели вычислили хитрую усадьбу на окраине, в которую повадились наведываться увешанные оружием бородачи в дорогом натовском камуфляже. Идентифицировать чеченцев из батальона им. Джохара Дудаева особого труда не составляло. В один из дней, когда в усадьбу заехала особо представительная делегация, следом за ними в окно прилетел реактивный снаряд ПТРК «Фагот». Что может натворить противотанковая кумулятивная ракета в закрытом помещении — военные понимали хорошо. Для того и посылка.

Перед операцией Женька от руки написала на небольшой бумажной ленте пару слов пожеланий оккупантам, подписала свой импровизированный транспарант: «За папочку!», и, по-девичьи аккуратно, приклеила его широким скотчем к пусковой трубе ракетного комплекса. А после операции, просмотрев видеоотчет, спокойно отметила:

— За Даника тоже будет. По-любому...

Сама «Ангара», кстати, боевого оружия в руки не берет. При штабе оно ей ни к чему, а на позициях обходится «Макаровым», по штатному расписанию положен. Однако за спиной у этой девчонки достаточно людей, которым по силам решить её проблемы. Эта ещё одна семья, на это раз — фронтовая. И не только в переносном смысле этого слова.

14 июля сыграли свадьбу. Расписываться не стали: «Кому нужны эти формальности?». Ответ держали лишь перед Богом — венчались в Николаевской церкви. Перед событием невесте сшили корсет из камуфляжа, и нашли настоящую фату. У «Дона» вообще из всей одежды один потертый маскхалат. Так они и пришли в храм. А вместо обручальных колец подошла чека от гранаты.

— Мы нашли друг друга на войне, полюбили, венчались. Потому и решили такой знак себе взять, — говорит Женька. — Но это не знак смерти. Мы будем жить. Останемся здесь — это наша земля, родная. Никому не отдадим и убежать никуда с неё не станем. Витя хочет завести пасеку. Я буду учиться, обязательно поступлю и закончу институт. Буду работать. И, конечно же, у нас будет столько детей, сколько Бог даст. Хоть десять — опыт есть.

Берега Новороссии

Ирина Горбань

Коренная макеевчанка. Окончила Глуховский государственный пединститут по специальности «Преподаватель дошкольной педагогики и психологии». Член МСП, СП ДНР, СП России. Лауреат премий имени М. Матусовского, имени Л. Татьянической, конкурса «Мгинские мосты» — Санкт-Петербург, награждена медалью «Память России» — СП России. Автор семи сборников стихов

Не хочу привыкать

Я никак не привыкну к войне:
Но ответчу предутренним «бахам».
Хоть не рву от досады рубаху, -
Не стою от смертей в стороне.
Я никак не привыкну к войне.

Мне не хочется видеть врага,
Но не терпится гибель увидеть
И услышать: — А он неликвиден,
Не дожив двух часов четверга.
Мне не хочется видеть врага.

Террикон искалечен войной,
Но стоит, рубежи охраняя.
С неба звёзды слезинки роняют.
На дороги земли фронтовой -
Террикон искалечен войной.

Не впервой привыкать. Не впервой.
Так ли страшен в аду адов пепел?
Под ногами — горящие степи,
И нелепо звучит смертный вой.
Не впервой привыкать. Не впервой.

Я к войне привыкать не хочу.
Быть бы живу за гранью кончины.
Рубежи охраняют Мужчины,
И от злости врагу я кричу:
— Я к войне привыкать не хочу!

* * *

Кашлем тифозным по дальним окраинам
танки харкают плевки.
Прятаться поздно: рассветами ранними
на пол летят потолки.

Криком исходят вороны до одури
(их бы разбил паралич),
смерть отработана. Видно, не лодыри
прут на Донбасский кулич.

Всем распростерты степные объятия:
каждому есть свой «надел».
Что ж вы, чубатые, стали небратьями?
Кровушки кто захотел?

Кашлем тифозным харкают трехсотые,
пряча в карманах клинки.
А напоследок, любуясь красотами,
смертушки слышат звонки...

Но по окраинам снова пожарища,
Долу летят потолки.
Эй вы, чубатые и сотоварищи,
Руки у вас коротки.

Иверский монастырь

Над военным Донбассом
Неба стылого синь,
От разрыва фугасов
Стало меньше святынь.

Купола бьются о земь,
Но малиновый звон
Улетает не в осень, -
Болью он опалён.

По разбитым погостам –
Миномётный обстрел,
Выжить в пекле не просто
(враг совсем озверел).

По крестам да надгробьям
Бьёт прицельным огнём,
Смотрит смерть исподлобья,
Как в молитве живём.

Суший ад на погосте,
Но свечи яркий свет
Зазывает всех в гости,
А гостей больше нет...

По разбитым дорогам
Прихожане идут
Прикоснуться-потрогать
Дней опальных приют.

Где малиновым звоном
Свято-Иверский свет
Клёны старые стонут:
— Смерти нет...
смерти нет...

Мой город

Мой город стонал от боли,
От невыносимой муки,
И было ему не страшно,
А может быть страшно... но!
Тонул он в своей юдоли,
Тянул к поднебесью руки,
Был попросту бесшабашным,
Непризнанным был страной.

Стонала страна от боли,
От первообщинных рамок,
Ей было, пожалуй, страшно,
Хрипела она в аду.
Шаталась, как алкоголик
Да в косоворотке драной,
И видя себя в Калашном,
Не знала, что будет суд.

А суд не стонал, не хныкал,
Он попросту был растерзан,
Как загнанный зверь в ловушке,
Взирая по сторонам.

На дне был разновеликим,
И падая пулей в бездну,
Расстрельный стоял на мушке,
Готов был к похоронам.

Майдан хоронил надежду,
Надежда орала песни,
В прыжке «Ще нэ вмэрла» пели
И ели засохший хлеб.
В политике все невежды:
В границы вбивая колья,
Тянули на запад руки,
Вдовиц одевая в креп.

А креп был креплёным пойлом,
Дурманом и беленою.
Кто первым пригубит — горе.
Забудет покой и тишь.
Волов непокорных — в стойло,
Покорных — рулить страную,
Потери осадок горек –
Хоронишь всех или хранишь?

Мой город давно не стонет.
В прыжке затаился город.
Готов развернуть атаку,
Истории ход свернуть.
Ведь правило есть простое:
Мозгами враг если хворый
И прёт по Донбассу танки,
Тому на погосты путь.

Фиолетовые флаги

За туманностью Андромеды
Шар земной поубавил прыти.
Кто бы правду знал, кто бы ведал
В високосный год, в год открытий –

Кто левее идет, — тот правый,
Кто правее — уйдет налево,
Ковылю неподвластны травы,
Но растет непокорный клевер.

Сон-траву иссушило лето –
Ни воды, и ни капли влаги.
Полдень жаркий стал фиолетов,
Фиолетовы стали флаги.

В поднебесье зияют дыры,
Под ногами — позёмкой лето,
По размеру гробы-мундиры
На тела пацанов надеты.

Андромедовы звезды воют,
Мамки молча кидают землю
По могилам. Всё неживое.
Дремлет горе. Победа дремлет.

В поле чистом война да битва,
В грязном — кровь и чужие трупы.
Не добита боль. Не добита.
Глупо лезть на донецких. Глупо!

Только по небу вороньё...

А потом был последний бой,
Так хотелось бежать домой,
Камнем стылым залечь в снегу,
Прошептать: «Больше не могу...».

Мама, помни — я твой герой.
Только знаешь, хочу порой
Прикоснуться к родной щеке,
Мчаться в тыл на грузовике...

Выжив на боевом посту,
Слушать медленный сердца стук,
Быть живым среди всех живых
Где родные все. Нет чужих

Но стоит терриконов ряд
И полями снега горят, -
Льется кровь пацанов моих,
Под березой браток притих...

Мама, это последний бой.
Для тебя я всегда герой.
Ты не плачь в этот горький день
На поминки платок надень...

А по полю кресты... кресты...
На крестах горький взгляд застыл.
У могилы седой старик
Головою к кресту приник.

В тридцать восемь седая мать
Что-то хочет сынку сказать.
Только по небу вороньё...
И «арта» по Донбассу бьёт.

Блокпосты

Помню адреса, дороги знаю,-
Дружбой крепкой был повязан путь.
Я теперь, друзья, не выездная.
В глотке — блокпосты. И не вздохнуть,

Ни глаза открыть — карают тут же,
Кто во что горазд — не пить с лица.
Поясок затягивая ту же,
Умиляюсь этим подлецам.

Топчут паспорта (кураж им важен).
Пресмыкаться — не в моем мозгу.
На душе от издевательств — гаже,
Им дороже — бесовской разгул.

А друзей — переберу по пальцам, -
Кто меня не помнит — грош цена.
Продолжая скупой улыбаться,
Говорю открыто пацанам:

— Будь что будет. Блокпосты не вечны.
Глянем мы ещё глаза в глаза...
Да, война. Но, будьте человечны.
Вы за мир?
Я, безусловно, — за!

Сезон градов

Декабрит, да слишком осторожно:
То снежок, то дождь, то вдруг гроза.
Нет бы — взмыть позёмкою дорожной
И ледком порадовать глаза.

Но зато задекабрило «градом»:
Смерть влетела, как к себе домой,
По садам, дорогам, автострадам...
Повезёт — останешься живой.

Декабрит... и по домам всё чаще —
Для «сезона градов» в самый раз.
То прицельный взрыв, а то — скользящий, -
Рукотворный грозовой маразм.

В декабре «с катушек» вскачь погода:
Дождь с грозой, а к ним — железный «град».
Взяли небеса такую моду, -
Градом «полируют» всё подряд.

Было б странно видеть нынче льдистый
Ровный шлях, не вспаханный войной,
Чтобы снег лежал на нём искристый,
Чтобы «град» не выл над головой.

Но мечты о снеге, как о хлебе,
Как о невозвратной тишине...
Воют «грады» в полумёртвом небе,
И не спит природа на войне!

Залатанный флюгер

Обесценен союз украинского прежнего братства,
По дорогам войны уезжают мои земляки.
Из оседлых домов в неизвестные дали скитаться,
Перелетной толпой улетают на свет мотыльки.

И бредут вдоль дорог, различая по взрывам прилёты,
На таможах стоят, пряча долу измученный взор,
Целит в лоб автомат, усмехается хрен желторотый-
Не боец, не солдат — бывшей армии стыд и позор.

Быть бы живу, а там... всё вернется на прежние крУги:
Дом отстроится враз, если будет желанная тишь.
Заживет новой жизнью фанерный залатанный флюгер...
Ты не веришь, солдат? Отчего ты молчанье хранишь?

Вышивая крестами

Суровыми нитками сшиты суровые будни:
По белому черным, по черному — синим крестом.
Чем ближе война, тем бездарней она, безрассудней
По красному красным в обличье идёт пресвятом.

Ломаются жизни, ломаются стереотипы,
Бомбёжки стирают знак равенства прежних высот.
А если кому-то фартовый знак равенства выпал,
Тому уготована цифра в пределах трёхсот.

В разбитых витринах видны отражения нитей,
Висят провода в полумертвых извилинах лет,
По белому черным крестами судьбу отмолите
От прежних потерь и до всех судьбоносных побед.

Суровыми нитками сшиты суровые судьбы:
По синему — жёлтым, по черному — черным жнивьям.
Как быстро летят в никуда полумертвые будни,
Ведь мы не погибли. Мы в этом проклятье живем.

Берега Новороссии

Сергей Прасолов

Поэт, прозаик, публицист. Родился в Суходольске в 1958 году. Окончил Луганский университет им. Т. Шевченко. Работает журналистом, преподаёт в Луганском университете им. В. Даля. Широко публиковался в периодике и коллективных сборниках Донбасса, России, Украины. Член Союза писателей ЛНР. Член редколлегии луганского альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

* * *

Когда события очерчивают круг,
Когда свершенья горестней лишений,
Когда неразделимы враг и друг,
Когда пугают собственные тени
И мятежи сменяются смятением,
Несносный и глухой,
Молчит мой дух.

Не минул день-деньской, но канул долгий год.
Вчерашний хам смиренно служит Богу,
Клейменный тать опять ведет народ
В грядущее испытанной дорогой.
Надзор все тот же, тщательный и строгий,
И вождь привычно разевает рот.

Чего же ищешь ты, и друг, и брат?
Глянь – в лавровом венке из собственных заветов
Идеализм неистовой планеты
Материальных требует затрат.
Кому какой отсчитано монетой —
О том споет седоголосый бард
На склоне лет или на склоне лета.

Энтузиасты гонят время вскачь.
Не различить потешных наших братьев:
Где в штатское одетый демократик,
Где ряженный в спасителя палач.
В усердии, по-бычьему выгнув выи,
Всему свободы пишут роковые.
Молчи, моя душа, молчи, не плачь!

Не мудрствовать. Не славить. Не стенать.
Жить по себе, своей достойно воли.
Ни хлеба этого, ни этой горькой соли,
Ни неба, ни земли
Не отнимать.

Вселенную, прозренную ночами,
Нести без оправданья
за плечами
Туда, где ждут уже отец и мать.

* * *

Босой,
в коротеньких штанишках
(их мама шила давними ночами),
осиянный
вихрастым солнцем,
пропитавшим сны,
в свой дом я возвращаюсь по стерне
неутолимой памяти.

Мир создан был вчера.
И неизменны
и суть вещей, и вещи,
и ветреные боги
благоклонно
внимают не молитве и не жертве,
а только шёпоту
ещё бессмертных душ.

Ещё в карманах хлеб
на целый день,
и камешек проворный по воде
ещё скользит,
и голоса друзей ещё подобны птичьим,
и девочки ещё полумальчишки,
и соседи (ещё никто не умер)
собираются под вечер
играть в лото.

И городок прилёт одноэтажно
в языческой степи,
и оседает пылью седина дороги,
по которой
кочуют судьбы тех,
кто поля
ещё не перешёл.

А в безбрежье лета —
безбрежье трав и лет,
и нет ещё
пустой стерни
от скошенных надежд.

– Сыночек, бегай босиком!
Сначала больно,
а потом
привыкнешь.
И было так. Но стало вдруг больней.

Бунин. Франция. Грасс

Там жизнь, там суета, там вечный гул,
Осинам ветры раздают поклоны.
И родина на том, на дальнем берегу
Не любит, не клянёт и, кажется, не помнит.

Мой судия — любовь. Её лукавый взгляд
Пронзал ревниво плоть мою и слово.
А там... там птицы вешние летят,
Там живо всё, там всё беспечно ново!

Там солнца ненасытные круги,
Там память возвращается на круги.
Спросить, пожалуй, чаю у слуги...
Жаль, некого спросить, когда все — слуги.

Пусть время вспять пойдёт. Колышет ковыли
И табуны солёной степью гонит.
– Что, гости к нам? А родина вдали.
Не проклянёт? Не позовёт? Не вспомнит?

Берега Новороссии

Виктория Мирошниченко

Поэт, переводчик. Родилась в Луганске в 1962 году. Окончила Луганский медицинский институт. Работает врачом. Автор нескольких книг, публиковалась в периодике и коллективных сборниках Донбасса, России, Украины. Член Союза писателей ЛНР. Живёт в Луганске.

* * *

У событий есть ночь и есть день,
Есть подкладка, изнанка, лицо.
Есть у гениев злобность и лень,
Притягательность — у подлецов.
Есть в тылу всяких славных властей
Окаянных голов арьергард,
И у каждой из спящих страстей
Есть свой Нельсон и свой Трофальгард.
Есть у каждой строфы свой размер,
А в огне безутешных утрат
Каждый близким своим — Робеспьер,
Каждый сам для себя — Герострат.
У воздвигнутых памятью стен —
Осаждающих яростный стон:
Есть у каждого свой Карфаген,
И для каждого свой Рубикон,
И тихонько шипит на ушко
Каждой Еве назначенный Змей,
И находится слишком легко
Свой Везувий для новых Помпей.
Для волхва — непременно звезда,
А для Авеля — посланный брат,
Непременно для Ноя всегда
Вновь отыщется свой Арарат.
На скрижалях горят письма, на,
Остывая с течением дней:
Каждой крепости припасена
Пара-тройка Троянских коней,
непременный для счастья — Гефест,
Для Икара — свободный полёт!
Есть у каждого собственный крест,
Да не всякий его донесёт...

* * *

Стук молотков, как выстрелы в спину.
Прижму ладони к ушам устало...
В который раз распинают сына.
Теперь — на горькой земле Цхенвала.

Распяты гордо на шею, —
Чем не языческие пираты? —
Вас, ставших первыми, иудеи,
Ученики превзошли стократно.

Чего хотите? Почёта, славы?
А тяжела ведь волна проклятья.
Венец презрения — вам по праву,
Поднаторевшие на распятыях.

Набить карманы поторопиться?
Во что оценены души павших?
Не наживётесь: их только тридцать.
Навеки тридцать на всех предавших.

Из слёз и крови, руин, агоний
Встаёт любовь так легко ранима...
Надежда тянет ко мне ладони
С полотен Босха Иеронима.

* * *

Мы только первый круг прошли, -
И сдали нервы, —
Рискнув вращением Земли
На круге первом...
Теперь заходим на второй,
Взяв темп «andante».
— Что посоветуешь, герой?
Безмолвен Данте.
Пусть сплав амбиций — наш вожак
И кодекс спеси,
Свои сомненья, как пиджак,
На стул повесим.
На круге, на очередном
Расправим плечи.
Повозку совести — вверх дном!,
И станет легче.

Вмиг зубы сцеплены и вмиг
Ладони сжаты.
Без путеводных карт и книг,
Без провожатых,
Без пунктов следования, мест
И без билета...
Что тяготит и надоест –
Уносит Лета!
Безликость сомкнутых рядов,
На душах — камень.
Пусты глазницы городов,
Набитых нами.
И Провидения рука
Дрожит в испуге...
Всё обойдется. Мы пока
На первом круге.

* * *

Мы — Донбасс, нам сетовать негоже!
Погасив огни, в крошечной мгле
Боль и горе мы впитали кожей
В двадцать первом веке, на Земле...
Нам в лицо стреляла Украина,
Множила бесславы на бои...
А потом легко, по-братски, в спину
Добивали «близкие» свои:
Все, кто наживался на разрухе,
Разбивал, громил и «отжимал»,
Воровал тушенку у старухи
И спускался зверствовать в подвал...
Будем жить... Не ради звонких мифов –
Жалок сфабрикованный заказ!
Мы соединились с русским миром,
Слово «мама» молвил в первый раз.
Ради тех, кто в плохонькой землянке
Ждал свой первый и последний бой,
Кто вставал с «лимонками» на танки,
Чтоб хоть пядь земли закрыть собой.
Тех, кто раны шил своим и пленным,
Открывал в блокаду закрома,
Кто о сводках сообщал военных,
Свет и воду возвращал в дома,
Кто скончался от битвы и пыток,
Без вести пропал в недобрый час...
Видимо, «свидомости» избыток
Украина бросила в Донбасс!
Ради всех, кто — верю — не напрасно
Обрели покой в моей земле,
Звёздами горят огни Донбасса,
Освещая путь в крошечной мгле.

* * *

Я не люблю пустых зевак,
Бродящих в праздном любопытстве,
На раны города с бесстыдством
Поглядывая просто так.
Сльвя заложником в АТО,
Мой город плакал мне в ладони,,,
И не было обид бездонней,
Когда он повторял :»За что?»
Он — не преступник, он — солдат,
Он, не стыдясь своих увечий,
Пытался так по-человечьи
Осмыслить: «В чем я виноват?»
И, не прося прощенья, нет,
А просто зубы сжав покрепче,
Набросив камуфляж на плечи,
Он подготовил свой ответ...
Ты пережил со мной грозу,
Мой город — раненая птица.
Храню твой сон, сомкни ресницы,
Смахнув дождинку, не слезу...

* * *

Любовь покинула страну,
А, может, землю...
От безысходности вздохнув,
Планета дремлет.
А сны страшны и тяжелы,
И в них упорно
Трясёт безумие войны
Штандартом чёрным.
Заупокойную живым
Там служат мессу,
А разум разъедает дым
Карманной прессы,
И тьма не ведает границ...
Но вдруг однажды
Ворвется стая белых птиц
Лучом отважным
И опояшет шар земной
Теплом и светом.
От колыбели ледяной
Спасёт планету.
И вспыхнут дали впереди
Ясней и проще,
Узнают летние дожди
Её наощупь.
И тихо по аккордам фуг
Под смех прелюдий
Любовь вернётся к нам, мой друг,
Вернётся к людям.

Берега Новороссии

Светлана Сеничкина

Поэт, переводчик, литературовед, публицист. Родилась в Луганске. Окончила Луганский университет им. Т. Шевченко. Автор двух книг стихотворений, широко публиковалась в периодике Донбасса и России, коллективных сборниках. Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия». Член Союза писателей ЛНР. Член редколлегии луганского литературного альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

* * *

Как странно осознавать,
что те, кого я помню детьми, — уже взрослые люди,
что тех, кого я помню живыми, — уже больше не будет,
что дорожку, по которой я ходила в школу, убрали, и теперь там парковка.
Что не просто меняются вывески, песни и даты — сменилась эпоха.

* * *

И кажется, мы все уже привыкли,
Что в новостях расскажут про обстрелы,
К свечам на аватарках и иконам,
К молитвам, что кого-то не спасут.
И кажется, что мы уже не плачем.
На всех воды и соли не хватает,
Ведь за два года вышли все запасы,
Остались лишь глубинные пласты.
И кажутся теперь попеременно
Нелепою иллюзией и бредом
То мирный быт, где дети, дом и ужин,
То дикость и безумие войны.
Мы кажемся героями кому-то,
Другим — скотом, недолгодьями, врагами,
Кому-то — даже выдумкой и фейком,
И каждый твердо убеждён в своём.
Мы ничего наверняка не знаем,
Но от того не перестанем верить.
Сидя в подвале и не видя неба,
Не перестанешь верить: небо — есть.

* * *

Этого не должно быть.
Но это всё равно есть.
Поезд не остановить,
И на ходу не слезть.
Можно, конечно, прыгнуть,
Вот только выживешь — вряд ли.
Пройдет сто лет,
И мы снова наступим на эти грабли.

* * *

Каждый вечер воеет собака:
Об уехавшем в Киев хозяине
И о том, что всё в жизни неправильно,
Сколько ты на неё не гавкай.
Каждый вечер темна так улица —
В трёх домах лишь окошки светятся.
Кто-то верит, что будет лучше всё,
А кому-то уже не верится.
По утрам вновь на почте суетно:
Кто за пенсией, кто с коммунальными,
А вот школа второй год пустует
И печально глядит провалами.
Заросли так пути трамвайные,
Будто их тут вовек и не было.
Всё меняется. И не знаем мы,
Что там дальше в планах у неба.

* * *

В то странное, безумное лето,
Птицы и люди на улицах редкими были.
Не было ни телевизора, ни интернета,
А лишь одна-единственная газета — Листовка формата А4.
Отодвигается, прячется в памяти это:
Дни без воды, ночи без света.
Давно уже выброшены поржавевшие снарядов осколки,
Давно заполнились супермаркетов полки.
А люди ныть и жаловаться куда больше стали.
И потому, наверное, чтобы не забывали,
Стоит дом с проломленной крышей — через дорогу,
А школа без окон и с дырами — напротив,
Спрашивают строго: «Ах, вы очень плохо живёте?
Глупые, вы ведь живёте...»

Берега Новороссии

Эляна Суодене

Эффект «Чёрного квадрата»

Хтоническая блуда страсть,
Замазанная тёмной краской...
Приснился мне пылающий Донбасс
И нелюдь в чёрных касках...

«Чёрный квадрат» придумал Казимир,
Как цифры на руке ребячьей,
Как обольщенья шифр,
Чтоб все были незрячи...

Он Билдоха и Фладда сублимировал
В создании эмблемы тьмы...
Ему чудовища эринии
Завидовать могли б...

Словно три цифры роковых,
«Чёрный квадрат» внедрён в сознание...
Армагедоновых гнедых
Я слышу цокот дальний...

Приснился мне пылающий Донбасс...
Словно энеи, позабыв о Трое,
Должны из города бежать,
Когда-то столь родного...

4 февраля 2017 г.

Вологодские берега

Александр Цыганов

Цыганов Александр Александрович родился в 1955 году в Вологодской области недалеко от ФерAPONТОВА, в местах, о которых Н. М. Рубцов сказал: «...что-то Божье в земной красоте». После окончания ФерAPONТОВСКОЙ средней школы учился в автомотоклубе, был слесарем, рабочим. Служил в ракетных войсках стратегического назначения. Окончил филологический факультет Вологодского педагогического института. Длительное время работал в местах лишения свободы с осужденными за тяжкие преступления. Автор многочисленных журнальных публикаций и ряда прозаических книг, вышедших в региональных и центральных издательствах страны. А.А. Цыганов является лауреатом литературных премий МВД СССР и МВД России, Всероссийской премии им. В. М. Шукшина «Светлые души», Государственной премии Вологодской области по литературе, а также Международной премии «Филантроп». Член Союза писателей СССР с 1989 года. Живет и работает в Вологде

Ночью месяц пёк

Рассказ

Летней полночью она вдруг пробудилась от непонятого и яркого, как днём, света, казалось, заполнившего всю избу от самого подполья и до верхушки крыши. С трудом поднялась с кровати и, держась за деревянную переборку, добралась до передней комнаты к окошку.

Даже сквозь тюлевую, пообтрёпанную от времени занавеску её едва не оттолкнуло этим световым пучком, точно захотевшим проникнуть в самую человеческую душу. Но, несмотря на преклонный возраст, она по-прежнему была не из робкого десятка и, торопливо перекрестясь, взгляделась через шторку в это диковинное ослепляющее свечение.

Прямоком издалека, от самого Иткольского, над всем бескрайним лесом, всё равно что вживую, пекло, — настолько беспощадно светило там от зависшего в темени месяца, выглядевшего каким-то болезненно зримым и совсем жёлтым, насквозь прозрачным.

Причём вёл себя месяц странно: постоянно двигаясь то влево, то вправо, он внезапно срывался вперёд, играя светом, и вновь так же стремительно возвращался на своё неприкаянное место.

«Месяц-то как разошёлся, — опажнуло её, когда она вернулась обратно на ещё купленную покойным мужем кровать. — Вовсю пекёт: может, холодно будет».

И сразу неведомым образом её унесло туда, во времена самого настоящего, лютого холода, когда ещё с тремя малолетними сыновьями-погодками им зачастую доводилось даже полуодетыми спасаться зимними вечерами на морозных задворках собственного дома от вечно пребывающего во хмелю хозяина, способного запросто отправить любую человеческую душу на вечный покой.

Может, потому самый младший как-то настолько крепко простудился, что вскоре незаметно и свернулся, а остальные ребятки, лишь встали на свои ноги, сразу и покинули эти края; и с тех пор о них ни слуху, ни духу, даже об отцовской кончине ничего не ведают.

И только мать в родимой до последнего травяного проулка Славянке продолжала неустанно охранять для них свой дом, теперь оставшийся единственно жилым в этой, когда-то большой и весёлой деревне.

Между тем, сейчас который день всю парило: воздух в избе был пугающе тяжёл и не давал толком раздышаться, и в этом мареве всё кругом чудилось сырым и неясным, зыбким. Даже и это бы не сравнилось с той тяжестью, что опять в который раз и обрушилась на неё, накрывая удушающим пологом прошедшего, но никогда забываемого...

Тогда она здесь же в спальне, лишь на полу, на старых фуфайках, решительно закрыла своих спящих крошек от взмахнувшего над ними топором своего незабвенного хозяина; и с той минуты, внезапно став белее белого снега, её цыганисто-вьющиеся волосы навсегда сделались длинными и неряшливыми нитями.

«Окстись с Богом», — только и сказала она, так посмотрев ему прямо в глаза, что он, хвативший смертельного лиха ещё в армейском прошлом и с тех пор уже беспмятно друживший с горькой, опустил губительное железо и, наверное, впервые для себя отшагнул назад.

Но с некоторого времени, давно уже не первый год, это самое железо, правда, изрядно поржавевшее, и пребывает неизменным спутником у её одинокого изголовья: нынче, куда ни ткнись, везде не до покоя, — повсюду случаются лихие люди, такие настали времена.

И больше уже никогда не взиграет на всю округу знаменитая кирилловская трехрядка в зарастающих без разбора бурьяном и непобедимо-дикой крапивой в этих, некогда светоносных краях.

И незамедлительно, будто в подтверждение этого, из привычного вневременного состояния её чутко вернул обратно сюда какой-то сторожкой и одновременно отчётливо-заоконный звук, и это уже было не забытьём, а самой обычной явью.

Сейчас там, на избных задворках, что-то безотрывно и осторожно копошилось: может, кто-то чужой и в самом деле задумал сотворить что-нибудь неладное с её жилищем? А тогда с какой стати не один раз кряду и приносила сюда нелёгкая чужих мужиков с какими-то бумагами, пока она, осерчав, и не пригрозила начальству пожаловаться?..

И ныне, вновь поднявшись с кровати, ей пришлось нахарить в изголовье ту самую поржавевшую, когда-то разрушительную железягу. После чего медленно, шаг за шагом, она и двинулась по избе, к выходу на крылечко, не выпуская из рук расхлябанного, отполированного годами топорича.

А заоконно-серебристое свечение уже успокоено, с лунным равнодушием разлилось на всё окружающем, безрадостно показывая скудное комнатное убранство вовсе безликим и тусклым, безжизненным.

Даже случайный отсвет, знобковато скользнувший с улицы в прихожую, где она разнимала литой ржавый крючок с запираемых на ночь дверей, только мимолётно, ровно нехотя коснулся седой негнущейся женщины в исподнем и с широко расставленными, немигающими глазами.

Зато крупная, лопаткой, завёртка в крытом тесном крыльце отмыкалась запросто и свободно, выказывая взору летнюю улицу, — глухую, давно безлюдную. Здесь, на воле, во всеохватной темени слегка шелестели берёзовые листья в палисаднике, а еле угадываемая деревенская дорога была, как всегда, на все стороны тиха и пустынна.

Привычно, для отпугивания всякого лиха, она сначала обстукала обухом передний угол избы и шагнула, было, к отводку с покосившимся штaketником, туда, к задворкам дома, но невольно замерла на месте.

Перед глазами разом, едва не въяве, и встала эта самая улица, кажется, ещё вчера со всей округи заполненная гостями, от души гулявшими от одного края и до другого, век не забудется. Веселее выборов, даже самих «октябрьских» праздников, отмечалось лишь главное деревенское торжество — «Девятая», — девятая пятница после Пасхи.

И до самого утра, до первых заполошных петухов гуляющий люд старательно обмахивался пьянящими, сводившими с ума своим запахом густыми ветками сирени, тогда ещё дружно разросшимися до самого «князька» их дома, по-хозяйски расположившегося посередке деревни.

В бледно-серой крепдешиновой юбке и ситцевой, во всю расшитой голубыми листочками кофте, и она неожиданно для самой себя в одночасье вылетела на перепляс с закадычными подружками, поначалу долго не решаясь. А дошло до дела: и в новых, из парусины, синеньких туфлях, гордо вскинувшись и всплеснув руками, она лихо пошла дробить возле своего цветущего огорода по вытопанной добела тропке.

А в теперешнюю пору один Святой Дух и остался тут; и по их дороге с двумя десятками нежилых домов заедет сюда в горку разве что продуктовая автолавка, да ещё раз в неделю сельсоветская «помогалка» покажется: наскоро подсобить немощной женщине по её немудрёному хозяйству.

И она, беззвучно шепча родные, спасительные для всякого крещёного слова, открыла заскрипевший отводок и в обход, шажками направилась на задворки, хотя с той стороны, похоже, подозрительное копошение и подзатихло, уже не слышалось.

И при дневном свете было бы нелегко двигаться этим огородом: недолго запнуться не по-хорошему, либо и вовсе растянуться, моргнуть не успеешь. Захваченный в полон вездесущим сорняком и розовыми, в полный рост кустами иван-чая, он был наподобие ловушки из-за прожорливо вылезших из-под земли многочисленных корней, что повсюду расплзлись заматеревшими и длинными щупальцами.

Но она, держась самой стены, обшивки дома, опять же неторопливо обошла громоздкую тёмную избу и оказалась у хлева на задворках, откуда тотчас и обдало лёгкой свежестью, с пустых деревенских полей нанесло.

А ещё под горушкой, в самой низине их огорода, одинёшенько притулилась баня, кособокая и никому не нужная, отрезанная от большой дороги полусгнившим забором из ольхового и берёзового колья.

Бог знает, когда и каким ветром были занесены сюда, на задворки дома, летучие семена вишни, рябины и черемухи с яблонями, но нынче они волшебным образом превратились в небольшой, сказочно живой сад, не только радуя глаз, но и надёжно закрывая дом от любой непогоды.

А рядом, в тесную к самой стене, присоединилась и ладно выструганная широкая лавка: еле успел хозяин до своего ухода управиться, ещё и кустик красной калины подсадил, долго возился. И потом, до последнего дня, его самого отчего-то неудержимо тянуло в это нелюдное и покойное место, где из знакомой лишь им молчаливой жизни всё одно, что насквозь, была хорошенько видна вся их округа.

А обнесённая сверху и с боков тёсаными досками, эта лавка была ещё уютно обита войлоком и заботливо обустроена для подголовья диванной спинкой, лучшего места для отдыха и не найти.

«А как у нас дювья-то стало, — даже с какой-то забытой радостью в душе и подумалось ей тогда. — Ведь стойно в раю: только бы жить да жить».

И именно с этой вольной райской стороны она однажды в многолетней давности и увидела будущего суженого, разве такое забудется?.. После своей демобилизации он сразу и появился у них на гулянке, подпало как раз к девятой пятнице после Пасхи.

Из-за реки, со своих неблизких иткольских краёв, как в той знаменитой песне, он тоже в защитной гимнастёрке и «спустился с горочки»: невысокий и ловкий, в фатовых хромовых сапогах и лихо заломленной военной фуражке на черноволосой голове.

А когда ещё с шутками и прибаутками очутился с переплясом в их круге, так взглянув на неё, разом вспыхнувшую в своей ситцевой расшитой кофте, что подружки и сами быстренько уступили место этой не по-деревенски баской паре.

С того самого дня для неё больше и не было никого дороже: этому лучшему на свете улыбчивому иткольскому парню она и отдала на всю жизнь, весь жар своего молодого и верного девичьего сердца.

В это время сюда к ней, на крайку дома, и заглянула с другого боку неугомонно-прозрачная луна и, наскоро облив всё вокруг холодным светом, вдруг наткнулась на подготовленный костерок: в двух шагах от остановившейся хозяйки был, такой и недолго с ходу прозевать в темени.

Оставалось только поднести огонь к умело собранному стожку из нажористого сушняка и прочего дворового мусора, и тогда тут в два счёта было бы одно пустое место. Всё говорило о том, что кому-то совсем уже невольно понадобилось на сегодняшний день нарушить это жилище, сравнить его с землёй.

Придя в себя от увиденного, она мёртвой хваткой сжала надёжное длинное топориче и, осмотревшись, изо всех сил прислушалась к любому маломальскому шороху. Но долгая, не нарушаемая даже птичьим посвистом тишина этой зыбкой летней ночи подтвердила, что если кто-то и был в их заулке, то успел быстро и незаметно раствориться в неизвестном направлении, испугнутый бесстрашной хранительницей дома.

И тогда она, потихоньку отдышавшись, решила, что никуда больше отсюда не денется: несмотря ни на что, будет обязательно находиться в своём огороде хоть до утра, до самого рассвета, сколько понадобится.

И, продолжая всё так же нашёптывать спасительные, столь нужные каждому крещёному слова, она решительно села на хозяйскую лавку, держа крепко-накрепко, как солдат оружие, своё поржавевшее железо на длинном и тяжёлом топориче.

В последнее время и без того уж больно много развелось желающих пожить за чужой счёт; так, сама того не ведая, она, может и насовсем сумела в этот день отвести неминуемую беду от их осиротевшей Славянки.

А на недостижимой высоте загадочно спящего в этот предрассветный час мироздания, не иначе, как ей в помощь, на смену уже бойко не пёкшей луне, внезапно светло и ясно распахнулось бездонное небесное покрывало. И торжественно запереливалось во всю свою ширь серебристо вспыхивающими праздничными иголками.

И где-то далеко внизу, в самой благодатной глубине этого неповторимо-светящегося мира, на одной маленькой и вгустую переполненной земле, отныне увиделся осиянный уголочек и для одинокой женщины в белом одеянии, что с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше.

Вологодские берега

Олег Сметанин

Родился в 1974 году. Живёт в Вологде, учился в Ярославской государственной медицинской академии, работал врачом в Вологде, сейчас представитель фармацевтической компании.

Инспектор и лихач

Басня

Однажды Полицейский в серой мгле
Остановил на трассе «Шевроле».
Лихач летел со скоростью шальной –
Едва касались шины мостовой.
Его проверил — нет, совсем не пьян.
Запрос послал — нет, вроде не буян.
– Шумахер, а твоя причина в чём
Отчаянной бравады за рулём?
Не вздумай говорить мне о судьбе,
Злом роке, карме, правил забытьё –
Не стану слушать!
– Рок здесь не причём,
Своей судьбы я не был палачом, –
Водитель усмехнулся на укор, –
– Пока не весь оформил протокол,
Я приведу сравнение одно,
Тебе ответит на вопрос оно.
Вот посмотри: и стриж, и воробей –
Пичуги малые и сходны меж ветвей,
Но в небе различит их и любитель:
Стриж — виртуоз и, словно истребитель.
А воробей? Летает еле-еле,
Чуть теплится душонка в тощем теле.
Есть разница?
Я — стриж, не воробей!
Парировал инспектор:
– Поумней
придумай байку. Тоже мне артист!
Ведь здесь не птичник, автомобилист.
Нет в правилах ни строчки о стрижах.
Ходи пешком. Удач на виражах!

Мудрый лис

Басня

Однажды старый рыжий лис
В зубах тащил лисёнка
К норе, где рос могучий тис
Над водопадом звонким.

Их путь над пропастью лежал –
Пробраться очень сложно,
Но Лис по камешкам бежал,
Сжав зубы осторожно.

Щенок попался озорной,
Щенку всё интересно –
И над отцом вопросов рой
Кружился неуместно:

«А солнце светит почему?
Что там — в кустах? Не видно».
Отец ни звука же ему.
Ну, до чего ж обидно!

Скорей! Вперед — по валунам!
Вот и последний минул –
И лишь тогда к своим ногам
Мой лис кутёнка скинул.

Малыш на лапы — прыг — и встал.
И сразу же заметил:
«Ведь я вопросы задавал!
Ну что ж ты не ответил?!»

Скажи, не слышал? Почему?
Что, уши заложило?»
Отец — с улыбкою ему:
«Нет, всё в порядке было.

Но только б слово произнёс,
Чуть-чуть расслабив пасть,
Ты, сын, упал бы на утёс,
А мог совсем пропасть».

Лисёнок — к краю в тот же миг, —
Глубоко! Ух...могила!
«Спасибо... — молвил ученик. —
Молчанье — это сила!».

Да, можно (что там говорить!),
Бывает так на свете:
Добро кому-то сотворить
И тем, что не ответить!

Крапива

Басня

За огородом пышно, вольно
Росла прежгучая крапива.
Уж так была собой довольна!
Ну до того стройна, красива,
Что постепенно возомнила:
Она достойна влезть и в сад —
Мол, всяк цветок ей будет рад:
«Ну, как?! Такое обрамление!
Плюс — под защитой. Без сомненья,
И польза тут, и очень мило».
Крапива в сад себя явила!
Хозяин сада коррективу внёс —
Всю выполол и тихо произнёс:
«Красавице такой с колючим взором
Найдётся место... Только за забором!

Итог не сложно подвести:
Пусть прыток ты — решимость в моде,
Раз к цели общей ты не годен,
То не в чести, брат, не в чести.

Удав и Кролик

Басня

Удава рядом — вот беда! —
Почуял кролик белый.
Затрясся весь, к земле припал,
Поджал свой хвостик к телу.
Но молвил, ужас затая:
— Зачем ты, гордая змея,
Несёшь погибель нам —
Безропотным созданьям,
Живущим по лесам
Природы подаяньем,
Боящимся и тени от куста!?
Увидев, что пред ним
святая простота,
Удав, играя всем своим сложеньем
И царским наслаждаясь положеньем,
На это прошипел:
— Хоть я давно уже не ел,
Да и... болтать с едою недосуг,
Но раз со мной заговорить посмел,
Отвечу всем в лице твоём, мой друг.
Природа вам из-за того избрала эту долю,
Что дай вам только волю —
Погубите луга, посева и сады,
И всходов пышных сочные плоды —
Вся жизнь зелёная зачахнет на корню,
И сами сгинете в полнеющем строю
Плодящихся, себе подобных. Потому!
И есть вы — пища для голодных.

Проста история моя.
Дана жизнь каждому своя,
Но в ней — свободы и граница,
И сторож! — чтоб остановиться.

Молодые берега

Владислава Броницкая

Владислава Владимировна Броницкая родилась в 1975 году в Харькове. Ранее не публиковалась, кроме интернет-ресурсов. Лауреат сайта «Российский Писатель» 2016 в номинации «Новое имя»

* * *

Спицей земная ось
Вставлена в русский хребет.
Вырви себе позвоночник и брось,
Или неси тяжесть всемирных бед.
Русская карма — освобождать иуд.
Крест русский — каинам доверять,
Ведать не ведая — после всегда предадут.
Но, мессианство русское не обменять.
И, не избыться. Надо тянуть, не ныть.
И привыкать жить космической перегрузкой.
Дай же мне Боже, дай же мне, Боже, быть
Дай же мне быть, как можно более русской.

* * *

Я — за красных, а ты — за белых.
Ты — за белых, а, я — за красных.
Где вершины, и где пределы
В столкновеньях смертельно опасных?
Я — отчаянной, ты был смелым.
В нашей рубке. Священной? Напрасной?
И, лилась кровь на снег белый.
И, была она ярко-красной.

* * *

Помнишь? Помнишь? В расщелинах снов,
Зов, дрожание пальцев, дробленьё
На зеркальной поверхности лун...

Амальгама стекающих слов,
И греховное в рай паденье?
Ты был нежен и очень юн...

И я тоже. Потерь сто назад,
Что не вылечишь, не заполнишь.
Между нами и «Смерч», и «Град»,
И, напрасное — «Помнишь? Помнишь?»

Звёзды лились на нас. Не падали...
Бело-фосфорный фейерверк...
К злу примкнувший, ты, — в стане падали.
Мир разрушен. Наш мир померк.

Вбиты клинья последними криками
Из застенков, подвалов и рвов.
Стариковскими, детскими ликами...
Фоном — дым и разрушенный кров.

Корни памяти всех непредавших,
Непродавших, а ставших горой.
Свет смертью смертью своею поправших.
Помнишь, дед у тебя был герой?

Дед...Иуда, ты это помнишь?
Милосердствовать не умоляю.
Если сам приговор не исполнишь,
Ты мне враг. Я в тебя стреляю.

* * *

В этом душном подвале тесно от душ и тел,
Давят запахи тлена и неизбежности.
Этот день для Истории

только крошащийся мел.
Но, взрывается вечность от яростной нежности.
Я к тебе прижимаюсь. Ты завтра погибнешь
в бою.

И меня разорвет послезавтра снарядом.
Я пою тебя, светлой молитвой пою.

Славься Боже за то, что хоть так, но ты рядом.
Перепонки ушные истерзаны звуками:
Воем, взрывом, сиренами и звонками.
И пока мы спина к спине и не выжаты муками,
Сквозь одежду целуемся позвонками

* * *

Длятся танцы войны...Смертельная пантомима.
Нестерпимо. Совсем без конца. До скончания.
С немотой лицемерной продажного мима
Мир взирает спокойно на наше отчаянье.
Где же сила и праведность Третьего Рима?
Только гибель Донбасса — твой, Москва,

приговор.

Это, Господи, даже тебе не Цусима.
Это так не по-русски, твой вечный позор.
Током бьёт, как на стуле от одесского стрима,
Из донецкого морга фотографии — взрыв...
Вот он — Света конец. Что проходите мимо?
Вам ванили и глянца? Не кровавый нарыв?
Так распятая атомом Хиросима
Своим пеплом взывала и стопами к небу,
Так ливийцы и сербы неотвратимо
Возносили свою погребальную потребу.
Так донбасские дети, калеки, сироты,
Те, кто ангелом стал, ходят кругом незримо.
Их уже города, их — бессчетные роты...
Как живёте? Ведь это же — не выносимо!
Горе горькой бедою уже не поправить.
Боже, как нестерпимо, как здесь нестерпимо!
Только уехать, землю оставить
Невыносимей, чем невыносимо...

* * *

Не пуцу. Путь закрою. Под ноги брошусь коню.
Сброю спрячу. Зарою меч.
Душу выплачу. Тело в руки тебе уроню.
Как, любимый, тебя мне сберечь?
Семь свечей я поставила. Стало шесть.
Автомат ли, кольчугу ли, бронежилет
Отниму — стрелы, копья, снаряды — какие есть
Заговорами тысячи лет.
Зацелую тебя, заласкаю в ночи,
Сон-траву заварю, мяту и горицвет.
Ты не можешь оставить меня. Вот ключи.
К счастью. А на войне их нет...
Нам с тобою не в землю, а жить на земле.
Не пуцу на войну. Ты погибнешь — я сгину.
Но, земля в кандалах, но земля в кабале.
Смотрит Родина с горьким укором мне в спину.
И иные слова из кургановых вен,
Из священных камней, из небесного сока
Льются горлом моим. Поднимай же с колен
Нашу землю. Её защищай, Светлый Сокол.
Будь же ровней героям. Будь предков достоин.
Битвы Вечной. Священной и Ратной.
Будь скалою, будь твёрже гранита, мой воин.
Но, живой возвращайся обратно.

* * *

Мой любимый, смерть тебе не к лицу.
Не погиб. Тебя не коснулся «Град»
Ты ушел на небо звёздную снять пыльцу
В мной воспетый, намоленный райский сад.
Показали осколки. Место. Закрытый гроб.
Гроб закрытый. А значит, это не ты.
Ты приходишь ночью и влажно целуешь в лоб.
Ты не хочешь, чтоб я приносила, ты сам мне

приносишь цветы.

Орхидеевым цветом стелешь мою постель.
Льёшь подснежников нежность, маков
рубиновый свет.
Исчезает, тает в рассветы цветочная акварель,
Оставляя запаха росный и слёзный след.
У меня колотится сердце, ломая ребро.
У нас будут еще сыновья и дочки...
У меня наутро горлом идёт серебро.
Я его пытаюсь пролить в драгоценные строчки.
От которых на пальцах алмазная пыль.
От которых бы плакал Ангел, читая напевно...
У меня в палате маленький бледный мотыль...
Я по кругу брожу, как в дремучем лесу царевна...
Мотылёк — это знак. Ты придёшь. И повержен
злодей.

Но, приходит твой друг, врачи, и опять...
про героическую смерть...
Я не верю. Я чувствую запах, я запах ловлю
орхидей.

Но, они же не слышат... И вновь — карусель,
круговерть...

Говорят, что будут уколы, пока не пойму
Что тебя уже нет. Что время тебя отпускать...
А я ночью пришила к платью... кружевную
пришила кайму.

Только платье исчезло с цветами...
Все видят пустую кровать.
Ты принёс мне пыльцу и крокусы.
Жалеешь, что я без сил.
Вытираю я слёзы Ангелу, звёздную пью пыльцу.
Не могу тебя отпустить, если ты меня
не отпустил.

Мой любимый, смерть тебе не к лицу.

* * *

Осень красива. Словно для мелодрамы.
Словно коклюшками в Вологде
с драгоценными нитями
Ливни печаль высеребривают. Древние храмы
Тонут в ажуре лиственном. Светом плывут,
наитьями...

Сколько оттенков золота. Кружево паутинное...
Мне бы любовь трагичную, горькую впрыснуть
в вены.

Чтобы напевно, молитвенно, в зеркало
глядя старинное,
Плакать. Мелодий Шопена в сердце бы
таяла пена...

Я бы о том, нелюбящем сердце своё хоронила.
Строчки, рябин рубины я бы плела в веночек...
Только вокруг могилы... Русские все могилы
Мне не дают забыться в вальсах любовных
строчек...

Русская осень. Пушкина... как перед смертью
на сдачу...

Сень твоя, Родина, осень... Я не рыдаю, сгораю.
Господи, веришь, Родина? Я по тебе не плачу.
Просто всецело тобой, с листьями умираю...

* * *

Полюшко светлое, поле раздольное,
Силы, небесная рать!
Воем и воплями вольная во поле
Душу как землю орать.
Светом не полное, смыслом не цельное,
Прочь всё случайное и не свирельное!
Во поле выполю сорными травами,
Во поле выпалю пламенем, лавами,
Во поле выпою горечь напевами,
Во поле выкую светлыми стрелами.
Ливнями, грозами, светлыми росами,
В звёздные россыпи ножками босыми.
Во поле-полюшке, да обезболена,
Льётся, не выльется, полем отмолена...
Душу пресветлую, душу пречистую,
Звёздную, лунную, солнцем лучистую,
Вылью ли во поле, во поле выкую,
Во поле выпою, во поле выпою.

* * *

У меня по тебе, как в Сахаре, сильнейшая жажда,
Пью глазами, губами я жадно пью,
У меня по тебе — всё впервые, ни разу —
дважды,
У меня по тебе маяки твоему кораблю...
У меня по тебе — удушье, блокадный голод,
Не могу оторваться, надыхаться я не могу,
У меня по тебе вырастает Царьград, даже
Китеж-город,
У меня по тебе прорастают розы в снегу.
У меня по тебе даже плач, — это дождь
хрустальный,

У меня по тебе — глубины, и высота,
У меня по тебе — вечный поиск, и путь
сакральный,
Вся, которая есть, у меня по тебе красота.
У меня по тебе — волшебство становится былью,
У меня по тебе — самый главный, вечный секрет,
У меня по тебе заживают и крепнут крылья,
У меня по тебе — звонко льющийся горний свет.
У меня по тебе — врастают слова монолитом,
Или ткуются они в вологодские кружева,
Не умру по тебе, это слишком избито,
Я по тебе жива...

* * *

Дар Кассандры — проклятье поэта.
Слышать, как зарождается где-то,
Что волнами сметёт города...
Но, услышанным быть — никогда...
Что краснеет — кровью задушит,
Гниль в фундаменте — башню обрушит,
Только тише всё крики и глуше...
Нет наверно сизифовой бремени.
Рок поэта — проклятье Кассандры,
Заклинанья, молитвы и мантры,
Миллионы раз, миллиарды
На скаку выпадая из стремени,
Всё кричать в оглохшие уши,
В крестовинно забитые души,
Словно мороки всё и беруши...
Обрывать, не дав вызреть семени...
Слов огни, слов костры, слова ватры.
С чёрной свастикой видеть кокарды,
Знать, что бомбы уже, не петарды...
Но, пророка нет в своём времени...
Пешечным мясом, пушечным,
Ниточным, ленточным.
И разменным, кроваво игрушечным,
Марионеточным...
Чтобы лавры потом, олеандры...
Рок поэта — проклятье Кассандры.

* * *

Человек очень стар и он пишет «в стол».
Он не любит шоу, тусовки, дебаты.
У него исписалось сердце и «Корвалол»
Заменили давно серьёзные препараты.
Человек пишет «в стол», а попадает в суть.
Он простой трудящийся Ноосферы.
У него нет читателей, есть Млечный Путь.
На пути свои звёздные Кордильеры.
Человек целит в яблочко. Яблоко раздора.

В самое яблоко грехопадения.
Человек падает. Его увозят на скорой.
И, хотя увозят без промедления,
В справке о смерти — «сердце исписано»
Названо просто «инфаркт миокарда»
Человек писал «в стол». Что писал — не признано,
Не включалось в концерт популярного барда.
Человек писал «в стол». И какое судьбы дуновение?
Кто прочтёт? Что решит? Бесценно ли? Дикий сон?
Ожидают строки его только прах и забвение?
Или судьбы поворот Эмили Дикинсон?

* * *

Есть земля. На которую выполз ад.
Где играют черти в кровавый дартс.
Там порою дожди. Все сезоны — Град.
На неё стекает лавой свирепый Марс.
Многоуровневых шахмат расчерченные поля.
Ставишь мат на чёрном квадрате, и – проиграл.
Голограммою в каждой клетке плаха для короля.
Офицеры, кони, пешки, ладьи — всё под огненный шквал.
Есть земля, где сменяет шахматы покер, а покер — пли,
Обретается русской рулеткой любая судьба.
Есть земля, где кровавые мальчики не в глазах. В пыли.
И кровавые девочки... У Кали идёт гульба...
Есть земля. Сказаний, историй, былин.
Волхований и ратных подвигов есть земля.
Там встаёт горой русский дух. Богатырь-исполин.
Окропляя свою и вражьёю кровью поля.
Есть земля, где кружатся вороны всех времён.
Молодогвардейцы стоят, ополченцы, и Невский, и Святослав.
Все герои под крыльями Ангелов и знамён
Всех победных Русских разноимённых держав.
Есть земля, где Валькирии кличут героев на праведный бой,
И певучие звёзды намоленных старцами монастырей.
Есть земля, где раскол окаянной Руси, и Руси Святой,
Проходящий по тысячам гор, скал, морей, сердец и дверей.
Есть земля, где свобода есть — духом расти с Эверест,
Где свобода не liberty — эмансипация зверя.
Всеблагие порывы собирая, и праведные окрест
Всей душой милосердствуя, созидая и веря.
Есть земля, где усталого Бога встретят иначе, чем вечный жид.
До Голгофы помогут Божьему сыну вынести крест.
Есть земля, где растроганный Бог с неба плачет навзрыд
Золотыми звёздами в горести этих мест.
Где погибшие дети-Ангелы вытрут крыльями Божий лик,
Перья снегом роняя на выжженные поля.
Где Гекату кровавую сменит прозрачной луны сердолик.
Есть земля — Новороссия. Есть земля . . .

Итальянские сонеты в переложении Андрея Новикова-Ланского

Андрей Новиков-Ланской — писатель, художник, культуролог. Закончил филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидатская и докторская диссертации посвящены творчеству Иосифа Бродского. Член правления Русского ПЕН-центра. Заведующий кафедрой политической и деловой журналистики РАНХиГС при Президенте РФ. Главный редактор журнала «Охраняется государством». Живет в Москве.

Данте Алигьери

На днях пришлось отправиться мне в путь.
Пройдя его почти до половины,
я на дороге повстречал Амора
в изношенной одежде пилигрима.
Он выглядел уставшим и несчастным,
как будто и не знал, куда идти.
С поникшей головой, вздыхая тяжело,
он ничего вокруг не замечал.
Но вдруг меня по имени окликнул
и произнёс: «Давно иду оттуда,
где сердце твоё прежде я хранил.
Ищу ему теперь другое место».
И так мне стало жаль его, что слёзы
увидеть помешали, как исчез он.

Франческо Петрарка

Брожу задумчив, одинок — считаю
свои шаги на поле опустелом.
Чужих следов стараюсь не увидеть —
и убегаю, если вдруг увидел.
Всё ж лучше убежать, чем обнаружить
себя для этих взглядов посторонних,
которые в моём печальном взгляде
распознают столь многое тотчас,
что я хотел бы скрыть. Пусть лучше знают
явления природы и пейзажи —
леса, холмы, долины и ручьи —
о том, какой огонь горит во мне.
Мне никуда не скрыться от любви,
такого места во вселенной нет.

Джованни Боккаччо

Мне снилось, что на крыльях оперённых
я к небу возносился вслед за той,
что в пепел обратила свой покров
и дивною богиней обернулась.
В ней разгорался небывалый жар
от радости высокого полёта,
и начал таять лёд, который долго
меня в оцепенении держал.

И на меня взглянув, чудесный ангел,
она мне руку протянула, будто
хотела взять мою. Тут я проснулся.
Даже во сне мне не было удачи!
Ведь если бы она меня взяла,
на землю я б уже не возвратился.

Лоренцо Медичи

Пусть тот, кто ищет почестей и славы,
дворцовой роскоши и удовольствий,
получит их — но только с бесконечным
страданием, от них неотделимым.
Тому же, кто влюблён, куда милее
зелёный луг с душистыми цветами,
высокая трава и пенье птиц
под тихое журчание ручья.
Тенистые леса, высокогорья,
игра животных, тёмные пещеры,
изящная и трепетная нимфа —
вот что в моём сознании живёт,
вот что хочу я видеть пред собой —
не сразу, так хотя б поочередно.

Леонардо да Винчи

Здоровье сохранить не так уж сложно.
Голодным оставайся — до и после
хорошего обеда, о котором
ты честно скажешь, что он прост и вкусен.
Не пей лекарств, проветривай жилище,
днём не ложись, тем паче — после пищи.
Вино мешай с водой и пей не много.
А если пьёшь, то только под закуску.
Коли нужда зовёт — себя не мучай.
И меру знай спортивным упражненьям.
Не спи ни на спине, ни вниз лицом,
но укрывайся плотно одеялом.
И время иногда давай душе
расслабиться, чтоб заново взбодриться.

Микеланджело Буонаротти

Чистилище увидеть может каждый.
Ему же суждено было увидеть
глубокий ад и вознесённый образ
живого Бога — и живым вернуться.
Теперь его высокая звезда
сияет ярко над моим жилищем.
И то, что мир был так несправедлив,
меня давно, увы, не удивляет.
Конечно, это — разговор о Данте,
которому народ неблагодарный
возвышенных прозрений не простил,
шутов позорных предпочтя ему.
Но я бы отдал всё, чтоб оказаться
хотя б на миг на месте Алигьери!

Рафаэль Санти

Любовь моя, с тобой одни мученья.
От света глаз твоих — мои темнеют.
От кожи твоей белой, словно снег,
от губ твоих, живой подобных розе,
от нежной твоей речи — я страдаю,
горю — таким огнем, что не под силу
его морям и рекам погасить.
И жар его приносит наслажденье.
Как сладостно, когда, цепями словно,
объятьями твоими я окован,
и разомкнуть их — нет страшнее пытки.
О прочем я уже не говорю,
кое о чем мне лучше помолчать.
Но нет запретов мыслям о тебе.

Бенвенуто Челлини

Стихи слагают все — и стар, и млад.
Желающих судить о них не меньше.
И как бы объяснить, что это ровно
тот случай, о котором говорил
сам Богочеловек — что званых много,
а избранных лишь дюжина всего!
Ни мысль, ни страсть, ни опытность, ни слог
не сделают поэта из профана.
Но, впрочем, это и не так уж важно —
ведь люди восхищаются лишь теми,
чьё имя на слуху и на устах.
Ваятелю и живописцу легче.
Прекрасное изделие само
всё объяснит всем и за всё ответит.

Торквато Тассо

Мой окрылённый бог, ровесник солнца
и прочих тел небесных во вселенной,
способный убивать и возрождать
согласно тайным картам небосвода —
тебя зовёт измученное сердце,
что после всех этих тысячелетий

лишь на тебя отныне уповает,
ты для него — единственный советчик.
Приди на помощь мыслям безнадёжным,
дай позабыть обиду роковую
и мудростью смягчи несправедливость.
Чтобы из самой тёмной глубины
на Божий свет твоя явилась правда,
и чтоб она над всеми просияла.

Джордано Бруно

Столетний дуб раздвинул плотный воздух
размашистыми, сильными ветвями,
корнями почву крепко зацепил.
Его не сдвинуть ни ветрам свирепым,
ни зимней стуже, ни жаре несносной.
Столетний дуб — вот истинный двойник мой.
Так же и я не дрогнул после стольких
морозов, ливней, страшных ураганов.
Столетний дуб — он свой законный грунт
корявыми корнями обнимает
и никому так просто не отдаст.
Так же и я тебя не отпущу,
покуда знаю мощь своих объятий —
объятий духа, разума и чувства.

Томмазо Кампанелла

Мир — это книга, где незримый автор
фантазии свои осуществляет.
Мир — это храм живой, который скульптор
фигурами подвижными украсил.
И каждая душа отныне может
к нему неравнодушно прикоснуться,
осознавая, что через творенье
мы знаем непосредственно творца.
Но трудно жить без храмов и без книг,
что переписчики нам передали,
среди копий потеряв оригинал -
и сколько ещё нужно претерпеть
нелепой лжи, невежества и распрей,
чтоб, наконец, понять первоисточник!

Антонио Вивальди

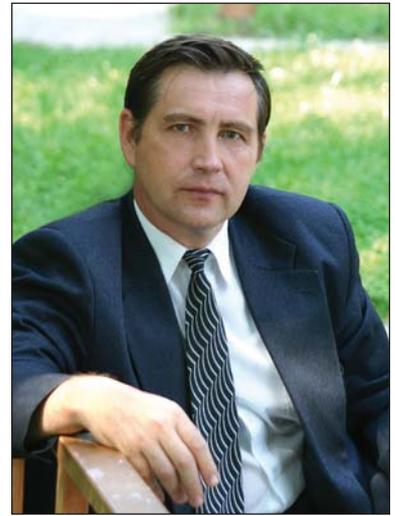
Крестьяне отмечают урожай,
поют, танцуют — и течёт рекой
созревшее вино во славу Вакха,
зовущее в объятия Морфея.
Когда же шум и танцы затихают
и воздух наполняется прохладой,
такой тяжёлой, что заснули все,
кто собирался до утра держаться,
охотники на утренней заре
рожками гулками и лаем гончих псов,
готовых затравить любого зверя,
оповещают тёмный лес окрестный
о том, что в этот урожайный день
какой-то зверь погибнет непременно.

Берега культуры и искусства

Михаил Федоров

Михаил Федоров — член Союза писателей России. Его произведения опубликованы в московских журналах «Наш современник», «Москва», «Воин России», «Искатель», «Молодая гвардия», «Подвиг», «Сельская молодежь», «Россияне», «Роман-журнал 21 век», «Новая книга России», «Милиция», «Российский адвокат». Его широко публикуют по стране в журналах «Подъем», «Сура», «Дон», «Дальний Восток», «Север», «Ладога», «Южная звезда», «Вологодский лад», «Кольцовский сквер», «Губернский стиль». Постоянный автор «Литературной газеты» и газеты «Литературная Россия».

Федоров — автор книг: «Ментовка» (Издательство «Вече», 1995 год), «Пузыри на воде» (Издательство «Искатель», 2008 год), «Сестра милосердия» (Издательство «Вече», 2010 год). В Воронеже в серии «Замечательные люди Воронежского края» вышли книги Федорова «Гавриил Троепольский», «Василий Панин», «Егор Исаев», «Александр Сухарев», «Стефан Домусчи». Книга Федорова «"Громкие" дела писателей» включена в список основной литературы Воронежской историко-культурной энциклопедии.

«Крыша духовная должна быть общей» К 80-летию Евгения Доги

Я — Президент своей музыки, и при том — навечно

Евгений Дога

скромно напоминает читателям, что его труд всего лишь «компиляция, составленная не только на основании 1 марта исполнилось 80 лет со дня рождения композитора Евгения Дмитриевича Доги. Я не мог пройти мимо такого события, тем более, что знаком с Евгением Дмитриевичем лично. А познакомил меня с ним кинорежиссёр Василий Степанович Панин, музыку к фильмам которого написал Евгений Дога. Это фильмы «Захочу-полюблю», где я наслаждался игрой Веры Сотниковой и Анатолия Васильева (1987 г.), он снят по повести Валерия Брюсова «Последние страницы из дневника женщины»; фильм «Исчадь ада», где игра Кирилла Лаврова, Георгия Тараторкина и Анны Самохиной до сих пор стоит перед глазами (1989 г.); «Господа артисты» с плеядой любимых актеров: Львом Дуровым, Ниной Руслановой, Михаилом Пуговкиным, Евгением Моргуновым, Романом Филипповым по водевиллю Соллогува (1992 г.); «Бульварный роман» по повести Валентина Пикуля «Ступай и не греши» с яркими сценами с участием Вячеслава Тихонова и Анны Самохиной (1994 г.); «Несравненная» с тем же Вячеславом Тихоновым и Любовью Соколовой, фильм об исполнительнице русских романсов Анастасии Вяльцевой (1995 г.); «На заре туманной юности» о поэте Алексее Кольцове, где увидели Игоря Кашинцева, Льва Дурова, Аристарха Ливанова, Раису Рязанову (1996 г.). Все фильмы насыщены мелодичной, подчас какой-то родниковой музыкой Евгения Дмитриевича Доги, которая придала зрительному ряду особую прелесть. Я уже не говорю о фильмах Эмиля Лотяну «Табор уходит в небо», «Мой ласковый и нежный зверь», песни и вальсы к которым вошли в нашу кровь и плоть, и их часто можно услышать даже на улицах наших городов, и они считаются почти народными.

Вклад композитора в киноискусство огромен. Им написана музыка более чем к двумстам фильмам. Работая с кинорежиссёрами Эмилем Лотяну, Василием Паниным, Станиславом Говорухиным и многими другими мастерами кино, он обогатил российский кинематограф и обогатился сам.

У Доги во всём просматривается эта взаимность обогащения, когда при написании музыки он погружается в ту эпоху, в тот быт, в те отношения людей, в те чувства, которые отражаются в киноленте, а, вжившись, благодаря своему таланту одаривает нас своими музыкальными произведениями.

Вот как он отозвался о значении Василия Панина для него на творческом вечере кинорежиссёра в Центральном Доме Работников Искусств 3 апреля 2016 года:

– Я хочу сказать, что благодаря Василию Степановичу я окунулся в новый мир. У него именно та лирическая сторона российской культуры — народного творчества. Благодаря его таланту, его любви к своей земле, он сумел народное творчество вознести на уровень высокого художественного мастерства. И это заслуга, наверное, не только его личная, а заслуга той земли, которая удивительно талантлива, богата талантами, потому что, что ни возьми из российской культуры, оно связано с воронежской землей. По всей вероятности, не только чернозёмы, которые вывозили немцы во время войны и которые действительно уникальные земли, но эти земли ещё обладают духовным потенциалом. Поэтому, я думаю, Василий Степанович — счастливый человек, что родился там. В другом месте его наверняка бы высушило.

Это сказал человек, который родился в таком же степном, как Черноземье, Приднестровском краю. Его родное село Мокра лежит на левом берегу Днестра среди дубрав и полей. Дога дважды окончил Кишинёвскую консерваторию, осваивал разные специальности. Первые свои песни, квартеты, балеты, симфонии написал на родине, а потом с головой уходил в жизнь тогда огромного Советского Союза, расширяя своё духовное пространство.

Поэтому Евгений Дмитриевич в одном своём интервью сказал:

– Говорят обо мне на радио, на телевидении: «У нас в гостях молдавский композитор Евгений Дога». Но извините меня, что ж вы обижаете моих коллег. Что ж вы не говорите: у нас в гостях еврейский композитор Оскар Фельцман. Что ж вы его не обозначаете, а меня обижаете. Поэтому я не отставляю своё происхождение где-то в стороне, я не брезгую им, наоборот, я горжусь. Но я не могу позволить сделать мне обрезание рук, ног, памяти особенно. Поэтому я всегда ставлю на место людей, которые этого не понимают. Я — не молдавский композитор. Я — композитор из Молдавии. Хотя я могу сказать: я здесь — молдавский композитор (видимо, интервью было в Молдавии), в России — я российский композитор. Это подтверждено изданиями. Извините меня, а чем я менее русский, чем все русские? У меня есть масса произведений, которых у моих коллег из Российской Федерации в помине не существует. Одних только романсов на стихи поэтов Серебряного века три тетради. Извините, такого не существовало вообще в истории музыки.

Я восхищался произведениями Евгения Дмитриевича и искал ключи к его творчеству. И со временем их находил. Одним из них оказалась нелёгкая жизнь композитора. Он появился на свет в крестьянской семье. Его мама стала седьмым ребёнком, когда её отца забрали на Первую мировую войну, и откуда он не вернулся.

Не прошла мимо Гражданская война. Родною разделил Днестр: одни жили на левом берегу и оказались в Советском Союзе, а другие на правом берегу, стали жить в Румынии. Это событие принесло несчастья: в 1932-м году забрали сестёр мамы, в 1937 году — её единственного брата. Живущим в Советской стране опасно было иметь знакомства за границей. Поэтому о судьбе брата мамы Евгений Дмитриевич до сих пор ничего не знает.

Отец будущего композитора работал в колхозе бригадиром и сутками пропадал в поле. А мать, так же трудясь и выполняя высокие нормы в колхозе, находила время на сына и стремилась привить мальчику любовь к жизни, открывала глаза ребёнку на мир прекрасного.

Вот как Дога написал в эссе о маме:

«Мама чаще всего говорила молча, ибо в её взгляде было столько энергии, столько боли, столько любви, столько нежности, а иногда и упрёка, сколько не может вместить даже огромная Галактика, потому что она сама космична и бесконечна».

Вот второй ключ к его творчеству — мама. Её молчаливые уроки, разговор без слов — это и был поток неслышных сигналов, который собирался и копился в душе Евгения и впоследствии выплеснулся в его творениях.

26 ноября 2016 года при моём посещении Евгения Дмитриевича у него дома в Крылатском в Москве, мы проговорили полтора часа, и я услышал:

– Мама своим поведением, своим образом жизни передавала воспитательную формулу. Если я видел, что мама только в труде всё время, как я мог иначе поступать, чем как мама. Я тоже был рядом с ней, рядом с тяпкой. Я тоже, делал вещи, которые она просила, потому что я видел, что она любит. Я не мог ответить отказом.

Когда мальчику исполнилось семь лет, отца отправили на фронт. Это произошло сразу после того, как днестровский край освободили от немцев. Он был миномётчиком, из-за маленького роста его посылали в разведку, он дошёл до Венгрии. Евгений Дмитриевич впоследствии нашёл людей, которые видели, как отец погиб. Они рассказывали, что разведчиков засекли в тылу врага и пустили на них мины. От бойцов ничего не осталось.

На плечах у двадцатидевятилетней вдовы остался сын Женя и её мать — бабушка мальчика.

Евгений Дмитриевич взволнованно говорил о послевоенных испытаниях:

– Вы понимаете, люди вымирали. Я-то помню, как ходил один в военной форме, и на груди у него висел автомат, когда до зёрнышка всё выметали из дома. Поэтому пошёл голод. А мы, ребята, толком и не знали, что происходит, катались на подножках «студебеккеров», в кузовах которых вывозили зерно на станцию. И мама спасла меня и бабушку. Она уходила куда-то. В Польшу уезжала. Не знаю, как она, бедная, пряталась в вагонах. По дороге её обворовывали, и однажды она пришла вся в слезах. Тряпье, — ну что там у нас, какое достояние, — хотела выменять на какую-то горстку зерна, пшена, кукурузы. И бывало, что её обворуют. Ну, что стоит женщину обворовать? И, тем не менее, она нас спасла, — сказал и закончил. — И, знаете, это придало моей жизни оптимизма.

А смышлёного паренька тянуло к неизвестному, непонятному. Он стремился во всём разобраться, всё понять. Когда к ним в сельский клуб села Мокра приехал оркестр, Женя следил за тем, как контрабасист двигал и как бы угрожал палочкой, потом подкрадывался к нему и прикасался к инструменту. Не отрывал взгляда от скрипача, орудовавшего смычком. Ему всё казалось в диковинку и магнитом притягивало к себе. Вопрос на вопросе: как рождается звук? Как звуки собираются в мелодию? Вот что захватывало сознание подростка.

После окончания в Мокре семилетней школы он направляется в Кишинёв — поступать в музыкальное училище. Удивляется множеству проводов на улицах города. Он спрашивает себя: зачем эта паутина? Мир сельского паренька расширялся широкими мощными улицами, тенистыми парками, высокими домами.

Учась в училище, он два года проходил на занятия босиком. Мама купила ему резиновые сапоги, но их у него своровали. Мальчик не спасовал.

Он взахлёб постигал мир музыки. Он и поныне добрым словом вспоминает библиотекаря училища, которая открыла ему мир книги; учителя игре на виолончели. Видимо, они разглядели в нём незаурядное дарование и всею душою помогали.

Женя учился, а жил в подвале.

– Жуткие времена, — вспоминал при разговоре в Крылатском Евгений Дмитриевич. — Но я не знал, что есть другая жизнь. Поэтому я радовался, когда после этой несчастной жизни я получил стипендию 140 рублей. Я мог их разделить на четыре недели в месяц. По 25 рублей на неделю. По тем временам это ничтожно, когда один одессит по 10 рублей платил за обед, а я это растягивал на неделю. Остальные деньги шли на общежитие, профсоюз. Я радовался. Я был счастлив. Я был обеспечен этими деньгами, а другая жизнь не была мне известна!

Наметилась ясность в будущей жизни: Дога играл в местном ансамбле на контрабасе, его даже записывали на радио, приглашали в театр исполнить партию на виолончели. Он уже мог позволить себе пойти на «толкучку», чтобы купить что-нибудь из модной одежды, как неожиданно проявился паралич левой руки и помешал осуществиться мечте: стать музыкантом-исполнителем.

Женя не сдался. Он упорно пробовал себя в другом. Второй раз поступил в консерваторию, где теперь изучал теорию музыки, осваивал искусство дирижёра. Он находился в постоянном поиске и в непрестанном труде.

И вот песня Жени Доги прозвучала со сцены на концерте. Её исполнила знаменитая впоследствии певица Мария Биешу. Его заметили в мире искусства. Наступает пора, когда сам Эмиль Лотяну заинтересовался молодым композитором и пригласил его писать музыку к своим кинолентам.

Непременный ключ к разгадке композитора — его талант.

Я два раза слушал, как Евгений Дмитриевич исполняет свой вальс из кинофильма «Мой ласко-

вый и нежный зверь». Вспоминаю, как только он сел за рояль, зал замолк. По нему что-то робко прошелестело, потом стало набирать звучание, снова стихло и как будто проникло в тайники человеческих душ. Вышло оттуда с новой силой и, уже накручивая, набирая обороты, неслось в пространство зала, которое, казалось, обретало небесные размеры, вбирая в себя всех находящихся в нём с их мыслями и чувствами, а на глазах у меня навораживались слёзы. Незабываемые минуты.

После одного такого исполнения вальса 3 апреля 2016 года в ЦДРИ Дога сказал:

– Те вещи, которые мною написаны залпом, они лучше, чем те, над которыми я сидел и разрисовывал каждую ноту. Записываешь под запалом, а потом начинаешь корректировать, и всё портится... Вальс к «Моему ласковому и нежному зверю» я написал буквально за полночи. Что касается фильма «Табор уходит в небо», то я вообще потерял ноты. И надо было делать вид, что я могу сделать. Послезавтра должна быть запись, а я за два дня до этого потерял ноты. Забыл в такси. И запись состоялась. Лучшие номера, когда экспромтом.

Я вспоминаю слова Гавриила Тропольского о том, что первым плачет над своими произведениями писатель, и если он не заплачет, не заплачет и читатель. Так и в музыке: первым всё почувствует композитор, если его сердце не вздрогнет от музыки, не вздрогнет оно и у слушателя. Евгению Дмитриевичу, написавшему много произведений, всё это пришлось пережить, пережить вдвойне, втройне, и я понимаю, какой огромный жизненный пласт ему пришлось вместить душой и сердцем, перед тем, как мы услышали его песни, романсы, квартеты, вальсы, балеты.

Догу поглотили годы самоотверженного, вдохновенного труда. Он постоянно заряжен новым делом, новой идеей, настойчиво воплощает её в жизнь. Его невозможно увидеть праздно проводящим время или предающимся развлечениям. Музыка к фильмам на киностудиях «Мосфильм», «Молдова-фильм», «Ленфильм», Свердловской, Одесской. Концерты в самых больших залах Советского Союза. Звучит музыка Доги на открытии «Олимпиады 80», а не так давно, на «Олимпиаде 2014», которую слышат миллиарды жителей Земли.

Не могу не остановиться ещё на маме Евгения Доги. Я увидел на стене в квартире композитора её скромный фотопортрет. На стене не висело ни одного диплома, ни одной награды, которых у Евгения Дмитриевича сотни. Для Доги мама бесценна.

Вот что он ещё написал в эссе о ней:

«Прошло уже столько лет с тех пор, как не стало мамы, но я и сегодня ощущаю на своих щеках тепло маминых губ, вижу её воспалённые и увлажнённые от радости глаза, её тёплые мягкие руки, которые обнимали и нежно ласкали.

Не могу объяснить эту мою мощную связь с мамой или мамину со мной. Кто и что определило вещи таким образом, что она стала для меня истинной точкой опоры, наивысшим стимулом жизни и всего моего творчества? Я был для неё и наивысшим воплощением любви, смысла её жизни.

С уходом из жизни мамы я потерял Свет в своей музыке. Мне показалось, что мрак навсегда завладел мной, и лишь много лет спустя я вернулся к образу матери, той, что не сдавалась перед чёрными тучами, той, что смотрела вперёд в направлении к Солнцу, той, что так любила жизнь и так страстно хотела научить верить и меня в эту любовь».

Только человеку с очень тонкой душой под силу такие ощущения связи с породившей его матерью.

Дога писал дальше:

«Мама была для меня тайной. С этой тайной она ушла в иной мир. В день моего рождения. Помню, как в Москве на очередном съезде композиторов кто-то подходит ко мне и тихо, запутываясь в словах, сообщает на ухо, что позвонили из Кишинёва и сообщили, что умерла моя мама. Я думаю, что медики-анатомы не смогли бы определить состояние не только нервной системы, но и перемещение в этот момент всех моих органов. К вечеру я уже прилетел в Кишинёв. На улице бушевала снежная буря, которую не помнили даже самые выдавшие в своей жизни зимы. Смотрю, а на фортепиано лежит листок бумаги с каким-то напечатанным стихотворением. Прочёл и ужаснулся, — стихотворение на смерть мамы без подписи автора. Спрашиваю своих домашних: кто принёс его? Никто не помнит, чтобы кто-нибудь приносил что-нибудь подобное. По стилю узнаю автора — моего большого творческого соратника Григория Виеру. До утра, когда я собирался поехать в село Мокра к маме, было ещё много времени, и я сел за пианино. Сквозь слёзы я еле-еле

укладывал ноты на нотную бумагу. Это вылилось в песню-реквием, которую буквально через несколько дней блестяще исполнила замечательная певица».

Вот каково значение для композитора его матери.

Евгений Дмитриевич Дога общенационален. Находясь в Европе, он смотрит, как там живет европеец, какая у них в стране музыка. В той же Африке не сидит в гостинице, а спешит в люди, смотрит, выпитывает, насыщается.

Но его отношение к России особое. Вот что он говорил мне в Крылатском:

– Я с восхищением вспоминаю, по случаю, естественно, потому что случай всё меньше и меньше возвращает к этой памяти, о воронежской земле. Красивый город какой! Сколько там вузов, сколько там студентов. Да и не только в Воронеже. Вообще в центральной России. Также Иваново. С восторгом могу говорить о Смоленске. О Новгороде Великом, который, казалось, где-то там на севере. Ничего подобного. Там такая интересная жизнь культурная. Потрясающая. Молодцы! А как в Чувашии, я был там недавно. Как там построено. Значит, можно! У них в Чувашии нет нефти, но могут. У них есть нефть мозговая!

Я знал, что Евгений Дмитриевич весной 2016 года побывал в Чебоксарах и выступил в музыкальном училище имени Павлова. Будущие музыканты получили ни с чем не сравнимый урок и заряд творчества.

А Дога мне говорил:

– В своё время я ездил очень много в отдалённые места: и по воронежской земле, и в Нечерноземье. И юг, и Заполярье, и Сибирь. Я всё изъездил. На Вятке, в этой тайге болотистой, заброшенные эти хуторки: пять-шесть домиков, кто там о них заботится? Они нас расцеловали и обнимали, потому что они впервые увидели людей, которые вспомнили о них... У меня ещё не было такого случая в России, и не только в России, чтобы не было людей. Если я увижу пустое кресло, я перестану выходить перед людьми. Я помню, у меня были какие-то встречи случайные, да полно людей. В том же селе Хохол. Дом культуры. Битком народу... И чем меня привлекает вот эта земля? Тем, что она очень похожа на молдавские сёла, потому что молдавские такие же хлебосольные, такие же хлебные, будем называть. И потом люди ещё не разучились работать на земле, причём люди, которые привязаны к земле. Эти люди очень богаты духовно.

Я даже не успел спросить: «почему?», как Дога ответил:

– Это, как дерево, которое стоит корнями в землю. Корни у него не в воздухе, не в небесах, а в земле. Вот люди, которые близки корнями к этой земле, они подобны плодоносному дереву. Вот те, которых отрывает от этих корней, вот такие люди не занимаются духовным развитием. А что значит корни? Для дерева земля и дождь. А для людей — это духовная пища. Почему церкви строят? Почему дворцы культуры строят? Церкви тоже, кстати, в начале 90-х очень были популярны, очень много народу туда шло. А сейчас перестали ходить. Я вот беседую иногда с церковными служителями, кстати, говоря, о Краснодарском крае. У меня была интересная встреча. Мы ездили по этому краю, по сёлам, и было видно: мало молодёжи интересуется церковью. С одной стороны, потому, что не работает духовное направление, и с другой стороны, сами церковники поддались этому огромному вирусу, который называется коммерцией, и стяжательством, и чем угодно. Ими мало занимаются правоохранительные органы, но работы там битком, потому что они часто отстраняют людей от церкви тем, что они бизнесмены.

– Деньги делают, — посетовал я, зная множество подобных фактов.

Об отношении к России Евгения Дмитриевича говорила и другая деталь.

На встрече в ЦДРИ 3 апреля 2016 года он сказал:

– У меня на столе лежит «История государства Российского» Карамзина. И что ни страница, там мудрость. И одна из них: «Чтобы любить, надо знать». Мы мало знаем друг друга и мало знаем предмет. Встречи с людьми хороши. Повод можно придумать. Но надо знать предмет общения. Познания. Мы будем лучше знать друг друга. Лучше относиться друг к другу. Больше будем улыбаться и таким образом продолжать свою жизнь. А то мы так хорошо наспециализировались на сокращении собственной жизни, что дальше некуда.

У Евгения Доги сердечное отношение к русской музыке, и особенно народной.

В Крылатском он со мной поделился:

– Вообще, русский фольклор — это для меня ещё одно окно в музыкальный мир. Потому что

это корни. Я пытаюсь свои корни пустить и в эту почву. Есть одна и та же эмоциональная подпитка. Движение, частота, человеческое присутствие везде в русских песнях и особенно вот в этих протяжных, здесь чья-то судьба и стремление к выходу на просторы, к свободе, то, что присуще любому нормальному человеку, который привязан к земле. Меня роднит с этими людьми стремление к свободе, к широте, к насыщенному колориту мелодий. Они удивительно гибкие. Они почему протяжные? Протяжность звуков есть возможность сопереживать, есть возможность настроиться. Это и характер людей. Почему там ходят более размеренно? Есть время для размышления. Я, например, восхищаюсь всегда парочками, которые сидят на скамейке. И молча сидят, друг на друга смотрят. Это потрясающе. Вот где высочайшая форма общения. А форма протяжности в хороших пениях, обязательно там кто-то запекает, начало даёт. Один запекает, а остальные прислушиваются, настраивают себя на это действие, на эту повесть, на этот рассказ, на эту историю, которую начинает запевала, на этот тон, и они ему подпевают. Это потрясающе!

Евгений Дмитриевич по своей остро чувствующей натуре не может пройти мимо того, на что другой не обратит внимание. Боль другого воспринимается им, как личная. Я знаю много людей, которые изнашивали себя, и это сокращало их жизнь. В числе их и Евгений Дога, и меня очень волнует, как чувствует себя этот отзывчивый человек, на много ли ему ещё отведено жизни.

А при беседе в Крылатском Евгений Дога по-бойцовски сказал:

— Я критикую, но я не критикан! Я критикую, опять повторяюсь, не для того, чтобы уничтожить. Это всё равно, что ходить с веником по квартире не для того, чтобы сорить, а для того, чтобы выметать грязь из квартиры. Поэтому, те, которые понимают это, те правильно расценивают. А те, кто не понимают: «Вот, он всё время критикует!» А как не критиковать?! Когда главное — деньги, деньги! Ну что это такое?! Представляете, Иисус Христос ходил бы и за свои чудодейства брал «бабки». Ну, нельзя себе представить. Потому что и Христа плохо знают. И не почитают. Если говорят: жить по-божески, так почему же не живёте по-божески? Почему не ведёте себя по-божески. Я уже не отношу эти постулаты к руководителям. У них там с Богом...

«Проблемы», — понял я.

— Когда какие-то официальные мероприятия, есть телекамеры, показывают, как они целуют эти иконы, — прокашлялся. — Да и то это на расстоянии, вряд ли прикасаются. Попса. На тех хватает денег. Я просто знаю это по себе. Мне заплатят какие-то гроши, в то время как попса с мешками уходит оттуда. Откуда эти мешки с деньгами? Что, нельзя найти каналы, откуда поступают эти «бабки» и направить их в другое русло? Вот эти, которые финансируют. Спросите у них: «Ты откуда, из какого кармана взял? Не из кармана же этих граждан?»

— Налогоплательщиков.

— И не только налогоплательщиков. Масса других способов грабить людей. Поэтому я думаю, что власти есть что делать в этом направлении.

Евгений Дмитриевич говорил о наболевшем, а я боялся прервать наш разговор, соглашаясь с ним.

Дога:

— Как в этой ситуации использовать слово, которое мне не понятно, вдохновение? От чего подпитка? Если мы говорим о дереве, что у него подпитка корнями из земли, если идёт дождь. Интеллигентный человек или человек культуры, сама культура питается от жизни. А жизнь, смотрите, она совершенно отдалена, не только отдалена, она просто не присутствует. Мне не приходилось видеть в последние годы, чтобы на концерты ходили руководители. Ни разу не видел! Вот на «попсу», наверно, ходят. Я не знаю, потому что не хожу. И не имею возможности. Извините, у меня были концерты во всех самых престижных залах России и за рубежом. Я не видел нигде! Или никто не удосужился. Я не говорю про Президента России. Огромная страна, и у него хватает проблем. Но со среднего звена начать. Ну, возьми, позвони, ё-моё! Я — Президент своей музыки, и при том — навечно.

«Как точно сказано!»

— А они избираются на какой-то срок, и то неизвестно, каким макаром. Подкупленными голосами. Вот как сели в это кресло, с ними что-то происходит, какая-то трансформация. Они считают, что ты должен не только позвонить, но ещё у секретарей записаться. Ну что это такое?

— И ещё примет или не примет.

– Что это такое! Государь в своё время приглашал Пушкина. Опального, кстати. Он не миловал государя. Не сидел, не лобызал, как деятели многие наши культуры, к великому сожалению. И те: все в порядке. С ними всё в порядке, с лобызателями, а с культурой вообще... Наверно, интерес отпал к культуре. Смотрите, сейчас какая тема? Убийства, насилие. А что в России другого нет? А куда Россия делась? Кто будет своими проблемами заниматься?

Я только и мог добавить: как тут не критиковать? И отчётливо понимал, как каждый россиянин, понимал, почему не критикуют особо приближённые к властям. Им нужны блага и деньги, а не спасение Отчества.

Но Дога не был бы Догой, если бы не обратился к Светлому:

– Вы знаете, радость наша, тех, кто что-то делает, от радости других. Ну что, мы будем сидеть в кабинетах и радоваться бумагами? Это не радость. Радость, когда выходишь на сцену, и тысячи людей заряжаются энергетикой, которой не достаёт. Нужны такие вещи, которые расширили нам бы поле общения. Приблизили друг к другу. Мы отдалены, к великому сожалению. Или нас, точнее сказать, отдалили вот эти так называемые руководители. Они вряд ли руководят. Они используют короткий отведённый им срок нахождения в кресле власти для своих корыстных целей... В обществе что-то не то. Пошла метастаза политическая, или безнравственная метастаза. Трудно что-то сделать. Значит, нужен хирург. Но не хватит хирургов на всех, поэтому нужны методы терапевтические. Я думаю, что такими терапевтами могли быть деятели культуры. Вот я, сколько лет слышу: Василий Степанович (кинорежиссёр Василий Панин — от авт.) вынашивает то один план, то другой план, и всё связано с воронежской землей. А осуществить никак не может. Отдача — ноль...

Я соглашался: у нас под спудом лежал сценарий о юности художника Крамского, о той же Хохольской земле.

Дога:

– Вот, возьмём классику. У них положение не было таким блестящим, но находились меценаты. Не спонсоры. Ведь сейчас слово меценат почти не используется. Кто-то один раз пришёл, дал какую-то сумму, но чаще всего это называется взяткой, чтобы с этого иметь свои дивиденды, которые в сотни тысяч раз превосходят его взнос. А меценаты те, которые постоянно, на всю жизнь подпитывали. Как водопровод нас питает. Вот эта подпитка, а не привозить баками, канистрами эту воду. Выпил, и нет её, и опять ты без воды. А нужно этот водопровод духовный и материальный подключить к развитию культуры. И наверняка мы не можем винить государство, и действительно временами нет денег. Хорошо, временами нет. Ладно. Но включите другие пути. Как же миллиарды, которые у абрамовичей!

Я не стал напоминать про полковника полиции из Москвы, при обыске у которого изъяли денег на годовой бюджет области. Тогда напрашивался вопрос: какие барыши у генерала полиции? Подобные факты вынуждали не просто критиковать, а бить в колокола.

Разговор с Догой в Крылатском меня поразил ещё следующим замечанием:

– Сейчас готовлю книжку и собираю интервью. «Жизнь, — говорит Маркс, — это борьба». Да нет же! Жизнь — это величайшее счастье. Какая борьба? Что значит борьба? Да, успокойтесь, товарищ Маркс. Жизнь — это величайшее счастье.

«Как сказано!»

Дога вдохновенно продолжал:

–Многое проясняется, если ты человек думающий. У многих людей просто очерствели мозги. Единственное, чего не могу понять, когда происходит трансформация людей. Все мы учимся в одних школах, по одним и тем же учебникам, потом что-то вдруг происходит, мы остались теми же, в рамках тех нравственных норм, которые мы получили в школе и в семье, а часть одноклассников или однокурсников становятся другими? Что произошло? К ним уже не достучаться, они ездят уже на машинах с затемнёнными стёклами. Что он видит за этими стёклами? На бешеных скоростях. Я не знаю, как так можно?

Я помню: председатель колхоза или бригадир на бричке двухколёсной с лошадью объезжал поля. Я не видел, чтобы нынешний деятель на двухколёске объехал поле. Нет, обязательно со свитой и журналистами, которые будут писать, какой он добрый.

«Показуха».

*5 февраля 2010 г. в ЦДЛ
на вечере 200-летия
поэта Алексея Кольцова
Дога, Игорь Кашищев,
Александр Вершинин*

*Евгений Дога
и Василий Панин*

*М. Федоров с Е. Догой
3 апреля 2016 года*

– Стандарт. Уже тошнит от него. Возьмёт ребёнка на руки и фотографируется. Ах, какие любимые! И детей... Да, посмотрели бы в садике, чем питаются эти дети, и попадают ли в садики. Есть ли у всех возможность оплачивать эти садики.

Мы ещё о многом говорили, но я почти дословно запомнил, чем закончился разговор в Крылатском.

Дога:

— Есть две формы нашего присутствия в этом мире. Одна физическая, а другая — духовная. И я хотел бы, чтобы не было так. Когда швея шьёт, и видны страшные швы, это плохой костюмер. Придумали утюг, чтобы заглаживать швы, чтобы какой-то утюг прошёлся и заглаживал эти образующиеся, абсолютно по невежеству, швы между нами и нашим прошлым и нашей культурой и будущими поколениями. Чтобы последующие поколения не пришли на голое место, а пришли вот на той почве, которая их родила, чтобы была эстафета. КРЫША ДУХОВНАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ОБЩА-Я. Она должна нас всех объединять. Мы должны все жить под одной ДУХОВНОЙ КРЫШЕЙ. Её не нужно ждать, её нужно хотя бы сохранить, она есть. Нужно поднять глаза вверх и увидеть её. К великому сожалению, её мало кто замечает. И я очень хотел бы находиться под этой КРЫШЕЙ в гармонии и согласии! Всё!

У меня захватило дух. Я по пальцам могу пересчитать встречи, которые бы возымели на меня такое сильное воздействие.

Вспоминаю, как 3 апреля 2016 года на вечере в ЦДРИ спросили:

– Над чем работаете сейчас, Евгений Дмитриевич?

Дога ответил:

– Я четвертый год работаю над циклом «Диалоги любви». Настала пора петь про любовь, потому что главным стержнем нашего бытия является любовь. Поэтому про любовь. Я уже показывал часть этой музыки в Большом зале консерватории. С оркестром и с хором. Надеюсь, и в нынешнем 2017-м это осуществить в Царицыно на открытом воздухе. Это так здорово! Потому что я уже это проделал в Яссах, в Кишинёве, в Бухаресте. Это так здорово, когда тысячи людей будут слышать и смотреть. Не покупать билеты. Придут те, которые захотят, а не те, которые могут. Это разная публика. А я как раз пишу для той публики, которая придёт без билета. Потому что не все сегодня в состоянии купить билет. На воздухе. У меня музыка, которой тесновато в четырех стенах!

Не знаю, исполнится ли мечта Евгения Доги о празднике в Царицыно, но очень хотелось бы, чтобы такое произошло, и не только в Царицыно, но и на Сенатской площади, под стенами Новгородского Кремля, на центральной площади Воронежа, чтобы проложить тропу к душам тех, во имя кого обязаны жить, как жил Гавриил Николаевич Троепольский, как снимал фильмы Василий Степанович Панин, как пишет музыку Евгений Дмитриевич Дога, которому исполнилось 80 лет.

Многая лета Вам, Евгений Дмитриевич!

Берега культуры и искусства

Светлана Савицкая

Призвание России

9.02.2017 г. МИД РФ. Показ получасового короткометражного фильма «Дипломат по призванию» приурочен ко Дню дипломата, что будет отмечаться 10 числа. Мы в роли гостей.

У входа мягкой доброжелательной улыбкой встречает Альберт Павлов, заявленный сценарист, режиссёр и по большому счету, как это теперь принято называть — продюсер ленты.

Не смотря на мягкость улыбки, из-под очков серые глаза глядят твёрдо, в этом взгляде угадывается гибкий, но не гнущийся ум, и к нему — печатью напряжённой ответственной работы дипломата — лёгкая едва уловимая тень усталости.

В зале — ничего лишнего. Никого лишнего. Утопаем в официальном бархате кресел брусничного цвета.

Из анонса знаем: фильм снят без привлечения дополнительных средств, лишь по инициативе команды, неоценимую помощь которой оказал Совет молодых дипломатов МИД России (СМД), в частности, им удалось договориться об организации съёмок в ряде российских вузов: МГИМО, РУДН, МАДИ, одной из московских школ, гостиницах «Кадашевская» и «Фили», некоторых кафе и ресторанах, и даже на Киевском вокзале...

Зал заполняется молодыми дипломатами, участниками съёмочной группы, гостями. Встречающая сторона к другим приглашённым также элегантно и подчёркнуто уважительна.

О чём беседуем, пока ждём начала показа? Да, всё о том же. Что засилие низкого качества телефильмов, и особенно сериалов на центральных каналах, напрягает не так глупостью, как навязчивым «сервисом» Запада, тотально заполонившего российский рынок СМИ.

О том, что, к примеру, созданная в Латинской Америке «Бетти-дурнушка», по Израилю прошла «Безобразной Эсти», пробежала по Германии сериалом «Влюбиться в Берлин», откуда дошла-таки до всеядной России в виде 200-серийного мыла «Не родись красивой», и сейчас проходит уже первую ротацию. О выхолащивании нравственности эстрады и как следствие — неприятие муз-тв-шных потуг народом, ведь, если песню нельзя спеть — это не песня! Если невозможно одеть на себя то, что предлагают наши «кутюрье» — это не одежда. Если невозможно читать книгу писателя, позиционируемого нам, как эталон — это не писатель. И чёрные квадраты, от которых хочется отвернуться — не живопись! О том, что вот только претерпели пытки маршрутного такси, и не сделали замечание водителю, врубившему на всю громкость радио-шансон: «А когда капусту сняли, ты, лахудра моя, вот тогда мы загуляли, Джин Джара...»

О том, что нас пытаются разлагать по всем возможным направлениям, но «не всё коту масленица», потому что в 2016 году общий тираж Playboy сократился до 700 тысяч. В России (издатель Бурда), тираж 150 тыс. — заявленный, но не реальный (непроданная бумажная продукция, как правило, идет под нож!) Для сравнения; 40 лет назад тираж этого издания составлял 5,6 миллионов экземпляров. И журнал Playboy в феврале 2017 года, объявил, что снова будет печатать фотографии полностью обнажённых моделей на своих страницах. Креативный директор Playboy Купер Хефнер, сын основателя издания Хью Хефнера, признал, что решение об отказе от таких снимков было ошибкой (сообщает ВВС). Агонию корпорации можно объяснить. Да, только причина в другом — насмотрелась уже Россия на обнажёнку. Душа не принимает такое количество «чёрной икры»! Нам «За державу обидно»!

И вот — показ... Как некий луч надежды...

Нас приглашают для приветствия на сцену перед трансляцией картины наряду со съёмочной группой.

Альберт в двух-трёх словах обозначает зрителям, а, собственно — зачем? Зачем «метались копыя».

Фильм.

«Иду на ТЫ» — богатырями древними значило — готовность к поединку. «Иду на ВЫ» — бьюсь один с тысячью и более противников. Главный герой фильма, дипломат, «идёт на ВЫ».

На получасовом отрезке времени лоб в лоб сходятся мощные вселенские армии — добро и зло. Первое поле битвы — наш МИД сложнейшего периода нулевых годов. Второе — мир мужчины и мир женщины в обоюдном стремлении создать третью производную — семью. На третьем поле — деньги против совести начинают, но не выигрывают. Непредсказуемый поступок дивергента обрушает конвергентное мышление вооруженных долларами сил зла. Цепная реакция победы над собой — дает результат победы на дипломатическом поле страны в целом, восстанавливается равновесие на работе, в заданные возрастные сроки образовывается семья, правда героини меняются. Но это можно расценивать тоже победой, если получен правильный результат.

Выход из катарсиса сердца воспринимают, ликуя! Финал проходит под аплодисменты зала.

И по дороге домой не даёт покоя философский вопрос — а смогли бы мы вот так вот в жизни всем поступиться ради интересов России? Не имеется в виду понятие — конкретно я, конкретно ты, — а мы. Мы, как общность, проживающая теперь с приходом набившего оскомину горбачёвского «рынка» на территории Российской Федерации? Мы никогда не были продажным рынком. Мы были людьми, гражданами Великой Державы. А ведь мы могли, ребята! А ведь раньше мы именно так и поступали!

Поступали, пока американская и западная культура не заглянула с экранов колдовскими «грёзами Голливуда». На смену лозунгам «Мир, труд, май», пришли другие — «Бери от жизни всё!», «Мы так одеты, потому что так мы пьём наше пиво!»

А что же делает народ в такие времена перемен? А народ, как у классика, «безмолвствует»!

Однако. Три процента населения называемых дивергентами (проще дураками) всегда выводили нас и выведут на путь истинный. «Пойдут туда, не зная куда, и принесут то, не зная что». То, не зная что — и есть данный фильм «Дипломат по призванию», вызывающий восторг, ликование и любопытство. Это ведь уже не просто фильм, а символ торжества результата на теми, кто не ходил и не пробовал искать.

Если рушатся стены принятых схем — госфинансирование (либо финансовые потоки Запада) — съёмки — показ, если сами молодые люди, ищут выход из общего выветривания жизненно-важных смысловых ценностей, если, ломая ключи, находят двери за нарисованным холстом коморки папы Карло и дорогу к его величеству «театру боевых действий» за реанимирование принципов как нашего кинематографа, так и нашей нравственности по большому счёту — не значит ли это, что мы сбрасываем с нашего горба колдовские чары?!

Так, в океане, когда южный ветер меняет северный, корабль встаёт на нужный курс, и — очень умные, серые глаза из-под очков — то глаза молодой России —

«Россия — Сфинкс,

Ликующая и скорбя,

И обливаясь чёрной кровью,

Она глядит, глядит, глядит в тебя, И с ненавистью...

и с любовью!»

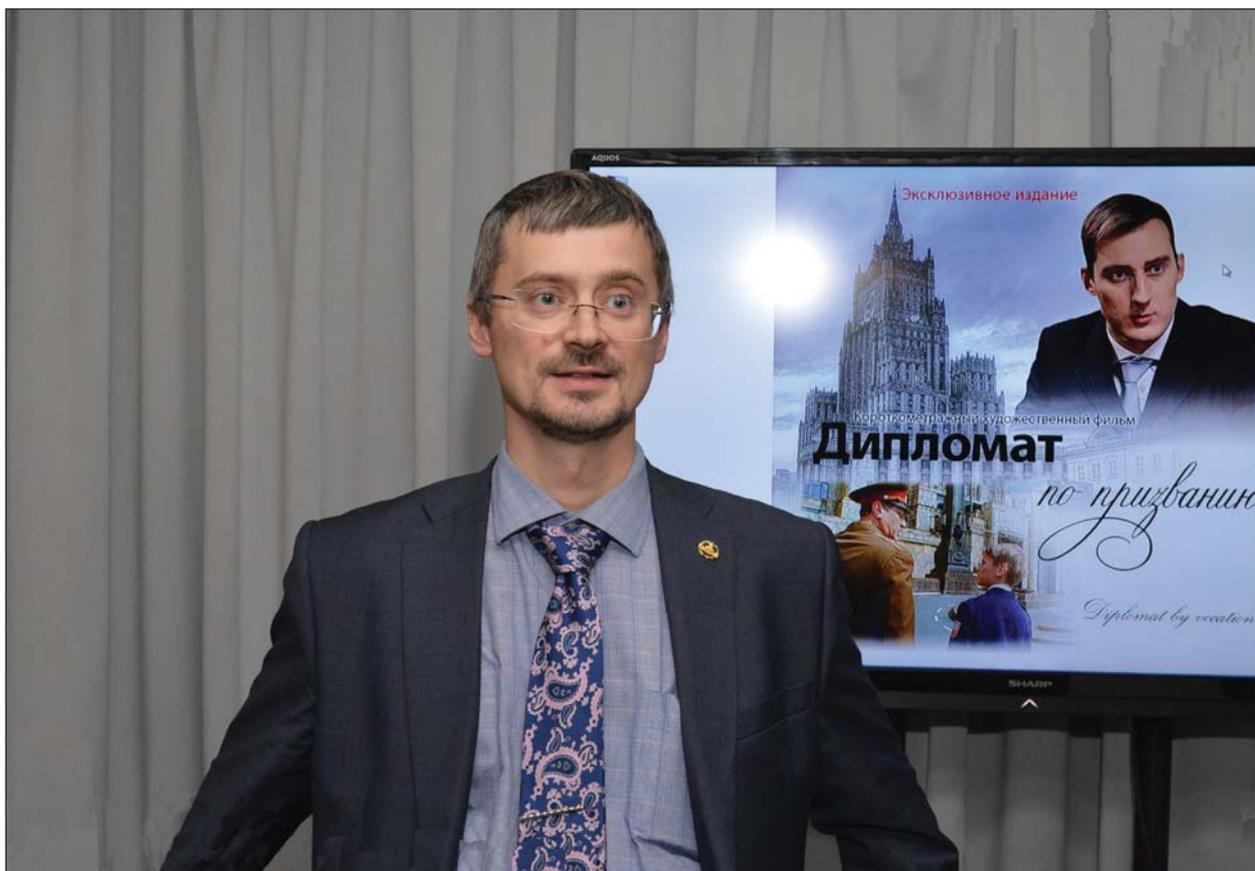
А ты и я, а мы, принявшие участие в показе, мы, которые ещё вчера были общей матрицей «неурушимого» Советского союза премудрыми Эдипами (По Блоку) останавливаемся в своём беге перед нашей молодёжью, как перед Сфинксом и вынуждаемся обращать внимание на полупрофессиональную ленту начинающих творцов «Дипломат по призванию».

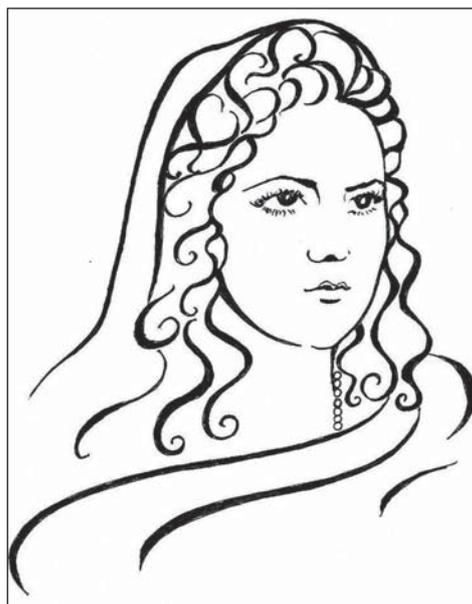
С точки зрения мастерства обсуждать не берусь — понятие литературы обширно, форм подачи идей — множество — и по большому счёту значения не имеет — в стихах, прозе или видео, справляется мастер со своей задачей, за минуту, за полчаса или за 200 серий!

Показ, если честно, вызывает чувство праздника, не смотря на все мелкие «блошки», неизбежно случающиеся при дебюте.

Главное — видение. Если ты видишь, ты это разовьёшь, отточешь и усовершенствуешь. А если нет — ничего с этим не поделаешь. К тому же немаловажна новизна темы и свежесть выбранных выразительных средств.

Гагарин в космос вообще полетел с карандашом. Но его слово «Поехали!» обошло всю планету!

Мать.

Автор фото Иван Деденев

Образно, также иногда обращается внимание на деревце, выросшее при дороге — листочки то на нём не простые, а не по сезону не по моде времени года — резные-расписные!

Такое дерево хочется либо освободить от мешающего видеть солнце подлеска, либо пересадить в доступное для людей место — пусть все радуются, а не только ты!

Да мы только — ЗА! За то, чтобы фильм этот был показан в каждой школе и библиотеке. На широких (и не очень) экранах страны. Мы за то, чтобы этот фильм стал первым в ряду сотен фильмов о дипломатах. Страна так мало знает об этой сложной, важной и редкой по набору профессиональных качеств работе!

Мы воспитывались пионерами и хозяевами страны, а значит, ответственными за происходящее, и это внутри нас. Именно поэтому так возмущает отсутствие гражданской позиции у тех, кто нынче в стране «занимается культурой». Сия позиция сродни понятию «заниматься любовью» — а ведь как оскорбительно это послеперестроечное словосочетание! Нельзя «заниматься любовью» — можно лишь любить. Можно заниматься поделкой, покраской, продажами, спортом, другими техническими действиями. Безнравственные понятия рождает лишь бездуховность. Горько и больно видеть нам, как после перестройки наши чиновники, обдирая Россию и возводя замки для своих домочад, по долгу службы и за зарплату «занимаются любовью к родине!»

Однако. «Колбасные дожди» пройдут. Да и грёзы Голливуда на то и грёзы, чтобы неизбежно рассеяться, как дым!

Смотрите, господа, на смену российским каналам в Украину идут эротические... (мы «это уже проходили»).

А к нам, массово переставшим покупать Playboy, — и это мы явно ощущаем сегодня — на смену западному мусору и западным сброшенным с пьедестала ценностям идет «разумное, доброе, вечное»!

Уверена — новое поколение ищущих и дерзких ещё заявит о себе!

По призванию России.

Русский мир без границ

Екатерина Федорова

Ростовский кремль принял дары Н.Д. Лобанова-Ростовского

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа,
Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.

Н.С. Гумилев

Об уникальном случае в музейном деле

Музей Лобановых-Ростовских в Филёвском парке в Москве был востребован и посещаем. Увы, по непонятному для населения решению московских властей он прекратил своё существование. Его создателем, попечителем и даже экскурсоводом был князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Он не опустил руки и в 2011 г. и, получив согласие музея Ростовского кремля, решился воссоздать музей Лобановых-Ростовских в Ростове Великом — вотчине его предков, владетельных князей. Он продолжает пополнять коллекцию теперь уже в этом городе. Заметим, слово «владетельные» означает, что Лобановы-Ростовские были правителями этой территории с многовековым правом наследования власти. За прошедшие столетия они воевали за русскую землю, строили на этой земле, занимались политикой и содействовали просвещению. Художественные ценности, предметы культуры, истории, старины, в скором времени, надеемся, займут своё место в «Музее Н.Д. Лобанова-Ростовского» в «доме купца Шлякова» на Пролетарской улице, 46.

Этот проект имеет особую культурологическую ценность для России. Здесь счастливо сошлись несколько важных факторов, которые намеренно едва ли удалось бы кому-то сочетать. Известно, как много усилий тратят энтузиасты на то, чтобы добыть экспонаты для воссоздания материальной обстановки музеев, посвященных образу жизни и быту людей. Необходимо гораздо больше усилий вникнуть в архивные документы, мемуарные и эпистолярные источники, чтобы понять, как эта жизнь была устроена. Всё-таки часто получается или схематично, или с историческими ошибками, ибо — «из вторых рук». Здесь же — из первых рук последнего отпрыска стариннейшего российского рода, который в данном случае выступает как исторический свидетель. Далее. Если обыкновенно расходуются средства на приобретение музейных предметов, то тут они оказываются даром России

Ростовский кремль. Вид с озера Неро.

Н. Лобанов и Е. Евтушенко, Дом-музей Лобановых-Ростовский, Филевский парк, Москва.

У дома купца Шлякова, Ростов Великий

от коллекционера. Мало того, благодаря Н.Д. Лобанову-Ростовскому многие из даров возвращаются в своё отечество, ибо некогда принадлежали нашей стране и были проданы в 20-е годы.

Из выступления Н.Д. Лобанова-Ростовского на вернисаже выставки даров Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль»

«Всего за 5 лет существования РСФСР комиссия, возглавляемая Горьким, успела вывезти из России 60 тысяч тонн произведений искусств на продажу за рубежом. Эта цифра известна из информационных бюллетеней Российских железных дорог. Существует два письма Ленина, адресованных Горькому, в которых он просит его ускорить вывоз и продажу художественных ценностей, чтобы скорее выручить валюту. Эти огромные резервы, ранее бывшие достоянием российской культуры, оказались за границей. Несомненно, стоит стараться для того, чтобы постепенно возвращать это достояние на родину, что я и делаю.

Многие из Вас себе, наверное, задают вопрос: А почему Лобанов, имея возможность дарить столь ценные произведения, не построил бы музей на свои средства в стиле, который ему подходит, вместо того, чтобы рассчитывать на благожелательное отношение Министерства культуры и руководство Музея Ростовского Кремля в этом деле? Ответ мой основан на историческом опыте всех стран мира. Частные музеи, как бы прекрасно их ни финансировали, со временем перестают существовать. Наглядный пример — это наследие Николая Рериха. В 1929 г. в Манхаттэне на Риверсайд Драйв вдоль Гудзона был создан 29-этажный небоскрёб имени Рериха. Там заседали последователи его идеологии, располагались архив и всё живописное наследие Рериха. 30 лет спустя музей переместился в пятиэтажный дом на 107 ул. в Манхаттэне. Часть живописи была продана. Поэтому я приверженец дарений госбюджетным организациям, у которых есть гораздо лучшая перспектива выживания в ближайшем и отдалённом будущем. Подобная мотивация была у Третьякова, как и у Бахрушина. Оба оставили свои изумительные коллекции городу Москве.

Лет 30 тому назад, вместе с Ильей Самойловичем Зильберштейном, нам удалось уговорить директора ГМИИ им. Пушкина И.А. Антонову создать Музей личных коллекций. Ей удалось убедить правительство в целесообразности этой идеи. В результате правительство перестроило здание компании «Автоэкспорт» в музей, в основание музейной экспозиции было положено собрание Зильберштейна плюс дары зарубежных соотечественников. Такое случилось в первый раз, когда в коммунистической стране государство вошло в партнерские отношения с частником, чтобы создать музей. И что ещё важнее — государство приняло на себя расходы по содержанию музея. Вне Советского Союза такой симбиоз был и остаётся невозможным. Музеи вне России не принимают значительных художественных пожертвований, если дар не сопровождается дополнительными средствами их музейного содержания. Следуя этой практике, я предложил Министерству культуры денежными средствами участвовать в реставрации дома Шлякова. Моё предложение не было принято. Музей личных коллекций имел невероятный успех, и количество поступающих подарков превысило все ожидания. Пришлось для него построить новое здание справа от ГМИИ им Пушкина».

*Выступление на открытии выставки.
Парадный зал Красной палата.
7 октября 2016 г.*

*Н. Лобанов и Наталья Борисовна,
вдова И.С. Зильберштейна, у бюста Зильберштейна,
заказанного Лобановым для Музея личных
коллекций в Москве*

Вопреки своей нелёгкой судьбе, о которой столь много говорилось в прессе, Никита Дмитриевич при первой же возможности стал собирать предметы русской художественной культуры, оказавшиеся за рубежом. Началось это в 50-х годах прошлого столетия. Вот уже полвека он отыскивает работы российских художников, собрав и научно описав свою значительную художественную коллекцию. А около 45 лет назад, как только у него появилась возможность дарить России вновь найденные произведения зарубежных соотечественников, он стал возвращать их нашей стране.

Мало осталось людей первой волны эмиграции, которые, гораздо больше поздних поколений эмигрантов интересуются Россией, стремятся содействовать её преобразению. Но и среди первых трудно назвать людей, которые бы столь упорно, последовательно, сознательно, систематически, длительное время отдавали время, силы, жизнь на возвращение культурных ценностей.

Решающую роль играет и профессиональная компетентность дарителя. Никита Дмитриевич, будучи геологом, на высоком уровне разбирается в предметах искусства, освоил профессию искусствоведа, у него огромный опыт коллекционера. Не только возможность очевидца, но профессиональный навык музейщика позволяют ему выстроить концепцию дворянского музея, показав во всей полноте все её стороны.

Наконец, у Лобанова-Ростовского неиссякаемая гуманитарная и нравственная потребность возвращать утраченные ценности России, подкреплённая высокой дисциплинированностью и ответственностью руководителя, каковым он был большую часть своей жизни. Согласитесь теперь, что этот случай уникален, и трудно даже представить себе, как можно было бы не воспользоваться этим сочетанием компетентности, стремления и воли для создания нового арт-объекта?

О «ростовском периоде»

Хотя всего только с 2011 года начался «ростовский период» благотворительной деятельности Никиты Дмитриевича, он уже имеет свою историю.

Из «Хронологии событий», составленной сотрудником музея в 2011—2016 гг. Еленой Владимировной Ким

«В Книге посетителей Ростовского музея сотрудники ещё в начале 2000-х гг. выявили автографы Н.Д. и Нины Лобановых-Ростовских. Запись «Интересно было побывать в этих местах» датирована 17 сентября 1970 г., временем их первого посещения России. Ещё раз князь побывал в Ростове в июне 1997 г., что отражено во множестве фотографий, но с сотрудниками музея он в тот приезд не встречался.

В октябре 2011 г. кн. Н.Д. Лобанов-Ростовский направил письмо в адрес руководства Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». В связи с проблемами, возникшими в Музее Лобановых-Ростовских в Филях, Никита Дмитриевич предложил безвозмездно передать экспонаты и оборудование московского музея в Ростовский на условиях хранения и экспонирования. 14 декабря 2011 г. он принял в Филях директора музея Н.С. Каровскую и учёного секретаря Е.В. Ким, провёл им экскурсию по экспозиции.

30 марта 2012 г. Н.Д. Лобанов-Ростовский побывал в Ростовском музее с ответным визитом. В Парадном зале Красной палаты состоялась встреча с руководством музея, депутатами, представителями общественности и прессой. На этой встрече обсуждалась возможность создания Музея Лобановых-Ростовских в Ростове, но за пределами и вне юрисдикции Ростовского музея.

В результате почти годичных переговоров и согласований с Министерством культуры было всё-таки принято решение принять коллекцию и оборудование Музея Лобановых-Ростовских в Филях в Ростовский музей. В августе 2012 г. ростовские специалисты сделали предварительную опись экспонатов Музея в Филях. В марте 2013 г. началась их транспортировка, как силами музея, так и с привлечением профессиональной фирмы-перевозчика произведений искусства «Хепри».

17 мая 2013 г. в Парадном зале Красной палаты Ростовского кремля состоялось открытие выставки «Дар в Ростовский музей кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского». На ней экспонировалось 290 произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, а также уникальных фотографий и документов. Её открытие стало самым ярким событием музейной жизни этого года. На вернисаже присутствовали даритель с супругой, директор Департамента культурного наследия Н.Ю. Самойленко, заместитель руководителя Россотрудничества Министерства иностранных дел РФ Г.Л. Мурадов, руководители Ярославской области, Ростова и Ростовского района, другие официальные лица, а также князь Павел Куликовский, праправнук Александра III и князь Георгий Юрьевский, потомок Александра II.

На следующий день, 18 мая 2013 г., состоялась встреча Н.Д. Лобанова-Ростовского с жителями Ростова. Встреча вызвала большой интерес, Парадный зал был полон, почти все пришедшие на встречу покупали книги, посвящённые кн. Н.Д. Лобанову-Ростовскому и его коллекции. Состоялся содержательный и непринуждённый разговор, по окончании которого прошла автограф-сессия.

Выставка «Дар в Ростовский музей кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского», привлекая множество посетителей, продлилась до начала сентября. На её закрытие вновь приехал Н.Д. Лобанов-Ростовский с очередными дарами. Среди них были и высококачественные репродукции его коллекции театральной графики, которые, по предложению дарителя, были использованы для проведения передвижных выставок в учебных заведениях и учреждениях культуры Ростова. В начале 2014 г. была скомплектована и оформлена выставка «Жар-птица. Сказка на русской сцене», которая была показана в библиотеке и образовательных учреждениях Ростова и Ростовского района.

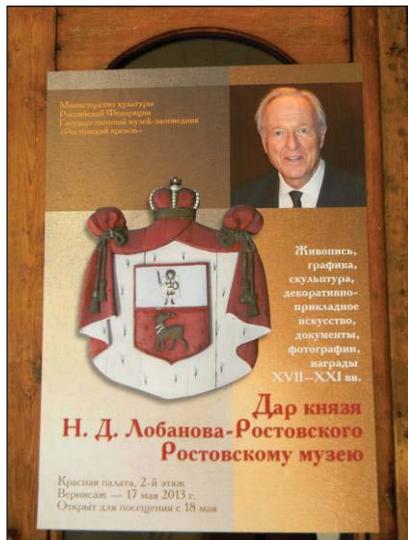
2 августа 2014 г. в Самуиловом корпусе Ростовского кремля открылась выставка «Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский. Общественный деятель. Коллекционер. Даритель» (работала до ноября 2016 г.). Выставка отражала жизненный путь самого дарителя — потомка ростовских князей, его многогранную общественную, а также собирательскую деятельность. На ней были представлены 179 предметов — документов, фотографий, произведений искусства как из состава дара, так и ряд документов из собрания музея, раскрывающий давние отношения князей Лобановых-Ростовских с Ростовским музеем церковных древностей. На вернисаже директор музея Н.С. Каровская объявила, что принято решение о создании Музея Лобановых-Ростовских в старинном двухэтажном особняке купцов Шляковых (Ростов, ул. Пролетарская, 46. На балансе музея с 2012 г.). Н.Д. Лобанову-Ростовскому был передан символический ключ от этого здания.

Н. Лобанов и Е.В. Ким, Ростов, 2016 г.

Г.Л. Мурадов

Плакаты выставок даров Лобанова-Ростовского в 2013 и 2014 гг

14 марта 2015 г., как всегда, в присутствии дарителя, открылась выставка «Художественный плакат из собрания Н.Д. Лобанова-Ростовского». В этот день впервые были показаны публике и скульптурные портреты Н.Д. Лобанова-Ростовского, которые в этот день были доставлены в Ростов авторами — заслуженным художником РФ, академиком Российской академии художеств Л.М. Барановым и его учениками. Тогда же была проведена первая презентация только что вышедшей из печати книги «Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский» (М., 2015), в которой приняли участие редактор-составитель сборника Н.А. Алпатова и множество других авторов».

О выставке «Дары Н.Д. Лобанова-Ростовского 2015-2016 гг.»

Сергей Константинович Маковский в мемуарах «Портреты современников», 60 лет назад вышедших в Нью-Йорке в «Издательстве имени Чехова», отметил «потребность» новых поколений Советской России «преемственно связать себя с историческим прошлым, не считаясь с мировоззрением «не помнящих родства» фанатиков марксизма». С этих пор в России растет интерес к российским

Директор Н. Каровская вручает Н. Лобанову ключ от особняка Шляковых, где будет находиться будущий музей Лобанова-Ростовского

художникам, чье творчество волею судеб развивалось вне страны. Очень осторожно, маленькими шажками, но неуклонно, искусствоведы и собиратели начинают посвящать общество в подлинную историю русского искусства, оказавшегося вне родины. Важно не только для настоящего благоприятного климата в обществе, но и для формирования будущих поколений возвращать нашей стране представления о художественном процессе и достижениях русских творцов во всей его полноте. Когда же в Россию возвращаются материальные предметы, живописные и графические полотна, это тем более ценно.

Дары Никиты Дмитриевича Ростовскому Кремлю представляют несомненную художественную ценность, не являясь рядовыми или второстепенными работами известных художников. Абстрактная композиция Александры Экстер писалась

в 1917-18 годах, в эпоху революции. Одухотворённое сочетание геометрических поверхностей вызвало восхищение художественных критиков и продолжает вызывать его до сих пор, они дают этой работе высокую оценку, выраженную и в высоких цифрах стоимости. В то же бурное время написан экспрессивный натюрморт с камелиями Ильи Машкова, одного из основателей «Бубнового валета». Натюрморт с гитарой Жоржа Брака, созданный через десятилетие основателем кубизма, спокойный по тону, цвету и настроению, раскрывает развитие кубизма на рубеже 30-х. У каждой работы хорошо известный провенанс, что подчеркивает её ценность. Редко случается, чтобы кто-либо из наших зарубежных соотечественников дарил столь выдающиеся произведения искусства, которые имеют и внушительный денежный эквивалент. Только за последний год дары коллекционера составили 70 миллионов рублей (1 миллион евро), что ныне объявлено и в прессе. Эта стоимость основана на оценке влиятельных зарубежных аукционных домов.

**Из выступления сотрудника музея
и экспозиционера выставки
Владимира Васильевича Зякина**

«...далее мы видим эскиз декорации к «Мистерии-буфф» Маяковского кисти художника Антона Лавинского. По-моему, загадочный цикл из трёх работ, на которых изображены конквистадоры. Мы знаем только, что выполнены эскизы в 1950 году. Дальнейшая работа наших сотрудников будет связана с выявлением более подробной информации об этом цикле. Портрет Нины Лобановой-Ростовской и целый авторский комплекс (9 работ) произведений современного художника Владимира Немухина, к сожалению, недавно ушедшего из жизни. Эти работы были приобретены Никитой Дмитриевичем совсем недавно и сейчас уже находятся в коллекции музея. Еще один экспозиционный комплекс — творчество известного мастера театрально-декорационного искусства, представительницы династии художников Федоровых-Осиповых, Марии Федоровой. Из трёх представленных работ одна — эскиз для ансамбля Надежды Бабкиной, две — эскизы картины «Ярмарка» для государственного ансамбля танца России. Для многочисленных графических работ XIX — начала XXI веков небольшого формата мы выделили пространство западной стены, и здесь мы видим авторов разного времени и разных стран, писавших в многообразных графических техниках и на различных графических материалах. Здесь же представлены три блока марок, два из них принадлежат известному художнику Георгию Шишкину. Блок, посвящённый 400-летию восстановления единства Российского государства, удостоен грамотой «за лучшую почтовую марку России 2012 года». А также здесь размещён блок марок от представительства авиакомпании «Боинг», среди которых несколько марок посвящены истории авиастроения в России. Есть и значительные предметы из полиграфического

*Выставка даров Н. Лобанова-Ростовского,
Ростовский кремль*

Г.Г. Шишкин, Марка княжества Монако в честь 150-летия П.И. Чайковского

Копия картины И. Ретина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», 1878 г

Тарелка «Переход Наполеона через Альпы», мануфактуры Лемож, № 215.

Перуанский примитив, школа Куско. Дар Лобанова-Ростовского.

Английское серебро из дома Лобанова в Лондоне

раздела, афиши и плакатов. Из предметов бытового искусства представлены изделия из металла и серебра, столовые приборы и посуда, датируемые серединой XX столетия. Интересен и раздел фарфора и фаянса, изготовленных в России, Казахстане, Израиле и других странах. Особо в экспозиции выделены две серии номерных декоративных тарелок, одна из которых посвящена Жозефине и Наполеону, выпущена Израильской фирмой «Брадекс» в 1984-86 гг., и серия немецкого фарфора «Сцены из сельской жизни». Что касается архива, он распределён по историческим периодам, тематическим рубрикам. Здесь следует отметить документы, отражающие важнейшие моменты российской истории, на которых есть подпись Павла I и Александра I, затем целый ряд документов, в той или иной мере характеризующих жизнь и деятельность семьи Лобановых-Ростовских, и наконец, цикл документов, представляющий значимые эпизоды жизни и общественную деятельность Никиты Дмитриевича. Эти разделы мы постарались проиллюстрировать фотографиями, на которых он запечатлён вместе с деятелями отечественной культуры. Из библиотечного фонда, поступившего к нам и содержащего более 1000 экземпляров, мы представили небольшую часть, которая содержит автографы известных людей, и те книги, которые характеризуют Никиту Дмитриевича как коллекционера, его пристрастия и интересы».

Концепция музея

Концептуально ли это объединение разных музейных жанров в единое целое? Ведь поначалу разнообразие экспонатов было воспринято как избыточная пестрота. Что это, музей дворянского быта, художественный музей, исторический? И то, и другое, и третье. В этом собрании есть главная идея, которая чётко объясняется тем, что мы излагали выше, повествуя об уникальности данного музейного объекта. Мы осмелимся утверждать, что сейчас Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского можно назвать «заметной фигурой в истории культуры России». Таким образом, он оказывается одновременно и субъектом и объектом музея. Нам ценно знать, чем жили и дышали его предки. Но не менее любопытно, какими предметами художественного мира интересуется сам князь, воспитанный в среде, о которой теперь мы можем знать только из книг и фильмов. Нам важно, какой личностью он является и каков его «образ коллекционера».

И здесь культурологическая ценность проекта «Музей Н.Д. Лобанова-Ростовского» в том, что пока что для него не существует аналогов. В музее будут представлены архивные документы, посвящённые роду Лобановых-Ростовских, семейные фотографии, театральная-декорационная живопись Серебряного века, портреты, живопись наших современников, отечественных и зарубежных, редкие дореволюционные репродукции, сделанные русскими художниками для детей, книги, характеризующие интересы дарителя (история дома Романовых), журналы, говорящие о его научных предпочтениях в области минералогии, альбомы современной живописи, фарфор, фаянс, серебро, металл, автографы. Сейчас принято говорить о продуктивности междисциплинарного подхода во всей гуманитарной сфере. Вот именно этот подход и будет работать в экспозиции. Её идея — показать во всей полноте и во всех проявлениях «срез жизни», в котором существовали предки Никиты Дмитриевича, в котором существует он сам. Показать, как воспитала его среда, как расширили его горизонты жизненные препятствия, как сформировал он себя сам. Музей быта и музей истории, музей художественный и музей рода, наконец, музей индивидуальности. Тут место и фаянсовой ночной вазе из дома лордов Сидней (семья супруги Никиты Дмитриевича Джун), и семейному серебру Вырубовых (этому роду принадлежит мать создателя музея), и театральной афише, и фотографии с автографом. Эта многофункциональность обеспечит возрастающую ценность музейного объекта.

Сегодня мы не смогли бы предугадать, с какими целями и какого профиля специалисты будут обращаться к этому собранию. Можем только отметить, что «Германский дом истории» в Бонне тоже поначалу казался необычным, и ум рядового посетителя смущался: зачем делать музейным предметом дедушкины подтяжки и тётушкины капроновые чулки, устаревший холодильник или разбитую неуклюжую модель телефона? Теперь же этот музей, повествующий о работе мысли, технических разработках и их влиянии на жизнь людей — один из самых посещаемых в городе. Непохожим ни на что другое проектам неизменно тяжело проторить себе дорогу...

21-летний скульптор
Дмитрий Андреевич Астафьев
у бюста Лобанова-Ростовского,
глина. Москва, 2016 г.

Джун Лобанова-Ростовская

В заключение

Овидию принадлежат слова: *Artes molliunt mores*: искусства смягчают нравы, — «...а под их благодатным покровом кротость приемлют сердца, злобные распри бегут» (Письма с Понта, I,6,7-8).

Меценатство в России началось с XVIII века. Истоками благотворительности русских меценатов, бесспорно, были соображения весьма прагматические. Но рассудочность несколько не мешала деятельности ради самоотверженной любви к искусству и России. В России меценатство всегда считалось служением. Вполне земные, расчётливые люди действовали из общественных и патриотических побуждений. «Для того чтобы процветало искусство, — говорил Станиславский, — нужны не только художники, но и меценаты». Он и сам был промышленником, весьма удачливым, переделав доставшуюся ему фабрику золотой канители в ультрасовременную тогда фабрику электрических проводов. Однако же идеей его был не коммерческий театр, а приносивший убытки «разумный, нравственный, общедоступный театр». «И этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь», — скажет Константин Сергеевич. Во второй половине XIX века расцвет культуры во многом подготовил и сопровождал расцвет меценатства, трактуемого как сознательная идея улучшения жизни общества. Через столетие деятельность Н.Д. Лобанова-Ростовского служит нам знаком надежды на восполнение утраченных звеньев русской культуры, образцом отношения не только к искусству, но именно и прежде всего к жизни. Если совершится чудо и Музей Лобанова-Ростовского в 2018 году начнет свою жизнь в доме купца Шлякова, то помимо художественных и идейных соображений, он, несомненно, окажется привлекательным объектом для российских и зарубежных туристов, и неизбежно будет содействовать материальному благополучию города.

По отзывам в прессе и фейсбуке, по живым откликам людей, можно утверждать, что этот музей уже заинтересовал общество. До сих пор, по непонятным нам причинам, и, думается, намеренно, руководство Ростовского кремля любыми способами старается затягивать все этапы реконструкции дома, предназначенного для проекта, а, следовательно, и сам проект. Нам кажется, что и чиновники должны отнестись с большим уважением к его своевременному воплощению. Не затянулся бы «антракт в культуре», как в целом характеризовала современную ситуацию Паола Волкова, так, чтобы обернуться преждевременным её «обрывом», а русская традиционная культура для будущих поколений не оказалась бы «мифической страной», куда нет доступа, «о которой не загрезишь и во сне».

Русский мир без границ

Евгений Белодубровский

Белодубровский Евгений Борисович родился в Ленинграде в 1941 году. Литературовед, культуролог, археограф, библиограф, краевед. Окончил Литературный Институт им. А. Горького. Преподаватель литературы в средней и в высшей школе. Член Санкт-Петербургского союза ученых и Союза писателей Санкт-Петербурга. В 1997, 1999, 2001, 2003, 2007, 2011, 2015 гг. по приглашению Нобелевского Комитета присутствовал на церемонии присуждения Нобелевской премии в Стокгольме. Печатается с 1967 года в «Новом мире», «Звезде», «Неве», «Вопросах Истории», «Русской литературе», «Байкале», сборниках РАН РФ «Памятники культуры. Новые открытия», «День и Ночь», «Новый Журнал» (США), «Знамени», «Вестнике РАН РФ», «Родник знаний», «Уральский следопыт», «Весть», «Пламкъ», «Антени» (Болгария, София)

Мой Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

*(нефамильярные записки, мысли, вопросы и ответы на полях)
(реакция на интервью с Сергеем Дебижевым)*

Никита А. Толстой

Вот шагаю я из-под арки Главного Штаба вместе с высоким тучным штучным господином с тростью-палкой, в широком твидовом пиджаке в рубчик, в очках на затылке. Идём, веселимся в поисках его «Волги» — забыл, где оставил. Это (не трудно догадаться) с Вашего позволения, Никита, остроумнейший граф-не-граф — полиграф Никита Алексеевич Толстой собственной персоной, Ваш, кажись, родственник, профессор оптики и мой многолетний патрон, учитель всего на свете и самый доверительный собеседник почти до конца своих дней. Больше того, Вы оба знавали Александра Федоровича, последнего несменяемого премьер-министра России Керенского,.. а что там!? Но вся штука в том, что именно он, Никита Толстой, Ваш тёзка, лично свёл нас и (к моему счастью и благодарности) сблизил надолго перед Вашим персональным вечером¹ — лекции о вечере — лекции о русской живописи в эмиграции в особняке графа Стенбок-Фермора на Невском у Аничкова моста. Это был праздник, я ликовал и ликую до сих пор...

«Записки РАГ»

Правду сказать, заочно о том, что Вы, как говорится, существуете в природе (я уже об этом не раз рассказывал и даже писал и где-то печатал²) и о Вашем искусстве собирателя и знатока русской театральной живописи я и мои друзья, завзятые профаны-кофеманы и упёртые «неучи» вычитали из второго тома знаменитых «Записок русской академической группы в США» (1968), который я выменял в «Сайгоне» или купил за чирик, уже не помню. Потом мы подпольно в одном НИИ, где мой приятель служил курьером, на копировальной машине «Эра» изготовили несколько копий всех страниц, склеили и скрепили, и самиздат готов, мы — счастливы. Должен Вам сообщить (а заодно Вашим настоящим и будущим толмачам — биографам; вот, однако, идеальный случай, прямо в руки, факт что надо, замечательный, вкусный...), что та Ваша энциклопедическая публикация с перечислением имён русских художников, работавших для театра, с датами их жизни и с названиями главных постановок, для меня в те годы (и для нас, я же — расстрига) явилось тем же историческим фактом нашей культуры как появление романа Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» или прозы Марины Цветаевой и стихов Мандельштама ...

¹ 16 мая 1990 г. в ленинградском Доме журналиста.

² Кафе Сайгон. Соотечественники в Америке, Нью-Йорк, 2011, март-апрель. С. 73-75.

Н.Д. Лобанов и Е.Б. Белодубровский

Н.Д. Лобанов перед интервью с С. Дебижевым

ТВ интервью 9 июня 2016 г.

Но для зачина — несколько «родственных» фактов и фактиков ... Далёкий 1923 год. 10 декабря Альберт Эйнштейн присутствует в Стокгольме в качестве Нобелевского лауреата по физике, а я 10 декабря года 2003 года нахожусь там же только в качестве почётного гостя Нобелевского фонда; но мы оба во фраках (церемония — от гардероба и полночных танцев — не меняется согласно «Завещанию ...» с 1901 года) взятых напрокат в том же Гранд-Отеле где мы жили только на разных этажах и на банкете — другое меню и другие вина (замечу, что после этого банкета и обязательных танцев голодные фраки с дамами и малыми детьми бегут наперегонки в рестораны — подкрепиться по-настоящему, несмотря на ночь). Но это так, к слову (можно и выкинуть, уж слишком, как говорится «далёкий свет») ... Главное — вот оно: Альберт Эйнштейн был кумиром моей матери или, как сказали бы нынче, был её фанатом (в этом смысле она была отнюдь ой — как не одинока, им — легион Имя) ...

И вот — приходим к ещё более главному, мой дорогой Никита Дмитриевич. Именно это имя и эта домашняя легенда с участием Альберта Эйнштейна явились мне после нашей последней встречи с Вами в моём Петербурге в Вашем родовом гнезде, в гостинице под названием «Четыре Сезона», где я оказался свидетелем съёмки Вашего интервью (или, как Вы говорите, — допроса, что по жанру близко к истине, но только по жанру, не приведи Бог, иначе) с известным в стране телережиссёром и публицистом Сергеем Дебижевым. Причем, интервью не с глазу на глаз, не дуэль, не поединок, а совсем иначе. То есть — вопрос задаётся за кадром, ответ — в кадре, крупным планом, все эмоции на виду, такой «полиграф полиграфович», всё по правде-матке, как говорится «с подлинным, верно» ... Но именно эта очно-заочная игра в вопросы и ответы позволила Сергею Дебижеву (и он в этом преуспел) задавать Вам любые интересующие его (а значит и будущего зрителя) довольно сложные вопросы (касаемые истории, а не Вашей личности и личной жизни), но и в изложении им сути вопроса, подчас, очень пространном, длинном, тягучим, с учётом чужих мнений и версий на то или иное событие, с уходом в сторону и обратно, часто заглядывая в блокнот свой или общаясь с интернетом прямо «с колёс» — я заметил, что всё это для того, чтобы получить от Вас нужный ему (а значит на потребу телезрителя) ответ ... Причём, это было мастерски исполнено: поставленным голосом, безошибочной интонацией, правильной речью и т.д. ... Но почти всегда Ваш ответ, дорогой князь, был совсем иной — неожиданный и точный, минуя общие слова и всем известные прописные истины (кто нынче только не пишет о мировой войне, об этой безумной кровавой бойне, кто только не пытается понять в чём же был смысл, заинтересованность и прямая выгода здесь и для царской России и — мировых держав, а воз и ныне там ...). У меня нет прав цитировать Ваши ответы и его вопросы (а это был настоящий урок по русской истории — от августа 1914 до июня 2014, скажем для крепких десятиклассников моего поколения) до передачи в эфире и даже в моём изложении (может быть Вы сами опубликуете некоторые Ваши ответы в приложении к моему очерку, Вам это будет, как говорится «с руки», просто как автору) ... Скажу лишь, что Вы сумели упредить и даже сбить с толку

Вашего интервьюера, который почти в каждом своём вопросе о войне и мире, о Царе-батюшке и об Ильиче, об Англии, Германии, Штатах, Японии, Италии и в их правителях видел настоящих заговорщиков (чуть ли не масонов, хотя это именно слово не было произнесено, оно витало в воздухе). Он говорил о заговорах, шифрах, интригах, мистике, фанатизме — самое близкое и самое съедобное удобоваримое варево для наших современников — то, что называется «кушать подавно». ... Ан-нет! У Вас в каждом ответе присутствовал главным образом человеческий фактум. Вы обращали Сергея (а значит и его не взыскующего истины зрителя) к личности конкретной, что он из себя представлял как человек... И уже потом объясняли смысл и умысел совершённым им деяниям. Вот в чём загадка и разгадка, вот где царит заговор — в душе, в слабости самого человека, получившего власть над людьми и страной, получившего её по наследству, или взявшего — силой и обманом...

Что и требуется доказать! Я был счастлив наблюдать Вашу дуэль (не совсем по правилам). Я видел, как менялся голос Сергея Дебижева, как его убеждённость в своём мнении о том о сём почти улетучивалась. Он сопротивлялся, терял нить, перескакивал от темы к теме. Это уже была игра в одни ворота, когда при столкновении или в споре одна из сторон явно сильнее и поэтому побеждает...

И ещё одно наблюдение, поразившее меня в тот час с лишним. Вот гостиная — мраморы, диваны красного дерева, плюш, бархат, хрусталь, лепнина, бронза, портьеры, паркет — внешне всё как было здесь прежде в дооктябрьские времена у Лобановых-Ростовских, благо сохранились документы и фотографии, всё вроде бы настоящее... Но неуловимое, не живое (боюсь признаться самому себе и обидеть Вас) необъяснимо зовёт меня поскорее покинуть этот оазис... Одно — навсегда: вид этого дома, эти львы моего детства и Александровский сад, фонтан, не тускнеющий шпиль Императорского Адмиралтейства и кораблик, вот уже, сколько веков весело парящий над моим родным городом и своим присутствием не дающий быть Петербургу — пустым...

И ещё Вы, мой дорогой весёлый насмешливый взыскующий человек слова и дела, ироничный князь Никита Дмитриевич, балетоман, экономист, денди, владеющий несметным количеством пиджаков, галстуков, башмаков и запонок, знающий толк не только в живописи, но и в бумажнике; князь Лобанов-Ростовский, говорящий на многих нужных ему для общения и бизнеса языках (плюс самый родной, неумирающий русский так называемый «мета язык», короче «блатной», который не уступает ни одному в точности, прелести, образности и крепости и на котором можно легко объяснить самые сложные проблемы и обстоятельства) и вообще, Вы мой избранный друг, самая большая умница ... И последняя, как сказал бы Достоевский, «нота» — из доброго моего детства, когда я частенько жил у своей тёти Хаи на Суворовском проспекте, старшей сестры моей матери, знающей толк в том как жить — не тужить... Как-то на вопрос своей соседки Клавдии, которая всё время считала себя на выданье, каким же должен быть в идеале настоящий жених, она ответила, подняв седую голову с потешным пучком седых волос на макушке и помешивая тесто в кадке для мацы (я — свидетель этой картинки): «высокий, стройный и... (пауза) инженер...»

Чем не Ваш портрет? поздравляю...

И ещё одно воспоминание, хоть из давнего, но без этого — картина всё ещё не полная...

Как-то, в эпоху гласности и т.н. «нового мышления» в Санкт-Петербурге (он был, ещё Ленинградом) на большой пресс-конференции в Союзе учёных на Университетской набережной, посвящённой к подготовке к будущей конференции о взаимодействии культуры и науки в период перемен, на вопрос ко мне заядлой журналистки — дамы назвать двух самых выдающихся исторических деятелей XX века в России — я ответил коротко: Керенский и Горбачёв. Не успела скромная публика как-то переварить мой ответ, как та же дама вновь выбросила руку и попросила уточнить персонально, что я с удовольствием сделал...

— «Да! Это Александр Керенский, за 8 месяцев свободы в 1917-ом и Михаил Горбачёв за свержение большевизма и т.н. «новое мышление» в 1985–90-х. Две эпохальных попытки возрождения России».

— А конкретно — не унималась настырная дама — назовите имя хоть одного человека, лично... с которым непосредственно связано торжество горбачёвской эпохи конца 1990-х в области, скажем, культурного возрождения России.

О Никите

– Без проблем! Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, известный собиратель и коллекционер театральной живописи и графики русской эмиграции! И это правда... Посудите сами. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский — проживающий в Англии, гражданин США, коренной прямодушный русский интеллигент, богатейший и кошельком и душевной щедростью, учёный-геолог. Несмотря на то, что в юные годы ему пришлось пережить тюрьму, карцер в пост-советской Болгарии, работу чистильщиком ботинок, подбирающим окурки на улицах Софии, совершить дерзкий побег, он сумел выпрямиться, выучиться, стать чемпионом среди юношей Болгарии по плаванию, стать крупным учёным-нефтяником и собственным трудом сколотить, как он говорит, деньги и авторитет в банковском мире Европы и Америки. В течение более полувека (1958-2009) он мотается по миру с единой целью — собрать и сохранить для родины своих предков коллекцию русской театральной живописи и графики и возродить имена творцов-созидателей, обречённых на изгнание и забытьё.

И какая должна быть сила духа у человека, чтобы все эти годы верить и знать, что рано или поздно, такие времена настанут, когда на родине реабилитируют забытый пласт отечественной культуры.

А искренняя вера — это особый дар, как и природный талант Никиты Дмитриевича, как собирателя, который в сочетании с талантом предпринимателя и учёного — бизнесмена позволяет правильно определять и оценивать то или иное произведение искусства, а также расположить к себе его владельца или случайного продавца-перекупщика.

И я смею утверждать, что после Третьякова, Сергея Дягилева и Николая Бенуа, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский достоин именоваться меценатом в самом высоком первоначальном смысле этого слова. Вот пришли новые времена. И, по крылатому выражению застрельщика нового мышления М.С. Горбачева, «процесс пошёл», мечта Лобанова — Ростовского сбывается. Его уникальная коллекция возвращается на родину. Постепенно обретая родную крышу, кров, музейные подмошки, а сам ревностный собиратель и хранитель — искреннее признание, награды, благодарности соотечественников, ценителей искусства и властей...

В декабре 2008 г. Никита Дмитриевич продал в Петербург значительную часть своей коллекции. С одним непременным условием: полная сохранность, целостность, открытость и доступность всех без исключения экспонатов его коллекции (как известно, уникальное собрание Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской хоть вернулось в Петербург, но тут же оказалось закрытой для широкой публики под семью печатями).

Таким образом после стольких лет изгнания и утрат перед взорами петербургских ценителей русского театра начала 20 века, студентов-театроведов и искусствоведов предстали имена и творения таких забытых художников русской эмиграции как, скажем, Михаил Федорович Андреев-Нечитайло или Павел Челищев, Соня Делоне (Тёрк) или Александр Серебряков, Николай Ремизов (Ре-ми) или Георгий Пожидаев, Сергей Чехонин или князь Александр Шервашидзе. Это не говоря уже о работах таких, более известных нам ранее, мастеров театра как М. Шагал, Л. Бакст, А. Экстер, М. Гончарова, Н. Ларионов, С. Судейкин, П. Анненков, Б. Григорьев, М. Добужинский, А. Анисфельд, Л. Попова и др...

Кафе «Сайгон»

Для меня же лично имя Никиты Дмитриевича как собирателя и знатока русской живописи было знакомо задолго до нашей личной встречи.

Тут есть история. В самые лихие брежневские времена застоя и цензуры в тогдашнем Ленинграде в центре, на углу Невского и Владимирского проспектов существовало кафе «Сайгон». Здесь с полудня и до позднего вечера толкалась всякая мастеровитая деклассированная рабочая молодежь и всамделишная юная философическая поросль. Теперь это — общеизвестно ...

Тон там задавали поэты и художники, но были и музыканты, артисты массовок, первокурсники, бездомные шалопаи, курильщики всякой дряни и собиратели всякой антикварной всячины ... И всё сплошь гении и эрудиты (да и на самом деле — большинство действительно интересовалось искусством, литературой, музыкой, театром). Так и было, поверьте!

Я был там завсегдаем! У меня был свой круг «посвящённых», круг друзей — единомышлен-

ников, которые, помимо любви к крепкому кофе и кофейному духу общенья, поимённо и почти что построчно знали стихи Марины Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама. «Звучали» для нас и имена Пикассо, Филонова, Дали, Дягилева, Платонова, Ходасевича, Хармса ... Как ни крути, а «Голос Америки» и русское западное радио было «нашим» радио. Никакой особой политики, мы желали одного, чтобы нам никто не мешал ... Вполне доступен нам был и самиздат.

И вот однажды ко мне попали машинописные «Окаянные дни» Бунина, удивившие меня необыкновенно! Не столько содержанием: что к чему и кто такие большевики мне было ясно давно, сколько сам автор. И на какое-то время «такой» Бунин, «эмигрант» и публицист занял все мои мысли: уж слишком резким и непохожим здесь выглядел Иван Алексеевич — художник слова, прозаик, певец страстной любви, деревни и русской природы.

И тут случилась оказия! Счастливая!

Как известно, в «Сайгон» нередко заходили «высоколобые» — это книжники, букинисты и просто перекупщики. Не многие из них читали то, чем торговали (букинисты и книжники — те, знали и нас, закоперщиков, уважали, принимали заказы). Мы — вполне дружили. Там тоже был свой круг. Они обретались на противоположной стороне Литейного, в ближних магазинах старой книги, проходных дворах и подворотнях, от угла Литейного до громадного серого «Дома Нефти» (бывшего Департамента Министерства Юстиции, где, к слову сказать, 9 мая 1899 года крестили в «прилагаемой» Церкви Святого Спиридона мальчика по имени — Владимир Набоков).

И вот один из книжников с Литейного, узнав что я интересуюсь зарубежным Буниным предложил мне купить у него за два сороковника (деньги для меня довольно большие) два с в е ж и х тома т.н. «Записок русской академической группы в США» за 1968 и 1969 годы (мог ли я думать в конце 60-х, что в моей стране настанут такие времена, когда сам Евгений Львович Магеровский, профессор русской истории и соредактор этих самых «Записок ...» в 1993 году в своей квартире на Лексингтон Авеню, 78 в Нью-Йорке вручит мне в подарок свеженький, только что из типографии 25 том «Записок...», посвящённый «Русской религиозно-философской мысли и А.А. Фету по случаю столетия его смерти»).

<...>

Самым же значительным (и — неожиданным) сюжетом в этих двух серых крапчатых (обложка мягкая, дешёвая «под обои») американских томиков стал большой очерк — исследование о русской театральной живописи начала 20 века. С биографическими справками и библиографией (совершенно меня поразившей, о чём речь — впереди!). Признаюсь, что в те мои страстные годы профессиональная музейная живопись меня не сильно интересовала; разве что залы Русского Музея, где я назначал свидания своим знакомым барышням у известных картин известных художников (преобладал репинский портрет Льва Толстого в блузе и босиком).

Автор «живописного» очерка был «некто» Н.Д. Лобанов. Правда сноски тут же назвала эту фамилию полностью «Н.Д. Лобанов — Ростовский». Вскоре из своего «Брокгауза» я вычитал, что наш автор наверняка принадлежит к славному княжескому роду Лобановых — Ростовских. И никак иначе ...

В конце краткой т.н. «вступилки» князь Н.Д. Лобанов — Ростовский имеющих уже печатных работ на русском английском и немецком языках но и на основании собранной автором коллекции старых театральных программ и афиш и его разговоров и переписки с рядом русских художников или членами их семей».

Всё так и не совсем так!» Ибо исследование князя Никиты Дмитриевича Лобанова — Ростовского явилось едва — ли не первой («пионерской») работой по истории русской зарубежной театральной культуры, причём историей «в лицах и положениях», изложенной на отличном русском языке. Для меня же, повторюсь, большинство художников, эмигрантов, картин, галерей, зарубежных музеев и так далее, названных в очерке были и вовсе в новинку. Кроме «хрестоматийных» имён Репина, Куинджи, Врубеля, Рериха, Билибина, Бенуа, Добужинского, не говоря уже о Николае Павловича Акимове и его жене — актрисе Елене Юнгер, которые жили в Кирпичном переулке, рядом с моим домом и были постоянными покупателями моей Мамы работавшей в то время кассиршей в знаменитом Елисеевском магазине.

Сейчас совсем нет нужды пересказывать содержание этого уникального (для того времени) «лобаново — ростовского» энциклопедического очерка — исследования. Стоит отметить

Профессор Никита Алексеевич Толстой и Н. Лобанов на выступлении в «Доме журналиста», Ленинград, 16 марта 1990 г.

лишь одно обстоятельство, одно скромное действие, предпринятое мной в отношении сего мемуара. Речь идет об упомянутой мной выше библиографии («SELECTED BIBLIOGRAPHY») по истории русского театрального искусства, кропотливо составленной Никитой Дмитриевичем. Шутка ли? Более трёх сотен названий книг, журналов, отдельных статей, персоналий... Вот эти — то всего пять ценнейших страничек мелкого убористого английского текста я, при содействии одного моего приятеля — кочегара котельной нашего «Института Культуры», тайно отпечатал и размножил в полтора десятка копий на допотопной по нынешним временам копировальной машине «Эра».

И я одаривал ею своих единомышленников из числа «сайгонских» искусствоведов и художников...

Персональный вечер

Сейчас же не без гордости я вспоминаю 16 мая 1990 года ещё в Ленинграде, когда в Доме Журналиста профессор Никита Алексеевич Толстой и ваш покорный слуга вели первый персональный вечер князя Никиты Лобанова-Ростовского, где публика впервые увидела (в слайдах) уникальные творения великих мастеров театральной графики и рисунка. Потом, лет так через пять-шесть была моя встреча с Никитой Дмитриевичем в Лондоне в его гостеприимной квартире. И вот теперь 24.09.2009 — на недавнем вернисаже в новом Петербурге в честь открытия выставки его собрания в Театральном музее...

Кстати сказать, тогда же, в Сайгоне, автор открывшегося мне столь монументального очерка по русскому искусству и живописи казался мне (заочно) таким кабинетным седым и значительного его вида и положения — старцем. Но каково же было моё «разочарование», когда в нашем Фонде Культуры, что на углу Невского и Думской улицы, появился стройный моложавый спортивного сложения мужчина, настоящий денди средних лет с открытым удивленным насмешливым ироничским взглядом уверенного в себе человека, который с первого же мига и на долгие годы расположил нас к себе...

И тогда и всегда я задавал себе вопрос — кто же князь Никита Дмитриевич, конкретно. Ибо он и строгий учёный, и профессор геологии, и пловец, и коллекционер, и зек, и бизнесмен, и гурман, и знаток женской красоты, вина, кубинских сигар... И как-то в недавней беседе я решился спросить его: кто же Вы, Никита Дмитриевич? По преимуществу, что явилось залогом Вашей жизни и карьеры...

Ответ был один: «Я свободный, независимый и счастливый человек».

Вопросы к Эйнштейну

Теперь от лирики (по заказу) к главному.

Откликаясь на Вашу просьбу-заказ высказать своё отношение обо всём услышанном и увиденном 9 июня 2016 г. в полдень в Вашем родовом дворце — а ныне отеле, — я, кроме этого, решил взять на себя роль Дебижева и задать Вам (письменно) несколько главных вопросов (главных — ибо готовящийся госпожой Алпатовой сборник статей и так далее, под условным названием «Обо всем» в некотором роде — итоговый), которые задавали в разное время разные люди самому Альберту Эйнштейну. Вот потеха (это слово хорошее, не ходульное) вот праздник ума и живых не традиционных решений и изящества мысли... И мне важен именно Ваш ответ (как, стало быть и Дебижеву, отнюдь не дураку...). Никакого подвоха, хотя истина что все сравнения — хромают. Короче, как гласила заповедь, бытовавшая среди евреев — витеблян (т.е. в Витебске Шагала и Пена) «не ищите там, где ничего нет, а где есть». А есть то, что я увидел (вычитал) в ответах Альберта Эйнштейна сходство с Вами в отношении понятия о смысле жизни, как таковой, жизни деятельной, сложной не без печалей и утрат, как её пытался познать и понять Лев Толстой, постоянно мучившийся вопросом как «исполнять свою земную обязанность ... без точки веры в себя, в важность дела... когда... не достаёт энергии заблуждений, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя...» (см. письмо Н.Н. Страхову от 8 июля 1878 г.). Так вот у Вас обоих (два в одном) в этом смысле всё с точностью — наоборот. То есть у Вас этой «энергии заблуждения», как говорится, «выше крыши»... И ещё больше — самоиронии. Причём, при полном отсутствии самолюбования, чем, подчас так грешил Лев Николаевич...

Так держать, Никита Дмитриевич!!!

И я уверен, что с той энергией заблуждения и с той же верой в себя и с тем же неиссякаемым запасом иронии и насмешкой над жизнью и возрастом жил и творил мой Альберт Эйнштейн (не говоря уже о том, что Вы оба в разной степени, но с той же болью испытали остракизм властей и невыносимое бремя изгнанничества).

Повторяю, в моей идее — никакой корысти, лукавства или — похвальбы, от которых можно легко сей минут отмахнуться и забыть ... Ваше слово, товарищ...

Итак — вопросы, мысли, ответы и избранные афоризмы Альберта Эйнштейна!!!

Вопрос первый, Никита Дмитриевич: Прав ли был Альберт Эйнштейн, ответив на вопрос молодого студента-богослова о миссии Библии: «Библия — миф, наполненный жизнью» ... А Ваше мнение?

Ответ: Да, я стопроцентно согласен с ответом Эйнштейна. О том, что Библия — миф для многих, в этом нет сомнения. Посудите сами. В первой главе Бытия (строчки 26-27) указано, что господь создал в шестой день одновременно Адама и Еву. А во второй главе Бытия (строчки 21-22) указано, что Еву создали после создания Адама из его ребра. Оба несоответствующие описания указывают на создание жизни, не только наших родоначальников, но всех живых тварей. Так что, да, «миф, наполненный жизнью».

Вопрос второй от одного журналиста-политолога Эйнштейну, когда тот прибыл в США: «Справедливо ли было сказано о нём, что он де, как учёный и мыслитель, и пацифист, «правлящий монарх разума»? Что Вы, Никита, думаете о таком так называемом «монархизме»?

Ответ: Безусловно, Эйнштейн долгие годы был выдающимся, если не единственным, гением науки начала XX в. И он был правящий монарх разума, повлияв на развитие науки. Но он никак не годился бы на роль монарха как политического вождя, где требуется прагматичный ум и способность принимать решения, которые часто противоречат морали и пацифизму.

Вопрос третий: «Чем занимается наука и что лежит в основе научного знания» Эйнштейн ответил, что, мол, основой всех естественных наук и искусств является вера человека во внешний мир, не зависящий от воспринимаемого его субъекта. Так ли это или справедливо для той ушедшей эпохи без компьютеров и мобильной связи?

Ваш ответ, Н.Д.: Не ответив на вопрос, чем занимается наука, Эйнштейн определил, что в основе научного знания лежит убеждённость в объективности внешнего мира, не зависящего от воспринимающего субъекта. Я не вижу, как компьютеры и сотовые телефоны влияют на эту аксиому.

Эйнштейн о большевиках и о Ленине: «их власть постоянно паразитировала на пустом желудке граждан и мнимом патриотизме (очень похоже на сегодня)...

Ваш ответ: Пустые желудки граждан меняют политические установки их стран. Ульянов и власть большевиков пользовались «пустыми желудками» для управления страной. Что он был мнимым патриотом — очевидно, ибо отдал более четверти Российской империи уже истощённой от войны Германии при заключении Брест-Литовского мира с целью, чтобы самому удержаться у власти.

Вопрос Эйнштейну: ...Правда ли, что главной проблемой науки — должна быть забота, как сделать лучше жизнь простого человека? Но, как? И что значит — простой человек?

Ответ: Нет, я не думаю, что главной задачей науки является забота, как улучшить жизнь простого человека. Последнее — не задача учёных, а задача политиков. Этим девизом они заманивают избирателей (простых людей), обещая им лучшую жизнь для всех при условии, что их выберут. Помимо понятия «избиратель», я не достаточно тонко знаю русский язык, чтобы ответить о значении понятия «простой человек».

О вере и религии. Эйнштейн: «Это детская болезнь человечества» и человека и... «почитание силы, стоящей за тем, что поддается нашему осмыслению»... «Я верю в бога Спинозы, который проявляет себя в гармонии всего сущего, но не в Бога, который заботится о судьбе и действиях людей».

Ответ: Я думаю, что Эйнштейн ответил правильно в другом интервью, что религия — есть «почитание силы, стоящей за тем, что поддается нашему осмыслению». Эйнштейн несомненно разделял его точку зрения об абстрактной концепции Бога, отождествляя его с гармонией всего сущего. Как русский, я разделяю эту точку зрения

Эйнштейн о бессмертии души: «Мне достаточно и одной жизни».

Ответ: Конечно, Эйнштейну очень повезло, что он довольствовался одной жизнью. Миллиарды жителей нашей планеты разных вероисповеданий верят в продолжение жизни в разных ипостасях. «Блаженны верующие, ибо есть у них Царство Небесное» (Матвей 5:3).

Эйнштейн: «Человек может поступать так, как пожелает, но не может желать/жить исключительно по своему желанию».

Вы: «Мой ответ прост: это не подлежит обсуждению. Это наш удел по аксиоме.

Эйнштейн: Сами довольствуйтесь малым, а другим давайте много.

Н.Д.(совершенно замечательный ответ — прим. наше!): Как аксиома это звучит уважительно. Но это противоречит человеческим инстинктам, которые мотивируются: 1) самосохранением (пища, крыша и т.д.), 2) размножением, 3) накоплением добра. Смысл этого напутствия Эйнштейна воспринимается как библейская заповедь: основы человеческой морали должны быть важнее «исключительно личного». Но естественно возникает вопрос: всякое ли благое деяние благотворно? Под конец жизни, не имея наследников, я раздаю другим больше и больше, часто не разумно. К примеру, я подарил Музею Ростовского кремля предметы искусства на более полтора миллиона евро; но уже второй год музей не может справиться с реставрацией дома Шлякова под дом-музей Лобанова-Ростовского, а я старею и боюсь не увидеть дня его открытия, если он когда-нибудь будет.

Эйнштейна часто спрашивали: Свободны ли люди в своих поступках?

Н.Д.: Да, люди относительно свободны в своих поступках. Абсолютную свободу можно найти, живя в джунглях. Например, в сегодняшней России (беспрецедентно за последние 400 лет) люди имеют выбор, что до сих пор не предвиделось в стране. Пренебрегая основными моральными человеческими аксиомами, сегодня в России можно преуспеть, а прибавив пренебрежение к социальным законам, достичь благосостояния. А те, кто не хотят идти на моральные и светские компромиссы, могут вести незаметную и незначительную жизнь и скончаться естественной смертью.

Вопрос: Всегда ли наука или искусство или поэзия несёт ответственность за свои поступки?

Н.Д.: Да, всегда наука (физика), искусство и поэзия должны нести ответственность за свои поступки. Эта ответственность может быть моральной в теократиях (как Саудовская Аравия или Израиль) или же социальной в странах «политической корректности» и автократиях как Турция и Россия.

И последний вопрос, который я выудил из массы интервью великого провидца и остряка: Если бы Вы, господин Эйнштейн, приняли участие в спиритическом сеансе — чей дух был бы вам ближе — скажите. Ответ был прост и гениален: я не могу отвечать на этот интересный вопрос, будучи в смокинге в ожидании ужина с дамами и с их мужьями...

Ответ: В юности я принял участие в спиритическом сеансе. Вызывал дух Данте Аллегьери. Он мне ответил, что поскольку я хоккеист, мне предназначен 9-й круг ада, где царит лёд. Привлекательность этого круга в том, что будучи на границе с 8-ым, из него можно беспрепятственно наблюдать всё то, что изобрёл Иероним Босх и его последователи в своей живописи, которую я уважаю.

Без комментариев.

Я только лишь могу поздравить себя (как в детстве — ущипнуть себя за ухо)... что судьба, чуть ли не навеселе, «от пуза», как за здорово живёшь, мне подарила (не надо быть Эйнштейном или Барухом или Исааком, чтобы понять, что жизнь — подарок и не свыше, а тут рядом, как калач под ёлкой, счастливый трамвайный билет, как пуля — дура...) радость и сильное трогательное беспокойство в дружеских, окрылённых крепким словом — встречах и застольях с Вами, дорогой Князь Никита Дмитриевич:

— профессором химии (Ломоносов гордился, когда его так величали);
— искусствоведом; балетоманом; мемуаристом; философом;
— лингвистом, специалистом по словарю блатных, русских дворников прошлых времен и современных бомжей;

— русистом; музееведом; политологом; крепкословом; афоризмитом; финансистом; публицистом;
— пловцом на открытой воде;
— стройным в мыслях, пиджаках, штиблетах и бабочках.

И, наконец, главное:

— смелым; крепко сложенным;
— верным мужем госпожи Джун

а также:

— умелым; внимательным; насмешливым; серьёзным;
— ироничным собеседником (в скобках): даже приятелем, типа меня — смерда с набережной реки Мойки — угол Невского и мне подобным...

от

горничной; работяги на приисках; кассира в банке; кельнера; парикмахера; спортсмена;
фотографа; зеваки; журналиста — телевизионщика; актёра — статиста; подённого газетчика
до

президентов; банкиров; министров; первосвященников
царедворцев, мэров, дипломатов, парламентариев и париев всякого рода, племени и пошиба

НА СВОЙ ВЫБОР И НА СВОЙ КОШТ

За сим: искренно Ваш Евгений Борисович Белодубровский

Июль–октябрь 2016.
Петербург — Лондон — Ленинград

Русский мир без границ

Берега Латвии

Александр Якимов

Александр Якимов, редактор-составитель антологий «Русская поэзия Латвии. Конец XX — начало XXI века», «Русская поэзия Латгалии. Конец XX — начало XXI века», автор сборника «Книга стихов» и литературно-художественного посвящения Даугавпилско-Резекненской епархии Латвийской православной церкви «Колокольный звон, плывущий...», ведущий Латгальского поэтического вестника (газета «Сейчас») и Резекненского поэтического вестника (газета «Панорама Резекне»). Депутат 10, 11, 12 Сеймов Латвии. Участник и лауреат первой премии Международного фестиваля православной песни и духовной поэзии «Вера, Надежда, Любовь» в Сыктывкаре 2013, 2014, 2015 и 2016 годов

Рождество Богородицы

Главными только словами и вечными,
Теми, что в памяти каждого водятся,
Славим рожденье Твоё, Богородица,
Дева Честнейшая и Безупречная!

Хладного мира Заступница тёплая¹,
Благословенная, Пренепорочная!
Вечными славим, а значит, и точными,
Крыльями воздух, что режут, не хлопая!

И беспорядочно в сердце не тычутся,
Но пребывают в молитвенном бдении —
Только такими словами рождение
Славим Твоё, Пресвятая Владычица!

Только такими, Царица Небесная,
Могут рождению быть славословия,
Без исключения и без условия —
Всеми понятными, общеизвестными!

В сердце которые тянутся, сходятся,
Кротко в пути по дороге из памяти
Бури минуют и снежные заметы,
Славить рожденье Твоё, Богородица!

Русь святая

Перед взором дальний взгорок
К солнцу маковкой прилип

И бежит туда просёлоч,
И обочина из лип.

Слева — ветхая церквушка,
Справа — колокольный стан,
А над всем речёт кукушка,
Не сбиваясь, не устав...

Поседел бурьян от пыли
В ожиданьи струйных гроз,
Знойный вечер мысли взмылил,
Тенью к памяти прирос...

Мнится поступь переходящих,
Ищущих ночлег калик,
Вижу, чувства расстроеножив,
Каждого смиренный лик.

Первый сумрак сделал ломким
Посохов неясный штрих
И почти размыл котомки
С подорожным скарбом их.

Посеревшие от пыли
К силуэту силуэт...
Или тени так поплыли
От кустов, а их там нет?

Или на просёлка скатерть
Льётся так топлёный зной?
Или солнца луч в закате
Заиграл, вдруг, новизной?

¹ «...Тёплой заступнице мира холодного» — строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва».

И его резные блики
Так дневной тревожат прах...
...Но отчётливее лики,
Посохов дорожный взмах!

И вперёд, в рассвет бредущих
Песни трепетная грусть
С каждым шагом ближе, гуще!
Чую — там Святая Русь.

* * *

Его нет здесь; Он воскрес, как сказал.

ЕВАНГЕЛИЕ от Матфея

Уже поблѣк закатный глянец
И день собрал дорожный ранец,
Уже до самых дальних мест
С Голгофы тень бросает крест.

И камнем вход привален гроба,
И строго смотрит стража в оба,
И в камень врезана печать,
И страже велено молчать.

Но будет яркий свет и пламень
И Ангел отодвинет камень,
И возвестят его уста
О Воскресении Христа!

И в страхе онемееет стража,
И будет пущен слух о краже,
Но в слухе разойдутся швы,
И явится Христос живым!

...Как и тогда, так и сегодня
До Воскресения Господня
Вечерне разлинован день
И никуда не делась тень.

И сладко знать — звенит дорога
И Весть Благая у порога,
И коротать земные дни
Креста в спасительной тени.

* * *

Сию чугунную картечь
Нашли напротив замка в Лудзе:
Сидящий в нём в осадных узах
Врага хотел предостеречь...

Кто был в то время у руля
У осаждённых и снаружи?

Не важно. Становилась туже
Для всех Ливонская петля...

... Ругаясь, или же брюзжа
На то, что дым пожарищ едок,
Быть может твой далёкий предок
Картечью пушку заряжал...

Ах, этот наш Царьградский путь...
А с ним и беды все, и пути —
До первой, до Великой смуты
Нам оставалось лишь чуть-чуть...

...Пушкарь смахнул слезинку с век, --
В дыму осадном было сколь их?
Но до церковного раскола
Неполный оставался век.
А время продолжает течь!
И вот уже в твоей ладони,
Как вышедший весною донник,
Лежит та самая картечь!

Покров

Покров! Зима не за горами,
Привычная для глаза мгла,
Струющаяся вверх парАми,
Отяжелев, изнемогла.

И дню быть вновь бы монотонным,
Не разгони сейчас звонарь
Сзывающим на службу звоном
Ненужную сегодня хмарь.

Покров! Какие с ним приметы
Людьми облачены в слова?
К чему в листву ещё одеты
Спешащие в храм дерева?

А над октябрьскою голью
К чему клин журавлиный грудь
Наполнил звоном колокольным
И далее продолжил путь?

Покров! Как прежде, так и ныне,
Слились, как ручейки воды,
В просёлочной ко храму глине
С другими и мои следы.

Спешу под колокольным кличем,
Ведь в повторениях нова
Дерев, моя жизнь, стаи птичьей —
От Покрова до Покрова!

Я. П. Кульнев¹

Одна положена истома
Для бранной сечи и для бала,
И как она была знакома
Для боевого генерала!

Балам и битвам вечно длиться!
Ведь мышцы крепкие не дрябли,
Ведь жизни собственной страницы
Переворачивались саблей!

Ведь помыслы все -- об Отчизне!
В гусарском рейде быстроконном,
Жаль, не случилось в этой жизни
Ему пленить Наполеона...

Сколь в этой цели благороден!
И друг о друге знали оба...
Ничто не поменялось, вроде,
Для них и там, за крышкой гроба.

Нога надёжно вдега в стремя,
Рука -- уже на конской холке,
А время... Что такое время?
Бокала звонкие осколки!

* * *

Что рассказать об этом дне?
Он старым свитком в трубку скатан,
Он догорает на огне
Скупого на угли заката.

Листвою жухлою шурша,
Всё вынесла и претерпела
Его усталая душа
И износившееся тело.

Он тьмы и света на меже!
Он — семя, брошенное в пашню,
Он смотрит в завтра, и уже
Вечерний и почти вчерашний.

Он — всадник! Тот, что на скаку,
Расставшись с собственной тенью,
Во временную пал реку
И увлечён её теченьем...

¹ Яков Петрович Кульнев, генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 года, на которой и погиб. На его смерть Наполеон откликнулся в письме к Жозефине словами, что ему сообщили о гибели лучшего русского кавалерийского офицера Кульнева. Уроженец г.Люцин, ныне г.Лудза Латвийской Республики

**Памяти благоверного великого князя
Александра Невского**

1

Тёмная и неживая звезда,
Хлеб не рождающая борозда,
Плоть до кости рассекающий бич,
Испепеляющий яростью клич,
Стойбищ бесчисленных дым от костров,
В скрипе колёсном кибиточный кров,
В пыль превращающая города
Дикая степь, Золотая орда!

2

Шею стянувший удавкой ясак²,*
Бегство людское от тягот в леса,
Горестный плач уводимых в полон,
Знати поездки в Сарай^{3**} на поклон,
Хлад с пустотою в глазницах жилищ,
Ветром носимая гарь пепелищ...
Господи, стонущей в бедах Руси
Люди твоя сохрани и спаси!

3

Распри гасить, усмиряя уздой,
Ханов от гнева удерживать мздой,
В меньшем размере выплачивать дань,
Римского папства отбрасывать длань,
Западные охранять рубежи,
Каждым пленённым Ордой дорожить,
Жизнь возвращая в родимый предел, --
Сильного верой и духом удел!

4

Тот, кем осушена чаша сия,
В сонме святых над страной просиял,
Князь Благоверный, заступник и страж
Ныне -- небесный молитвенник наш.
К нам обращённый с икон его лик --
Словно Руси Древней солнечный блик!
К князю взываем словами молитв
Бога о нашем спасеньи молить!

5

...Саночный полоз вгрызается в снег,
Князь Александр забылся во сне:
Болен, отравлен ли ханом в Орде⁴ —
Кто это знает и сведенья где...

² Подать, дань

³ Столица Золотой орды

⁴ Предположительно был отравлен во время последнего пребывания в Орде.

Упряжи в дугах печалится медь,
Вьётся над конскими спинами плеть.
Княже, сторонка родная близка,
Смертную сень отведи от виска!

Гравёрской церкви

Этот храм на горе, над притихшей округой,
Над домами людей, над дорогой упругой,
Освящён в честь того, кто для славы Господней
Сверг с небесных высот до глубин преисподней
Падших ангелов сонм во главе с сатаною,
В ратоборстве разбив и ряды их расстроив.

Этот храм, словно страж, не смыкающий вежды,
Облачённый людьми в расписные одежды,
Освящён в честь того, кто Божественной волей
В иерархии ангелов чином всех боле,
Кто стоит во главе Сил Небесных Бесплотных
И кого на земле чтим надёжным оплотом.

Этот храм, что когда-то сперва был построен
Для людей, что привыкли к командам и строю¹,
Освящён в честь того, кто солдатам в понятном
Там, на небе, и сам в одеянии ратном,
И готов, как и первые здесь прихожане,
Постоянно к походу и к воинской брани.

Этот храм, с разносящимся праздничным звоном,
До сердец доходящим людских без разгона
От рожденья всего по прошествию мига,
Освящён в честь небесного архистратига
Михаила, а с ним и Бесплотных Сил прочих.
Сколь же он в основаньи надёжен и прочен!

Крещение Господне

Вместе со всеми пришёл к Иордану
Принять крещение от Иоанна.
Молвил последний в великом смущеньи:
«Мне от Тебя подобает крещенье».
И невозможно ответ нам не помнить:
«Всякую правду должны мы исполнить».

Вместе с взыскавшим спасенья народом
Входит в бегущие чистые воды.
Там, возлагая ладони на плечи,
Крестит к нему обращённых Предтеча.
Можно ли это забыть хоть на время –
Принял крещение вместе со всеми!

Не оставаясь, грехов в покаянье,
Перед Крестителем в водном стояньи,
Вышел из вод, расступившихся в беге,
И погрузился в молитву на берегу.
В знании нашем об этом нет бреши –
Каяться не в чем Тому, кто безгрешен!

Где бы на берегу в молитве Он ни был,
Там и развёзлось бескрайнее небо,
И на Него опустился Дух Божий,
С голубем белым по образу схожий.
Так у воды средь пустынь и нагорий,
Нашего мира коснулся мир горний!

Голос с небес прогремел над рекою:
«Это есть Сын мой возлюбленный, в коем
Всё Моё благоволенье!»
Так проходящим людским поколениям,
Жившим тогда и живущим сегодня,
Явлено было Крещенье Господне!

---

¹ Гравёрская церковь была построена по распоряжению департамента воинских поселений Российской империи для удовлетворения религиозных потребностей находящейся здесь воинской части.

Русский мир без границ

Берега Азербайджана

Амир Пахлеван

Гаджылы Амир Пахлева-оглы родился 29 июля 1959 года в Азербайджанской Республике. В 1977 году был призван на военную службу, которая прошла в Новосибирске. Окончил факультет журналистики Азербайджанского Государственного университета, является главным редактором и учредителем газет «İhat», «Вдохновение». Лауреат ряда конкурсов и кинофестивалей. В 2009 году получил премию «Посол мира». Автор 7 книг, 4 художественных и 11 документальных фильмов.

Мы теряем золотое время

На Востоке отлично известно,
Как мужчине вести себя следует.
Придёт враг к тебе в гости — честно
Усади за стол, пусть обедает,
Только сам ты с ним не садись,
Хлеба общего с ним не режь ты,
Когда снова столкнет вас жизнь,
Чтоб ему не подать надежды.
Враг открытый — вот лучший друг,
Оппонент драгоценный твой,
Не берёт тебя на испуг
И не прячется за спиной,
Не встречает, притворно мил,
Он тебя в аэропорту,
И когда уж совсем нет сил,
Не ужалит тебя в пятю.
К сожалению, у Амира
Разномастные негодяи,
Постоянно крутились рядом.
И сейчас ещё их хватает.
Изнурительно и бездарно,
Затаившись, как будто воры,
Наносили удар за ударом
И надеялись взять измором.
Амир не замечал их просто,
Но когда становилось гадко,
То он стихи пел о них:
Вы отбросы, — он пел,
Вы тряпки,
Вы нелюди,
Вы давно на помойку выброшены,
Забыты и презираемы всеми.
Нас отвлекаете своими игрищами
Мы теряем золотое время.
А идите вы к чёрту, гады,
И не вздумайте возвращаться назад —

Хватит мешать Амиру
Созидать!
Ваше дело гиблое,
Ваша карта бита,
Мы в упор не видим вас,
Паразиты!

Чудо

Откуда же это чудо,
Какое опишет слово, и
Чей голос расцвёл, как утро —
Утро в жизнь новую?
В небе возшла золотая корона.
Тихо вокруг, как в храме.
Катится гул твоего баритона
Над сизыми облаками,
Вибрирует небо, как звонкая дека...
Поверьте, это не фраза —
Прекрасное солнце двадцатого века
Взошло среди гор Кавказа.
Не вымысел, а реальный факт,
Изложен простыми словами.
Но все же не верится — как это так
Муслим Магомаев
Жил рядом с нами?

Я поэт

Руками держу бокал,
пишу я тоже руками,
пальцами я пишу.
Вы бьёте врага руками,
удар за ударом...
Куда там карандашу!
Пишу —
я спешу,
слов и чернил не хватает

перо моё пляшет, взлетает.
Вижу, устал я,
пора...
Здесь точку поставлю,
продолжу с утра.

Дорога

Куда ведут нас
Вечные дороги? -
В который раз
Я задаюсь вопросом.
Известно, может, Богу
Куда ведут дороги...
Иду я, дорогая, за тобой
Напрасно, думаю порой,
Горю наивною душой,
Я, понимая,
что обманут.
Упущенные годы...
Божественной природы
всплеск
Мне дарит просветленье,
Душе — волненье,
А на стихи запрет наложен,
Тоска мне сердце гложет,
Я сердцем понимаю,
Как труден путь,
Хочу я справедливости —
Не отступлю, не отрекусь.

Капает счастье...

Всю ночь за окном шумит ветер,
А я ещё шумно вздыхаю,
Капли падают с веток,
В воздухе капли витают.
Внезапно настанет покой,
И вскоре бушует опять...
Я спрашиваю: что такое,
Почему мне мешаете спать?!
Но почему-то на это
Не получаю ответа.
Спрашиваю еще раз —
Сильный порыв ветра.
Спрашиваю еще раз —
Сильнейший порыв ветра.
Спрашиваю еще раз —
Такой порыв ветра,
Как будто настал конец света.
Что делать, включаю
магнитофон,
Открываю шкаф,
достаю кассету
но со всех сторон
доносится: кап-кап-кап.

Ей-богу, уж лучше храп.
Никакого просвета.
Капает
Капает всюду,
Ничего, кроме капель, нет.
Дождь везде,
Дождь в окне,
Дождь на сердце,
Но виден свет
Еле-еле,
Как в полусне,
В конце туннеля —
В моём окне.
Осень. Термометр стремится
к нулю.
Ничего не надо,
Кроме простого участия.
Кап-кап, осень,
Как я это люблю,
Капает радость,
Капает счастье...

Где мои корни, где моя судьба?

Птица летела,
Опустилась, села.
Воскликнул я:
жди я вернусь,
Тебе и каторжной молюсь!
О, ангел светлый мой,
Виденье предо мной —
Поёт та птица,
Розу убажывая,
Наверно, снится
Мне картина рая.
Пустились в танец
Золотая птица с розой,
Как в менюэте —
Па и позы.
Явилась тётя,
Несть конца восторгу,
О будущем поговорили,
Мы с ней общались
Долго-долго,
Она сказала мне,
Что птица — знак судьбы,
Идти я должен за своей звездой.
Но где стоянка
моей звезды,
И где свершеньё
моей мечты?
Безумный ветер свистит
в ушах...
Каким же будет
дальнейший шаг?

Берега истории

Максим Макаров

Максим Макаров — исполнительный директор РОО «Русская община Калининградской области», председатель Совета регионального общественного движения «Союз потомков русских солдат — участников штурма Кёнигсберга», государственный советник Калининградской области 3 класса

Круглый стол «100-летие измены Верховному Главнокомандующему. Уроки Февраля»

Без малого 100 лет прошло с того трагического момента русской истории, когда в преддверии близкой Победы России в Первой Мировой войне командующие фронтами во главе с начальником Генерального штаба М.В. Алексеевым совершили акт измены своему Государю и Верховному главнокомандующему Русской армией и флотом. Вместо защиты Царя и России они оказали содействие внутренним и внешним заговорщикам против законной Богом установленной Власти.

Сегодня мы также живём в очень беспокойное время, когда угрозы современному российскому государству со стороны объединённого Запада и международного терроризма вынуждают Верховного главнокомандующего Вооружёнными Силами России Владимира Владимировича Путина принимать непростые решения по борьбе с террористами на дальних подступах (в Сирии) и внутри нашей страны. По мнению многих экспертов, против России развязана война нового типа — информационная (гибридная) война.

В этих непростых условиях нам очень важно понять уроки Февраля 1917 года, чтобы не допустить очередной смуты и предательства, за которыми всегда следуют распад государства и горе для миллионов наших людей. Особую тревогу вызывают военные приготовления НАТО в Польше и Литве, с которыми граничит Калининградская область.

По приглашению региональной общественной организации «Русская община Калининградской области» в период с 20 по 24 февраля 2017 года в самом западном регионе России находилась делегация региональной общественной организации «Православная миссия по возрождению духовных ценностей Русского народа» под руководством начальника Войсковой Православной Миссии Игоря Евгеньевича Смыкова и начальника ГУ ФСК Станислава Валерьевича Астафьева.

По сложившейся традиции и по просьбе русских калининградцев Игорь Евгеньевич взял с собой Чудотворную мироточивую икону Царя Николая Второго, которая с конца 90-х годов прошлого века была принесена более чем в пятьдесят епархий Русской Православной Церкви и ряд стран — Германию, Австрию, Бельгию, Сербию, Францию, Черногорию, Грецию. В 1999 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II эта Святыня приняла участие в Крестном облёте по периметру границ бывшей Российской Империи.

До посещения Калининградской области (в декабре 2016 года) Православная Миссия привозила чудотворный мироточивый образ святого царя-страстотерпца Николая в Приморский край для участия в торжествах (в т. ч. по установке во Владивостоке бюста святому царю-страстотерпцу) по случаю 125-летия посещения Цесаревичем Николаем Александровичем Владивостока и Южно-Уссурийского края. За участие в организации празднования этого юбилея Митрополит Владивостокский и Приморский Вениамин наградил Игоря Евгеньевича Смыкова медалью «За церковные заслуги перед Владивостокской и Приморской епархией» II степени.

С 20 по 22 февраля был совершен 1000-километровый объезд с мироточивой иконой святого царя-страстотерпца Николая вдоль границ Калининградской области. Перед началом объезда делегация почтила память погибших участников штурма Кёнигсберга на мемориале 1200 гвардейцев, а также посетила памятник воинам Первой мировой войны, установленный в Калининграде в 2014 году.

В ходе объезда территории области состоялось посещение двух крупнейших захоронений воинов Русской Императорской Армии, находящихся в Нестеровском районе самого западного ре-

гиона России. Своей Иконой последний Император и Самодержец Всероссийский — Верховный Главнокомандующий Русской армией и флотом посетил места упокоения русских воинов, героически погибших за Веру, Царя и Отечество в августе — сентябре 1914 года.

23 февраля — в День защитника Отечества чудотворный мироточивый образ святого царя-страстотерпца Николая находился в конференц-зале офисного центра «Калининградский пассаж» среди участников круглого стола «100-летие измены Верховному Главнокомандующему. Уроки Февраля».

Перед началом круглого стола состоялось награждение памятной медалью «Иван Дмитриевич Волков. За верность Присяге», посвященной памяти генерал — лейтенанта Ивана Дмитриевича Волкова, начальника Петроградского окружного жандармского управления, который был убит мятежниками в феврале 1917 года. Медаль учреждена Ассоциацией ветеранов боевых действий, органов внутренних дел и внутренних войск России (<http://avbd-mvd.ru/>) по инициативе Войсковой Православной Миссии. Медалью в Калининграде были награждены:

— вице-адмирал Бражник Александр Иванович — президент Регионального благотворительно-общественного фонда помощи ветеранам и инвалидам силовых структур «ОМОФОР», ветеран военной службы (в период с 1998 по 2005 гг. — начальник штаба — заместитель командующего Балтийским флотом;

— Буга Максим Анатольевич — атаман общественной организации Окружное казачье общество «Балтийский отдельный казачий округ — Балтийский казачий союз»;

— Шульгин Владимир Николаевич — руководитель калининградского филиала Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор, известнейший в регионе патриотический деятель и публицист;

— протоиерей Георгий Бирюков — настоятель храма Святого Духа г. Нестерова Калининградской области. Отец Георгий широко известен своими краеведческими изысканиями, в основном связанными с периодом Первой Мировой войны, патриотическими публикациями и работой с молодёжью;

— Довыденко Лидия Владимировна — главный редактор патриотического литературно-художественного журнала «Берега»;

— Макаров Максим Юрьевич — исполнительный директор РОО «Русская община Калининградской области», председатель Совета регионального общественного движения «Союз потомков русских солдат — участников штурма Кенигсберга», государственный советник Калининградской области 3 класса.

Кроме этого по инициативе Русской общины Калининградской области этой же медалью посмертно награжден настоящий русский патриот Игорь Дмитриевич Гуров — известный калининградский политолог, публицист и государственный служащий, скоропостижно ушедший из жизни в феврале 2017 года. Русской общиной региона и Правительством Калининградской области планируется совместное вручение награды родственникам И.Д. Гурова.

Участники круглого стола посмотрели фильм «Николай II. Сорванный триумф», а затем выступили с докладами.

Огромный интерес вызвал доклад И.Е. Смыкова, который по согласованию с известным писателем — историком Борисом Глебовичем Галениным, прочитал одну из глав его новой книги «Фантом Февраля 1917 года». Сам писатель не смог приехать в Калининград из-за болезни.

С докладами о февральском перевороте 1917 года и сопоставлением его с сегодняшним днем выступили Максим Макаров, Михаил Черенков (директор радио «Русский край»), Владимир Шульгин, о. Георгий Бирюков, Лидия Довыденко, Александр Бражник, представители казачества.

После круглого стола его участники прочитали перед чудотворным мироточивым образом акафист святому царю-страстотерпцу Николаю.

В ходе круглого стола Русская община Калининградской области и Войсковая Православная Миссия выступили с инициативой установки на территории Калининградской области бюста святому царю-страстотерпцу Николаю Второму. В последние годы такие бюсты святого Государя-Императора Николая были установлены во многих городах России, в том числе в Тамбове, Калуге, Симферополе, Владивостоке.

Планируется обратиться за содействием в реализации данной инициативы к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, который лично управляет Калининградской митрополией Русской Православной Церкви, а также к ВРИО Губернатора Калининградской области Антону Алиханову.

Берега истории

Борис Галенин

Борис Глебович Галенин родился в 1947 году в Москве. В 1970 году окончил механико-математический факультет МГУ, кандидат технических наук, автор научных работ, посвященных защите портов от волнения («Ветер, волны и морские порты». Л., 1986, и др.). Много лет работал в системе Минморфлота СССР. Юношеское увлечение русской историей переросло в серьезный интерес к изучению. По глубокому убеждению автора русская история, как и всемирная, может быть адекватно понята и осознана только в свете Православия.

С 2002 года член Общества изучения истории отечественных спецслужб. Автор книги «Пингвины — любимые животные казаков, или Апология отечественных спецслужб от Аскольда до Андропова» (2005), «Царская школа» (М.: Русский издательский центр, 2014)

О фантоме февраля 1917

Миновал почти век с тех пор, как Флигель-адъютант Императора и контр-адмирал Императорского Флота Симеон Симеонович Фабрицкий выразил в своих воспоминаниях о войне и февральской катастрофе надежду, что «настанет время, когда беспристрастная история воздаст должное **Величайшему из Русских Царей Дома Романовых**, в царствование коего, не смотря на полное отсутствие способных помощников и на ведение двух кровопролитнейших войн, Россия шла колоссальными шагами по пути прогресса и обогащения.

Теперь ни для кого не секрет, что Россия была накануне полной победы и, не будь измены ближайших к Трону лиц, Европейская война была бы закончена блестяще, и Россия была бы первой державой мира, и народ её самым богатым.

Доведением войны до конца Россия была бы обязана одному лишь Государю Императору...

Он единственный до последнего дня не терял присутствия духа, не знал усталости или упадка энергии. Всё с той же неизменной улыбкой, всегда ласковый и бесконечно добрый, Государь, приняв на Себя всю ответственность, окружённый сплошь недоброжелателями или **завнавшимися рабами**, спокойно делал своё дело, **как часовой на посту**.

Можно смело сказать, что Государь был единственным человеком в России, который упорно желал довести войну до победного конца, *что и было одной из причин Его гибели*¹.

Но можем ли мы хотя бы теперь с определённой уверенностью утверждать, что *уже настало время*, «когда беспристрастная история воздаст должное **Величайшему из Русских Царей Дома Романовых**»? Осуществлено ли это предвидение верного Государю флигель-адъютанта, хотя бы в рамках православно-монархической литературы?

Причём стоит к месту упомянуть, что к неоспоримым заслугам Николая Александровича относятся не только военные и промышленные достижения Империи², но, например, и беспрецедентные успехи в росте народного образования, науки и просвещении в Его Царствование. Особенно в период после русско-японской войны³.

¹ Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания Флигель-Адъютанта Государя Императора Николая II. – Берлин, 1926. С. 160.

² Галенин Б.Г. Потери Русской армии в Первую мировую войну. //Русский исторический сборник. Выпуск 6. - М., 2013. С. 126-172. /Galenin B.G. The Loss of the Russian army in the First Great War.

³ Галенин Б.Г. Царская школа. - М., 2014.

Достаточно сказать, что к 1914 году Российская Империя по техническому образованию обошла Германию, заняв однозначно первое место в Европе. А значит и в мире. И сведения об этих достижениях доведены до внимания тех, кому слава России и её Государей не безразлична.

И всё же какое-то чувство мешает сказать, что слова адмирала Фабрицкого уже исполнились. Дело в том, что буквально всё написанное до сих пор о Николае II Александровиче — *я говорю сейчас исключительно об апологетической литературе*, начиная, скажем, с фундаментального труда Сергея Сергеевича Ольденбурга, — несёт в себе неистребимый «оправдательный» привкус. Привкус какого-то «оправдания» Государя и самой Императорской России.

Словно все мы, любящие Российскую Империю и её Государя, и желающие сказать правду о них, в очередной раз доказываем кому-то, а может быть, и самим себе, что вот, мол, и Империя была хорошая, и Царь был тоже хороший, умный, талантливый, волевой.

Жаль только — попросили их с исторической сцены обоих: Царя в Феврале 1917, Империю, в принципе, тогда же, хотя в последнем случае обычно указывают на Октябрь. И главное; получается, что не очень-то сопротивлялись уходу со сцены, ни Империя, ни Царь. А значит, не шибко высокого качества были, раз сгинули так легко.

И вот эти неотменимые факты превращают почти в ничто все наши апологии Империи и её Царя.

Сам масштаб февральской катастрофы затмевает всё, и делает, кажется, невозможным любую позитивную аргументацию «за» историческую Россию и её Верховного Вождя. Вот и оправдываемся почти уж сто лет. И так будет продолжаться до тех пор, пока хотя бы мы сами, русские православные люди, не выберемся из «ловушки сознания», в которую позволили себя загнать, и в которой продолжаем пока находиться.

Суть этой ловушки заключается в том, что мы позволили реальную катастрофу Февраля 1917 года идентифицировать, как «революцию». Революцию, плавно перетекающую уже в революцию Октября 1917 года — трагедию окончательной гибели русской исторической государственности и русской культуры, с почти тотальным уничтожением их носителей.

И вот этот морок, фантом Февральской «революции» до сих пор застилает и искажает всю историю последних десятилетий Российской Империи. Её невероятный рост и расцвет. И в первую очередь искажает и затмевает решающую роль Государя Императора Николая II в этом росте и расцвете Его Империи.

Повторим ещё раз «несокрушимое» возражение: если Он всё делал так хорошо, почему же всё закончилось так плохо.

Ведь *революции* не бывают без причин: социальных, экономических и прочих. А услужливые учёные, начиная ещё с «тех» времён и до наших дней, причины эти в большом числе находят и складывают найденные «факты», как мешки зерна к мельнице «научного подхода» к истории, перемалывающего эти факты в несокрушимые исторические концепции.

На мельницу эту, к сожалению, воду льют и обстоятельства крушения Советского Союза в августе-декабре 1991 года. Нет, то, что главную роль сыграло тут очевидное предательство высшего партийного руководства в смычке с прозападной либеральной образованщиной, — вопросов нет.

Но так же очевидно, что были факторы, носящие характер объективный, с самой что ни на есть материальной точки зрения. После полутора десятилетий послевоенного взлёта, действительно наступил застой. Мощь, созданная ещё имперскими учёными и их непосредственными учениками, при Сталине пока оставалась, но вот головы над этой мощью уже не было.

Собственно застой, а вернее резкое замедление научно-технического прогресса, не был, как мы уже знаем, только советской особенностью. Но помимо общемирового застоя были и специфически советские факторы: гипертрофия ВПК, причём, количественная, а не качественная, полный отстой в лёгкой промышленности и жилищном строительстве, и многое иное, всем известное и малообъяснимое.

Таким образом, объективные предпосылки — и экономические, и социальные — у переворота 1991 года были в наличии. И до сих пор успешно помогают маскировать факт махровой государственной измены теми, кто в этом был и остаётся заинтересован.

По аналогии кажется, что такие же объективные, — *в материальном смысле*, — факторы должны стоять и за Февральской «революцией», даже если назвать её более верным термином «государ-

ственный переворот». И, наверное, солидные факторы, если уж почти сто лет маскируют государственную измену. А уж историки, оперируя этими фактами, государственную измену иной раз и вовсе отрицают. Причём, что характерно, не только «красные» историки, но и «белые».

Таким образом, *существует, фактически единственный упрек-обвинение Николаю II, представляющийся неотразимым и перечёркивающим буквально все достижения лично Его и руководимой Им Державы Российской: это наличие самой «Февральской революции».*

Революции, понимаемой как **социальное народное движение**, с которым, то ли «прогнившая» власть Российской Империи, то ли власть «прогнившей» Российской Империи справиться не смогла. А значит и власть, и её Верховный носитель были слабы, и про какое величие можно тут говорить.

Следовательно, для того, чтобы сто лет спустя снять несправедливые обвинения с Государя Императора, и возглавляемой Им державы, необходимо показать, что никакой революции, «как широкого, народного и насильственного движения, направленного к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя»¹ ни в России вообще, ни в Петрограде в частности, не было.

А было, если так можно выразиться, «латентное цареубийство», замаскированное под отречение, результатом которого и стала уже действительно революция в октябре того же 1917 года.

Современный историк и социолог Андрей Фурсов так формулирует необходимые и достаточные условия возникновения революции: «Революция — это сочетание двух необходимых условий.

Прежде всего, должны быть социально-экономические и политические предпосылки.

При всей важности социально-экономической составляющей она является необходимым, но *недостаточным* условием революции. Она [революция] невозможна без **организации, финансового обеспечения и манипуляции информационными потоками...**

В революционных потрясениях XIX-XXI веков огромную роль, причём по нарастающей, играет финансовая и организационно-информационная поддержка антисистемным силам из-за рубежа» со стороны международной финансовой элиты, другого названия «мирового правительства».

В приведённых высказываниях о необходимых условиях для революции, при том, что они достаточно отчётливо проясняют возможность моделирования «революционной ситуации» из ничего, есть внутреннее противоречие.

Оно заключается в словах: «Прежде всего, [для революции] должны быть социально-экономические и политические предпосылки». И что социально-экономическая составляющая «является **необходимым** ... условием революции».

Хотя все дальнейшие слова самого Фурсова убедительно показывают, что **нет, не является необходимым условием**. Особенно, если словом «революция» прикрывается государственный переворот. В последнее время, слово «госпереворот» заменяется художественным сочетанием «оранжевая революция», или — после Киева-2014, просто «майданом».

Комментируя «наднациональный», а вернее «антинациональный» характер «оранжевых» революций последнего времени, Андрей Фурсов говорит: «А вот ещё один наднациональный аспект организационного обеспечения “арабской весны”. События в Тунисе и Египте развивались в форме флэш-моба и смарт-моба с активным использованием Интернета, блогосферы. А это уже **совсем не национальный уровень, а глобальный с центром далеко от арабского мира**»².

Думается, что после событий в Киеве февраля 2014 года последнее стало очевидно для всех желающих видеть.

Напомним, что «flash-mob» переводится как «вспышка толпы». «Smart-mob», в свою очередь, переводится как «умная толпа». И если флэш-моб — это технология собирания толпы, то смарт-моб — это цель и смысл такого собирания.

Другими словами, флэш-моб — это форма «народного волеизъявления», а смарт-моб — содержание этого «изъявления». Два взаимодополняющих понятия, каждое из которых немислимо друг без друга.

Так вот, — «флэш-» и «смарт-мобы» как механизмы организации «цветных» революций нашего времени, *в экономических условиях не нуждаются*. А история управления людскими массами ме-

¹ Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля. //Россия и революция. — М.: Фонд ИВ, 2007. С. 334. В дальнейшем изложении будем опираться в том числе и на данное Солоневичем определение революции.

² Последняя Большая Охота капиталистической эпохи.

тодами манипулирования, *аналогичными по сути своей* «флэш-» и «смарт-мобам» насчитывает не одну сотню лет, если не тысячелетий.

Оперативности нынешней, понятно, не было. Зато и качество подготовки было на высоте. Хорошо подготовленные и оплаченные специалисты ситуации на живых моделях отрабатывали. Взять хоть то же «9 января», именуемое «Кровавым воскресеньем». Типичный случай «смарт-моба».

Так что вывод толп «чухонских баб», о котором говорит Солоневич в «Великой фальшивке февраля», на улицы Петрограда в февральские дни 1917 года был отработан задолго и тщательно. Как и вся дальнейшая программа. Только свистни.

Вообще, говорить про спонтанные «голодные бунты» в стране, где, по словам Большой Советской энциклопедии, к началу 1917 года скопились *излишки* продовольствия: [цитата: Во время войны Россия оставалась единственной из воюющих стран, в которой **к началу 1917 года** не ощущалось недостатка продовольствия. Напротив, в стране скопились *излишки* сельскохозяйственных продуктов в связи с некоторым сокращением хлебного экспорта. /БСЭ. – М., 1949-1957. Т. 50. С. 135, 202. До Первой мировой войны Россия ежегодно вывозила на европейские рынки свыше 600 млн. пудов зерна].

Более того, очевидно, что **излишков** этих хватило на всю Гражданскую войну до инспирированного троцкистами-ленинцами в 1921 году голода в Поволжье. Сомневаться могут только представители «академической науки», вооруженные истинно «научными» методами.

Равно, как говорить про расстройство (*именуемое – «развалом»!*) железнодорожного сообщения в стране, где за годы войны были проложены тысячи километров железнодорожных путей, в том числе в труднейших условиях тундры, болот, вечной мерзлоты и скалистых гор Кольского полуострова. Начатая строительством в марте 1915 года и законченная к 15 ноября 1916 года железная дорога, соединила новый незамерзающий океанский порт России Романов-на-Мурмане (Мурманск) с центром страны. Тогда же была начата укладка второй колеи на Великом Сибирском пути, закончена Амурская дорога до Владивостока по чисто Имперской территории без захода в Маньчжурию. 5 октября 1916 года был открыт для движения мост через Амур у Хабаровска длиной 2,5 км конструкции великого русского инженера-мостостроителя Лавра Дмитриевича Проскуракова¹. Мост этот поставил точку в четверть вековой истории Транссибирской магистрали, первый рельс в основание которой заложил Цесаревич Николай Александрович. Мост получил имя другого Цесаревича Алексея Николаевича.

И это развал! **Скажите уж — саботаж**, если действительно перебои были. Но саботаж как раз относится именно *к технологиям управления* массами. Не сегодня они были отработаны и не вчера.

Ох, не вчера...

Также можно разобрать по пунктам любые другие «социально-экономические предпосылки» Февральской «революции» и показать их полную вздорность. Приведём только несколько примеров. Несмотря на тяготы войны, население России с 1914 по 1917 год возросло более чем на четыре миллиона человек, достигнув к 1917 году 180-миллионной отметки. Со дня восшествия Государя на Престол население России увеличилось в полтора раза.

К слову сказать, чрезмерных тягот население воюющей Российской Империи не испытывало. Годовой доход крестьянства вырос с 1914 года по 1916 год почти вдвое за счет пособий государства семьям мобилизованных и за поставки лошадей и продовольствия по военным нарядам. Совокупные выплаты «царизма» русскому крестьянству – увы! – последние выплаты, вообще полученные нашим крестьянством от государства, – **составили более 2,5 миллиарда рублей** (под триллион USD по сегодняшнему курсу).

К началу 1917 года крестьяне владели примерно 80% сельскохозяйственных земель страны².

«За период Первой мировой войны ... произошло повышение заработной платы фабрично-заводским рабочим, а семьи, призванных на военную службу получили примерно **276,5 миллионов** рублей [порядка 300 миллиардов USD наших дней] пособия, что в процентном отношении даже несколько превышает удельный вес рабочего класса в населении страны»³.

¹ Раш Кавад. Время офицеров. Письма русскому офицеру. – М., 2007. С. 202.

² Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг. – М., 1992. (Перепечатка из: Вестник РХД, №128, Paris, 1979). С. 27-28; Данилов Н.А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. – Лекции, читанные в Военно-Инженерной академии. – Пг., 1922. С. 43-47.

³ Стороны в гражданской войне. С. 27; Влияние великой мировой войны на ... С. 43-44.

Российская Империя была действительно очень богатой страной.

Заметим, что, несмотря на военные займы, 1 рубль начала 1917 года стоил 60 копеек 1913 года. Для военного времени инфляция минимальная, практически в пределах «нормальной» инфляции доллара за последние 40 лет. Это после Февраля начнётся стремительное падение рубля вместе с Россией в пропасть.

Таким образом, из двух составляющих «революции»: «объективные факторы» и «факторы управления» у нас для Февраля 1917 года остаются, по любому, только вторые. Так значит, может все же революция, хотя бы и «оранжевая»?

Нет, не революция. Революция, даже «цветная», подразумевает участие народа.

Так вот. Народ в событиях Февраля 1917 не участвовал.

Это отнюдь не моё открытие. Об этом ещё 60 лет назад сказал тот же Иван Солоневич в своей «Великой фальшивке Февраля». Написанной, кстати, в том числе и потому, что уже тогда в **1951-1952 годах**, «наследники Февраля», – судя по описанию Солоневича это что-то вроде нынешних «союзов правых сил», – болотно-либеральная мразь с тогдашними навальными и немцовыми, – на полученные ими «тёмные доллары» готовили «если не совсем раздел, то что-то вроде балканизации России»¹. Как мы знаем, те «наследники Февраля» свои доллары отработали.

Раздел и балканизация России в 1991 году успешно осуществлены. Плоды пожинаем по сей час.

Революции в Феврале 1917 года – утверждает Солоневич – не было. Был **генеральский заговор**, без которого ни известный нам заговор Милокова, ни Гучкова с доморощенными отечественными «олигархами», шансов на успех не имели.

Именно генералитет сделал из Петрограда «пороховой погреб», набив его «мобилизованными» в количестве нескольких сот тысяч человек. Это были – по словам Солоневича – лишённые офицерского состава биологические подонки чухонского Петербурга и его таких же чухонских окрестностей. Всего в Петербурге их [таких частей] было до трехсот...»².

Обратим внимание на слово «чухонские». Дело в том, что оказывается согласно Брокгаузу и Ефрону: «Инородческое население живет около столицы, окружая её плотным кольцом и достигая 90% общего числа населения. По переписи 1891 года 85% указали русский язык в качестве неродного языка»³.

Таким образом, все эти заполнившие столицу толпы вооружённых людей примерно на 85% состояли из тех, кого мы сейчас назвали бы прибалтами. Хуже этого человеческого состава по благонадёжности могли быть разве что поляки.

Генералитет также саботировал выполнение приказов Государя Императора о выводе из столицы этих частей, и замены их гвардейской кавалерией и иными обстрелянными и верными частями с фронта.

При такой ситуации и возник, очевидно «цветной», хлебный бунт «чухонских баб с Выборгской стороны». Солоневич неоднократно подчеркивает, что **собственно народ, то есть «петроградский пролетариат, несмотря на всю его “революционную традицию”, никакого участия в Февральских днях не принимал**⁴. Просто:

«23 февраля/08 марта 1917 года был “Международный женский день”, кое-как использованный большевиками: чухонские бабы вышли на улицы Выборгской стороны и начали разгром булочных»⁵.

Понятно, что в описанной ситуации это безобразие вызвало не отпор, а восторженную поддержку вооружённого многотысячного сброда, боявшегося фронта, как чёрт ладана.

Но и этого мало. Присутствие в столице Государя Императора, Царя и Главковерха в одном лице, могло удержать и эти массы от выступления. Идти в лоб против Царя было всё-таки страшно.

Однако за день до этого Государь выехал неожиданно в Ставку, по телеграфной или телефонной просьбе Начштаверха генерала М.В. Алексеева, что срочное дело требует непосредственного присутствия Государя.

¹ Великая фальшивка Февраля. С. 325.

² Солоневич И.Л. Миф о Николае II. //Россия и революция. – М.: ФондИВ, 2007. С. 225.

³ Там же. С. 227; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 65. С. 270.

⁴ Там же. С. 363.

⁵ Там же. С. 366.

Кстати, то что за спиной Алексева явно стоял какой-то большой мастер черного «пиара», следует, например, из того, что петербургская «чистая публика» после начала «волнений» стала говорить, что *царь нарочно сбежал от беспорядков в Действующую армию*¹.

В результате против мятежа, вначале настолько вялотекущего, так что 26 февраля штатские участника заговора от керенцев до ленинцев, считали, что всему хана², выступила только много-страдальная питерская полиция, которую ещё Столыпин хотел модернизировать и *перевооружить броневиками*.

Но Госсовет заблокировал это решение.

Солоневич считает, что Госсовет так поступил из-за личной антипатии к «выскочке» Столыпину. Но я лично, после многолетнего изучения разнообразных «странностей», связанных ещё с подготовкой к японской войне, да и во время неё, отнюдь не уверен в столь простом и невинном объяснении. Госсовет в то время был составлен из публики разнообразной, не только Государем назначенной, так что всяко могло быть. Да и *назначенная* публика, как показало дальнейшее, Царское доверие далеко не всегда оправдывала.

Так что Февраль 1917 полиция Петрограда встретила с револьверами и игрушечными шашками против вооруженных до зубов многотысячных псевдосолдатских масс. И сделала всё, что могла, – честно легла на своем посту.

При этом есть все основания считать, что основные потери полиция понесла уже после опубликования так называемого Манифеста об отречении.

Для подавления массового гуляния по улицам Петрограда, с лихвой хватило бы одной гвардейской дивизии, а скорее и одного полка, такого как Семёновский или Преображенский. Но отправка войск в восставший Петроград – была отменена *именем* Государя, и помимо Его воли³.

Пресловутый Бубликов сам признавал: «Достаточно было *одной* дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено».

Может быть, не нужно было даже и дивизии: там, где «восстание» наткнулось на какое-то сопротивление, оно таяло, как дым: *на трубочном заводе поручик Гесса застрелил агитатора, и вся толпа разбежалась*, бросив и знамёна, и лозунги⁴.

В Таврическом дворце от времени до времени вспыхивала паника: вот придут части с фронта – и тогда что?»⁵.

А ведь действительно любопытно, как представишь себе: и что тогда?!

Я совершенно убежден, что хватило бы 2-го «Кутеповского» батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка, взявшего в недавних боях в штыки германскую дивизию! Учитывая, что действующий командир этого знаменитого 2-го батальона Преображенского полка «черный полковник» Александр Павлович Кутепов в Петрограде *уже был*, а солдаты и офицеры Преображенского полка «держали себя твёрдо и *охотно* грузились в вагоны, когда 1-я гвардейская дивизия получила приказ идти на Петроград для подавления беспорядков»⁶.

Между тем, полковник Кутепов, уже сказал генералу Хабалову, в ответ на его приказ «оцепить и оттеснить к Неве мятежные толпы», что он не остановится не только перед оцеплением, но и *«перед расстрелом всей этой толпы»*⁷. Вот только войска верные нужны. **И верные войска готовы были прибыть к своему командиру.** Мы знаем это достоверно, из первых рук!⁸ 2-й батальон уже занял эшелон и ожидал сигнала к отправке, когда пришла предательская телеграмма из Ставки за подписью

¹ Милая химера в адмиральской форме. Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку. – СПб, 2002. С. 159.

² Так Керенский позже писал: «Вечером 26 февраля (*то есть после провала восстания Павловского полка.* – И.С.) у меня собралось информационное бюро социалистических партий. Представитель *большевиков* Юренев категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, что нужно готовиться к долгому периоду реакции». //Великая фальшивка Февраля. С. 350. Далее мы вновь вернемся к этой теме.

³ Прочитавшие, например, в РНЛ, «Стоход – река унесшая в Лету Русскую Императорскую Гвардию» знают об этом вполне наглядно.

⁴ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. – М.: ТЕРРА, 1992. С. 620. Цитируемое издание аутентично зарубежным.

⁵ Великая фальшивка Февраля. С. 369.

⁶ Царствование Императора Николая II. С. 630; Стоход – река, унесшая в Лету Русскую Императорскую Гвардию.

⁷ Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде. /Генерал А.П. Кутепов: Воспоминания. Мемуары. – Минск: Харвест, 2004. С. 160.

⁸ Стоход – река, унесшая в Лету Русскую Императорскую Гвардию.

генерала Алексева, что в Петрограде всё спокойно и можно отправляться в казармы по месту дислокации. Это было утром 2-го марта. *К этому времени сам Государь пребывал фактически в плену.*

До сих пор можно только строить предположения, в какой форме было сделано так называемое отречение. *Но то, что оно не было оформлено законным образом — это однозначно.* А значит нельзя говорить и о легитимности пресловутого Временного правительства.

И, конечно, даже мнимая легитимность закончилась сентябрём 1917 года, когда Керенский своевольно объявил Россию республикой, нарушив условие так называемой *временной* передачи власти этому правительству со стороны Великого Князя Михаила. Передачи тоже вполне нелегитимной, учитывая, что сам текст подписанного Михаилом документа был личным творчеством известного кадета Набокова.

Тем не менее, условие передачи, напомним, состояло в немедленном созыве Учредительного Собрания. Только оно и должно было установить форму власти в стране, как, во всяком случае, утверждалось публично. Конституционная монархия, как минимум, при этом отнюдь не исключалась. Созыв Учредительного собрания и был по существу единственной декларируемой задачей Временного правительства. И только в этом состояла весьма условная легитимность этой масонской группировки.

Успеху переворота, помимо думско-генеральского заговора способствовало поведение высших церковных иерархов, членов Синода. Прежде всего первоприсутствующего на то время митрополита Киевского Владимира (Богоявленского).

Князь Николай Жевахов, в те дни товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, за неделю до псковского пленения Государя умолял митрополита Владимира, бывшего в Синоде первенствующим членом, выпустить воззвание к населению, чтобы оно было прочитано в Церквях и расклеено на улицах. Причем такое воззвание могло сыграть решающую роль в грядущих событиях. Прямо пойти сразу против Царя и Церкви, из русских людей мало бы тогда кто решился. Но предложение князя было отвергнуто.

А вот католическая иерархия Петрограда такое воззвание выпустила, и ни один католик в февральских безобразиях участия не принимал.

Характерно, что по свидетельству того же князя Жевахова, назначенный «временными» обер-прокурор «дегенерат Вл.Н. Львов» — будущий обновленец, «живоцерковник» и активный член Союза воинствующих безбожников, то есть *мразь редкостная даже для деятелей Февраля*, — «ознаменовал своё вступление в должность тем, что выбросил из залы заседания Св. Синода Царское кресло и что ему помогал в этом злодеянии и один из замученных впоследствии большевиками почтенных иерархов, член Св. Синода...».

Мученическую смерть почтенного иерарха после октября 1917 года можно рассмотреть в данном контексте, как несомненную милость Божию — *возможность искупить вину кровью.*

По словам протоиерея Валентина Асмуса, «невозможно отрицать, что большинство архиереев и епархиальных собраний поддержали революцию. Трагически одинокая личность священномученика Андроника (Никольского), архиепископа Пермского, с февраля 1917 г. и до самой своей мученической кончины не отрекавшегося от монархии — редкое исключение.

Даже когда летом 1917-го Временное правительство начало решать вопрос об «отделении школы от церкви», отобрав у Синода церковно-приходские школы, разочарование духовенства в революции вовсе не означало возрождения в его среде монархизма.

Когда в сентябре того же года А.Ф. Керенский без всяких учредительных собраний объявил Россию республикой, московский Поместный собор ни словом не возразил против этого беззакония. Торжественным отречением от монархии прозвучала на соборе наиболее часто цитируемая речь, где сказано об «орле петровского, на западный образец устроенного самодержавия» и о «святоотечественной руке нечестивого Петра».

Так не говорили о царях на вселенских соборах, где всегда превозносили императоров, даже иконоборцев. Получилось, что собор 1917 года отрекся от всей византийско-московской государственной традиции, а не только от петербургской империи».

Конечно, были верные Царю епископы и кроме Андроника (Никольского). Одним из таких был, например, будущий Патриарх Алексей I (Симанский), что ясно видно из недавно опубликованной его переписки за 1917–1918 годы.

Слава Богу, верные епископы были, и, конечно, были верные священники. Как были в армии верные генералы, к несчастью, не на высших должностях, и уж, конечно, были верные офицеры.

Но они, к несчастью, не делали погоду в февральско-мартовские дни 1917 года.

Солоневич утверждает, что, несмотря на то, что петроградские «заводы и склады были переполнены оружием, сработанным для действующей Армии», поживился им только «какой-то *нерусский* сброд, который уже *после* отречения Государя Императора заботился главным образом об одном: как бы внести возможно больше хаоса»¹.

Таким образом, ясно вырисовывается план, некоторые части которого, по-видимому, готовились задолго до Февраля:

«Попробуйте соединить все отдельные точки этого плана в одну линию:

срывается вооружение полиции,

в столице концентрируются сотни тысяч заведомо ненадежных людей,

НЕ выполняется Высочайшее повеление об их уходе,

НЕ выполняется Высочайшее повеление о переброске гвардии,

НЕ выполняется Высочайшее повеление о подавлении бабьего бунта...»².

По сути, для давления на Государя, даже не надо было выводить на улицы Петрограда много людей. *Возможно, их там особо много и не было.*

Вполне допускаю, что *народные массы вообще не принимали участия в том, что назвали потом Февральской революцией.* И только после публикации фальшивого отречения Государя — а публикация по любому была фальшивкой, так как текст телеграммы в Ставку был замаскирован под Высочайший Манифест — народ разгулялся.

После и сразу случилось столько всего хорошего и разного, начиная с приказа № 1, уничтожившего армию, что подправить последовательность событий в нужном «революционной» хронографии духе было нечего делать.

Наибольшее сходство имеет так называемая «февральская революция» в Петрограде с теми событиями, что происходили в Москве с 19 по 22 августа 1991 года, во время пресловутого ГКЧП.

На основе личных наблюдений позволю напомнить,

Напомню, что с 19 по 21 августа народ в достаточном количестве гулял днём по столице, и часть его делала вид что защищает Белый Дом, куда зачем-то пропустили Ельцина с присными. [С закрытием метро, правда, эта часть в основном разбредалась по домам, и ночью для взятия «главного оплота российской демократии с ее новоявленным отцом» хватило бы взвода милиции. Герои и защитники «Свободной России» расплодились, как тараканы, уже после «победы»].

Но «безобразиев» никаких до 22 августа не допускалось, хотя милиция практически бездействовала.

И только с 22 августа, после того, как ГКЧП официально заявило, что сдаётся — до сих пор непонятно почему, — народ осмелел; стал сбрасывать на Лубянке Дзержинского, бить окна в ЦК и совершать прочие «революционные» действия.

Нет основания предполагать, что не по аналогичной схеме развивались и события «Февральской революции». На самом деле, *могло вовсе не быть ничего до самого отречения Царя*, кроме Думского блефа, играющего в руку с генералами, и несколькими задействованными железнодорожниками. Плюс массовые гуляния петроградской публики по столичным улицам. В некоторых случаях с плакатами и лозунгами. Хулиганство тоже имело, конечно, наличие. Как же без него.

Остальное было просто работой телеграфа. *И нам никогда не узнать правду.*

Потому что это было никакое не *революционное движение масс*, а обыкновенное *убийство*, как Государя, так и назначенного Им Наследника, *принявшее вначале политическую форму «двойного» отречения*, а затем уже Ипатьевского подвала, и леса около города Перми, где был расстрелян Михаил.

Следует ещё раз твердо, ясно и прямо сказать, **что никакой революции, даже «цветной» в России в Феврале 1917 года не было.**

Было царевубийство, задрапированное в «конституционные формы».

¹ Великая фальшивка Февраля. С. 363.

² Там же. С. 364.

Революция началась *после политического убийства, названного «отречением»*, и пошла далее совершенно не в той форме и не по тому пути, на которую рассчитывали «цареубийцы». Но раз начавшись, развивалась она далее по схеме приблизительно Французской революции, и естественным образом привела к Октябрю.

Приведённая концепция Февраля-1917 была разработана несколько лет назад и вошла главой в опубликованную книгу «Царская школа». Главным свидетелем по делу о Феврале в Петрограде был, как ясно из изложенного, Солоневич. Но было желательным свидетельство солдата и журналиста подкреплено свидетельством человека из «общества», вхожего в Думские и правительственные круги. Но при этом верного Государю, чтобы его свидетельство было достойно доверия.

Последняя задача представлялась практически неразрешимой, так именно «общество» и было движущей силой того, что до сих пор именуют «Февральской революцией». Но совсем недавно, и как всегда «случайно», такой свидетель нашёлся. Им оказался Николай Алексеевич Павлов, видный деятель правомонархического направления, в прошлом помощник Столыпина в разработке его реформы, один из лидеров Объединенного Дворянства, и популярный правый публицист¹. Человек, вхожий и в правительственные, и в думские круги, одним словом, вполне компетентный, и вдобавок своими глазами наблюдавший развитие событий в Петрограде в конце февраля 1917 года. В 1924 году в эмиграции Павлов подготовил в Висбадене книгу «Его Величество Государь Николай II» (издана в Париже в 1927), посвященную памяти Государя, в которой он обличил изменников-заговорщиков и показал высоту подвига Царя. В 2014 году книга Павлова была переиздана в РФ.

Раздел XVII этой книги и посвящён как раз разоблачению мифа о Феврале 1917. Предлагаю этот раздел вниманию читателя, все выделения в нём шрифтом принадлежат Н.А. Павлову:

«Не заглядывая дерзновенно вперёд, вернемся к близкому прошлому. Санкция на переворот дана на совещании посла Англии – на глазах правительства и, вероятно, с ведома союзных стран.

На сцене Царь... общество, армия и народ.

Повод к перевороту – революция [якобы спонтанно вспыхнувшая в Петрограде], Распутин и недостаток продовольствия. Ложь и подлог в том и другом. Россия полна запасами, и новые правители будут три года ими кормить страну.

На этих “поводах” Дума произносит слово “измена” и обвиняет Власть.

Вынужден акт роспуска Думы. Дума решает не расходиться.

На улицу выпущена сытая интеллигенция требовать хлеба. Первые три дня “рабочих” почти нет на улицах. Лишь кое-где забастовки.

Россия совершенно и всюду спокойна.

Лишь на 4-й день, 1-го марта, на улицу вышли все солдаты...

Необходимо место, куда толпа может скопиться. До 1905 года такого места не было, и революция оттого и не удалась. В 1917 году это место – Дума, для этого акта она и создана...

Очевидец всего – я даю краткое показание.

По Невскому бродило общество, и на улицу с чердаков дано было с 23-го по 26-е несколько выстрелов; четверо убитых (всех “жертв” за 8 дней похоронено 83).

На углу Литейной и Сергиевской, на фоне горящего Суда (после кражи из арсенала старых ружей) была толпа **человек 500**. На двух телегах – доски, и на них что-то кричали ораторы.

Взвод преображенцев был уведён с поста в казармы.

Лишь 28-го было серьёзное скопление на Знаменской площади. В толпе одиночные солдаты четыре дня ведут себя чинно. Стрельба в воздух **только в Литейной части**.

Под командой генералов Хабалова и Балка – до двух тысяч солдат, четыре дня топчутся с Гороховой в Адмиралтейство и назад. Разъезды там, где нет толпы (Забалканский, Набережная и площадь).

Лишь одна казачья сотня была послана 25-го, 26-го и 27-го разогнать толпу в 500 человек на углу Литейного и Сергиевской, но идя по Невскому, не доходя до Литейного – сотня оба раза карьером поворачивает по Троицкому назад, через Забалканский на Гороховую.

Ни один из министров и генералов на улицы не выезжал.

¹ Подробнее биографию Н.А. Павлова см., напр. в кн.: Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. Отв. редактор О.А. Платонов. М., Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008.

На второй день выхода солдат из казарм войска генералов Хабалова и Балка, не сделав ни одной попытки очистить Невский от толпы (23-го, 24-го и 27-го февраля), – мирно расходятся куда хотят. Весь генералитет сидит в градоначальстве, повязывается бантами и расходится, куда попало.

До 27-го рабочие скапливаются на острове, но в центре идут туго, а с 28-го стягиваются к Думе. Вот что было первые четыре дня в Петербурге.

Никакой революции не было. Незначительные толпы были в районах: Невский, Литейный, Знаменская площадь. **Ни одной попытки разогнать эти толпы сделано не было.**

Революция началась только в стенах Думы. От Думы зависит всё остановить.

Туда скапливался **не народ, а сброд**, общество, интеллигенция, рабочие и солдаты.

Там произносится слово **революция**, не кем иным, **как членами Думы**, и слова эти разносятся **всей, без исключения, печатью по России, которая несмотря на это, вплоть до 10 марта (Московское движение) невозмутима.**

Эта справка приводится мною для следующего: когда в Петербурге (22 – 28-е) **не было и подобия революции, и вся страна была совершенно спокойна – и пресловутые массы были численно ничтожны и мирны, Дума через Родзянко сообщала Государю в Ставку и всем командующим, что революция в полном разгаре.**

Опровергнуть Государю этого подлога и новой лжи никто из бюрократии и военных чинов **не посмел.** Обмана, подлога и преступления, равного этой буффонаде, история не знает...

От событий тех дней веет чем-то гнусным и мещанским.

Никто ничего не смеет. **Всё, как ошалелое чего-то ждёт, и по всей стране несётся лживый голос председателя Думы и печати: “Революция!”**

Она наступит, когда народ станет бесноватым, одержимым и начнёт от этого клича пропадать...

Ленин – на балконе Кшесинской – сильнее всей Думы.

Ленин – революция, он – каторжник по призванию, наёмник, шпион, насильник, наглец, но знает, чего хочет, глумясь над Россией, народом... миром.

А в дни 22 – 28-го [февраля] идет подленький обман, беспричинный слом истории, под призывом Думы – «спасения России и победы».

На Государя лгали все. Теперь Ему лгут все... общество, бюрократия, высшая власть, Дума, командующие...

Распад страны, начатый в 1904 году обществом и бюрократией, довершён.

Была ли попытка всё это остановить? – Не было никакой. Гражданская и военная бюрократия – сразу и вся струсила и сдалась, не пробуя защитить ни России, ни Государя, ни строя, ни армии, ни самих себя...

Где же былое окружение Государей?.. Где Меншиков, Шереметьев, Волынский, Бецкий, Потёмкин, Румянцев, Ростопчин, Суворов, Кутузов, Киселёв?..

Сколько славных имен! Сколько сильных людей! Где люди высокого уровня общества и бюрократии эпох Государей Николая I и Александра II? Где Сусанин, Минин?

Ни вокруг Государя, ни в Петербурге – нет людей. Всё растворилось или в интеллигенции, или в снобизме, или в разгуле кутящего и спекулирующего тыла...

Останутся кн. Долгорукий, Татищев, Боткин... эти не оставят Царя... И позже не будет Кобленца... и пока не слышно о Минине...

Революции не было. Она начнется с часа отречения Государя¹)².

Без комментариев.

¹ Вернее, – с часа сообщения в СМИ о так называемом отречении. – БГ.

² Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. //Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II; Попов А.В. Патриарх Тихон о Царской власти. – СПб., 2014. С. 114-117.

Критика

Сергей Пылёв

Земная жизнь в надмирных сферах

О русской святости в поэзии Зои Колесниковой (Покорной)

В стихах надмирность, глубина
И неразгаданное нечто...

Ольга Орс

Её отчий край — бутурлиновская земля, село с душевным, романтическим названием Елизаветино. Ею гордятся бутурлиновцы, её любят, всегда ждут. И в её душе всегда есть нежное тяготение к своей малой родине. Вообще людям этого края присуща какая-то особая притягательность, я бы сказал — вдохновенность. Оно и в их удивительном памятнике Царю-освободителю Александру Второму, созданному на народные деньги, и в одном из крупнейших в России храмов — Преображенском соборе... Здесь живо и поныне её детство, прошедшее под сенью кротких молитв её бабушки — Ефросиньи Захаровны.

Дочь сельских интеллигентов, учителей. Отец, директор школы, — Константин Яковлевич, мама — Елена Артёмовна... Сурмины. Трое братьев. Помнится, как отец купил у кого-то старый немецкий БМВ, мотоцикл трофейный, собрал заново, привёл в порядок и стал ездить. Зоя звук отцовского мотоцикла угадывала издалека — он был глуховатый, и в то же время почти набатный, чётко выделяющийся среди других транспортных средств. А Зоя... Она смело ездила на велосипеде с моторчиком, который опять-таки своими руками сделал Константин Яковлевич.

А та молния... Шаровая... Сияющий красно-желтый сгусток как будто бы с живыми, аккуратно настроенными движениями... Он, тихо колеблясь, пролетел мимо неё, шестиклассницы, в пустом длинном школьном коридоре и тактично вышел в окно... Неведомое...

Не отсюда ли повод для таких слов о её творчестве, о способности *видеть невидимое*, какие написал Эдуард Владимирович Балашов — известный русский поэт, профессор Литературного института имени М. Горького: «...способность среди реалий обыденного мира видеть невидимое: не столько связанное с чувствами, но и сокрытые от взора мыслеобразы, — говорит о её (Зои Колесниковой) утончённости и устремлении в сферы, ещё не освоенные поэзией?»..

Это апрель 2001 года, из предисловия к книге Зои Колесниковой (Покорной) «Для сонаты из снов».

Поэта Зою Колесникову заметили сразу. Так быстро, подъёмисто взлетает, покинув куколку, разве что парусник Аполлона — строгая изысканной окраски сильная бабочка, названная в честь греческого бога Света, покровителя искусств и предводителя девяти муз, — предпочитающая солнечные равнины и заливные луга.

Вот её первое стихотворение, опубликованное в популярной тогда Воронежской областной газете «Молодой коммунар» в 1981 году:

В тебе вселенная
вместилась,
а я навек
с тобой простилась.
Когда покинет
жизнь меня
тебя найдут
в исходе дня

мои печальные стихи,
великодушны и строги,
и за меня тебя простят...
С тобой немного
погрустят.
Растают тихо
в зимней мгле
на этой маленькой Земле.

На этой маленькой Земле... Смелый, неожиданный образ для грандиозно-одиозного времени эпохи построения новой уникальной исторической общности, называвшейся советским народом и

созидания развитого социализма. Очень даже диссидентская строка. Такой Землю тогда даже Гагарин не видел. И не была она «маленькой» для лунного Луи Армстронга и его сотоварищей.

Так сказать о странствующей во Вселенной Земле могла только такая душа, долго пожившая и многое познавшая, звёздная скиталица...

Как бы там ни было, руководивший в «Молодом коммунаре» поэтическим клубом «Гренада» грозный и строгий мэтр воронежской поэзии Станислав Никулин встретил стихи молодого автора с восторгом. Так же безудержно-эмоционально оценил творчество Зои не менее известный поэт Олег Шевченко, работавший в областной партийной газете «Коммуна» (рупор обкома КПСС!) и многие годы руководивший поэтическим семинаром при местном отделении Союза писателей СССР. К счастью, они оба, Стас Никулин и Олег Шевченко, не исповедовали иезуитскую заповедь некоторых чересчур самолюбивых мэтров: «Топи котят, пока слепые...» Как и Виктор Михайлович Попов, тогдашний главный редактор журнала «Подъём», позже — много лет руководивший Воронежской писательской организацией. Как Евгений Новичихин, который был ответственным секретарём журнала «Подъём», позже — его главным редактором, но прежде всего сам — широко известный поэт и прозаик. Будущий руководитель областного управления культуры. Кстати, и я тогда был рядом с ними: зам председателя правления, секретарь партийной организации. Мы с внимательной теплотой относились и относимся к творчеству Зои Колесниковой (Покорной). И каждый из нас в душе тайно считает себя первооткрывателем её удивительного таланта. Мы активно посылали Зою на совещания литераторов, приглашали на выступления, на творческие вечера...

С её первых шагов в поэзии было видно — у неё настолько своя чистота слова, своя взволнованно, моляще струящаяся над «бренной» землёй интонация, что главная задача нас, её тогдашних творческих наставников была — не заучить, не переформатировать это редкостное явление в русской поэзии начала XXI века.

Я говорю о чайке, у которой
так много Неба. Неба и воды.
Река случайно здесь впадает в море
и ловит свет луны. Её следы
в зеркальном отражении напрасном
пророчат возвращение туда,
где выраженье страстности —
бесстрастно

и поглощаемо. Мудрее, чем вода,
есть слово Бог. Там истина — в печали.
И в лабиринтах жизненных
кружа
там, — воплотившись в крики
диких чаек, —
так человекья кается Душа.

Несмотря на особую, глубинную утончённость своего поэтического дара Зоя Колесникова (Покорная) не есть некая витающая в астралах поэтизированная заоблачная сущность. Она по жизни настоящий труженик, подвижник — действующий поэт, многолетний член правления регионального Воронежского отделения Союза писателей России, директор регионального отделения «Общероссийское Литературное сообщество», (бывший международный Литфонд), шесть лет — назначенный руководитель секции поэзии при писательской организации, бессменный соруководитель секций на областных совещаниях молодых литераторов, директор музея нашего знаменитого воронежского архитектурно-строительного университета, выпускающий редактор журналов: «Бюллетень межконфессионального совета при Воронежской областной Думе» и «Бюллетень Национальной палаты при губернаторе Воронежской области». Помимо других наград, среди которых почетные грамоты от областной Думы и Департамента по культуре, в День работников культуры в 2016 году награждена Благодарственным письмом губернатора А. В. Гордеева за высокий профессионализм и большой личный вклад в развитие культуры Воронежской области.

Зоя Колесникова — человек верующий. Она замечательная бабушка и мать, и прекрасная жена.

Несмотря на тончайшие, но сильные крылья за спиной, твёрдо стояла и стоит на родной почве. Часто приезжает в Бутурлиновку, в Елизаветино, и в тот посёлок Красная Звезда, где жили бабушка и дедушка в краю чашобном, где зимой к самому крыльцу подходили лоси, а иногда и волки...

Дом в деревне обветшалой,
весь скрипит и стонет он...
День над крышей старой, ржавой
долго кружит. Шелест крон
у деревьев — обречённый...

Только корни силы ищут!
Здесь укор, любимый, нам...
Стыдным стало слово — нищий.
Святым стало слово — Храм.

С 1981-го началась к радости читательской нескончаемая череда публикаций новых произведений Зои Колесниковой в местной и центральной прессе — в газетах «Воронежский курьер», «Коммуна», «Воронежская неделя», «Общеписательская Литературная газета»; журналах «Подъём» и «Наш современник», региональных и столичных ежегодных поэтических альманахах: «День поэзии ВГУ», «День поэзии XXI век», «Академия поэзии»... У неё восемь поэтических сборников. Самый недавний, вышел в 2013, — «Выбирала цветы по цвету...». А ранее — «У вечерней воды» (2010), «Я жду весны...» (2007), «Придёт рассвет...» (2005), «Для сонаты из снов» (2003) и другие...

Само собой, никакого самиздата, никаких щедрых спонсоров, вдохновлённых красивой, мудрой и смелой женщиной. Среди её основных издателей — администрация Воронежской области, наш, спасибо ему ото всех писателей-земляков, департамент культуры, а также — Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, где любят и ценят настоящее искусство. А иллюстрировали книги Зои Колесниковой такие известные воронежские живописцы как Елена Кокорина и Александр Аникеев. Да и как удержится рука художника, когда перед ним такие строки:

Мотивы Сальвадора Дали

Едва забрезжил день. И время потекло
портретом расшалившегося гения.
И роза вскрыла вену горизонта.
И девушка застыла у окна.
И никогда лицом не повернулась.

Или вот на вскидку... О её, родной, рамонской эпохе:

Приютился домик на окраине
меж рекой и брошенным погостом.
Русская душа так любит тайное
бурное течение, где звезды
постигают видимую истину
единенья. Или — одиночества?
Русская душа здесь очень искренна
если не в Отечестве, то — в отчестве.

А это начало уже другого её стихотворения:

Наверное, весна, коль вишня зацвела,
наверное, судьба, коль по ночам не спится...
А в ранние часы звонят колокола,
наверное, пора нам о душе молиться.

«Улыбнуться своей надмирности, усмехнуться своей нерациональности, в то же время понимая другого человека и сострадая ему — вот её осязаемая неповторимая творческая черта» — в 2005-м написал председатель правления Воронежской писательской организации Виктор Михайлович Попов в предисловии к новой книге Зои Колесниковой «Придёт рассвет...»

Надмирность? Что в этом слове? Диакон Андрей Климов, доцент МПГУ, в своей «Метафизики русскости» так трактует его:

«Русская душа — душа вселенская, космическая по своей масштабности, способная объять такие высоты Духа, на которые редко поднимаются представители других этносов. Надмирность русской души определяет её главные качества, и первое из них — святость».

Душе не жаль
покинутого тела
и суеты
возникшей
вкруг него...
Она, освобождённая,
взлетела,
и возлюбила
небо и Его.

Она светилась,
радовалась, пела,
надеялась, любила
и ...ждала,
что станет
совершеннее
то тело,
которое однажды
предала.

От стихотворения к стихотворению, от книги к книге поэтическая ткань поэтессы Зои Колесниковой открывает для её многочисленных читателей и поклонников именно это покорно, тишайше, бережно присутствующее в строках предощущение жизнестойкой *святости русской* жизни. Неспроста наш народ как никакой другой одарён Господом святыми угодниками.

– Так чего же душа просила?
– Не просила, а в высь звала.
И была в ней такая сила,
что сама себе не мила.
Обвиняла себя, казнила,
утешала, держа ответ...
Тихо Боженьку я молила:
«Дай хотя бы нам десять лет...»

Помню, некоторые псевдознатоки поэзии долго не понимали главную идею творчества Зои Колесниковой, они видели в этом мудром искателе Правды Божьей... поэта любви, личных женских переживаний и грёз. Да, в творчестве Зои Колесниковой (Покорной) есть тончайшие оттенки всех чувств, подаренных человеку Богом. Есть штрихи от её увлечённости поэзией Цветаевой, Аполлинера, Юрия Кузнецова, Эдуарда Балашова, Вероники Тушновой... Не обошлось без переваренного русским духом влияния модернистских школ, будь то символизм, кубизм, футуризм или сюрреализм вкупе с экзистенциализмом. Известный воронежский учёный, филолог Лев Кройчик писал и о присутствии в поэзии Колесниковой импрессионистских волн.

Я жду весны.
Читаю о Цветаевой.
Вернее,
Перечитываю снова.
Здесь тает снег.
Снега почти растаяли.
Протаяло цветаевское слово.

Творчество Зои Колесниковой обладает высоким духовно-нравственным статусом русской поэзии, словно несёт огромный груз ответственности за всё происходящее в этом мире... и в тех надмирных сферах святости, которые бережно, молитвенно осваивает её поэзия.

Это первые строки стихотворения:

О Родине пишу, как о любви.
Иначе не получится. И сердце
Хранит огонь живой в моей крови,
Чтобы костром бессмертным разгореться!..

А это завершающая строфа:

...Пусть песня будет тихая звучать, –
И долго будут помнить её люди, –
И в ней мою вселенскую печаль,
Как и весёлость, искренне любят!

Известный российский критик, заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Подъём» Вячеслав Лютый в послесловии, помещенном в книге «Выбирала цветы по цвету...» (2013) изначально подчеркнул, что «в воронежской поэзии рубежа столетий стихи Зои Колесниковой занимают примечательное место». То есть, согласно толковому словарю Ушакова, — «замечательное, выдающееся».

Критика

Людмила Яцкевич

Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) родилась в г. Череповце Вологодской области. Доктор филологических наук, профессор. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг: «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнувших времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Народное слово в произведениях В.И. Белова», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора» и др. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на который В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером».

Терпение — дом души

О трех рассказах А.А. Цыганова

Мы учились не этому зрению,
А достоинству, воле, борьбе,
И совсем не учились терпению —
Слишком сложно — и мне, и тебе.

Николай Дегтерёв

Прав вологодский поэт Николай Дегтерёв: многие из нас, современных людей, мало учились терпению.

Терпению ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысел, поэтому святые люди — самые терпеливые. Терпению учит тяжелый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению учит материнство — поэтому настоящие матери самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, *«любовь долготерпит, ... все переносит»*. Кто прошел одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А, по Евангелию, *«претерпевший до конца — спасется»*.

Что же такое терпение? Святитель Игнатий Брянчанинов так кратко определил его: *«Терпение — дом души, смирение — её тица»*. Значит, нетерпеливая душа — бездомна, а лишённая смирения — всегда голодна. И одно с другим прочно связано. При этом можно иметь деревянный или кирпичный дом, или даже хоромы, а душа при этом всё равно будет бездомна. Можно и есть сытно, и гордо повелевать другими людьми, а душа всё равно будет голодна!

Размышления святителя Игнатия, изложенные в его богословских сочинениях, проистекают из его духовного опыта и христианской традиции. Писатели также приобретают духовную опытность, если их творческий дар обращен к правде жизни, к её высшему смыслу.

Характеры и судьбы героев трёх рассказов А.А. Цыганова, опубликованных в альманахе «Литературная Вологда — 2015», с художественной очевидностью показывают нам, как человек благодаря терпению достигает духовной силы. И с другой стороны, писатель раскрывает гибельность нетерпения. Героиня рассказа «Ночью месяц пёк» — бесстрашная терпеливая хранительница родного дома, которая *«с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от*

каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше».

Образ старой русской крестьянки предельно конкретен, хорошо узнаваем, то есть типичен для вологодской деревни. Не случайно в рассказе постоянно употребляются местные вологодские слова (*месяц пёк, кирилловская трехрядка, отводок, дювья, баской*) и топонимы родного для А.А. Цыганова Кирилловского района (*Славянка, Иткольское*). Вместе с тем, это символический образ, ведь автор даже не дал своей героине имени, называя её или *она*, или *одинокая женщина в белом одеянии*. Как это и характерно для символа, образ этой героини построен многопланово. Пространственный крупный план — это описанная в мелких бытовых подробностях обветшавшая изба старой женщины, заросшая усадьба. В дальнем плане просматривается северная деревня с заброшенными домами, из которой ушли все люди кроме этой одинокой хранительницы родного крова. А дальше воображение рисует всю деревенскую Россию...

Временной крупный план изображает подробно все события тревожной ночи, которая могла быть последней для героини, а значит, и для её дома, и для всей этой деревни ... А потом, может, и для всей крестьянской Руси! Такая мысль формирует дальний временной план изображаемых событий.

Однако, кроме тревожного настоящего и предполагаемого гибельного будущего, в сюжете этого рассказа есть прошлое, картины и события которого проливают свет на происходящее и помогают его осмыслить в духовно-нравственном ключе. Автор не ищет виновных, не берётся решать социально-политические вопросы, хотя они невольно всплывают в сознании читателя и вызывают горечь. Автор просто изображает, как шла жизнь в северной русской деревне последние послевоенные полвека, и беспощадно правдиво показывает тьму и свет крестьянского мира.

Как-то в молодости, в самом начале 80-х, мне пришлось вступить в спор с преподавателем научного коммунизма, который, в подтверждение своей беспощадной критики общинного духа русской деревни, привел авторитетные для него слова Максима Горького о «свинцовых мерзостях деревенской жизни». Мне стало обидно за моих близких, деревенских жителей, которые меня многому научили и, главное, в детстве согрели моё сердце теплом родной земли. Но разумных доводов в этом диспуте я тогда так и не смогла привести.

Да и вряд ли можно рассказать о сокровенном русской деревни чужому человеку!... А вот писатель А.А. Цыганов сумел рассказать об этом, доверчиво надеясь, что его читатель — свой родной человек, который поймет его. Только все ли его услышат? Ведь чтобы понять крестьянскую жизнь, нужно терпеливо прожить её или с любовью прикоснуться к ней. Для этого нужно быть христианином (напомним: имя *крестьянин* произошло от слова *христианин*). Именно такой христианкой была главная героиня рассказа «Ночью месяц пёк». Её терпение и молитва победили послевоенное ожесточение и дикость мужа, и он стал *хозяином* — так его постоянно называет автор в рассказе. Она победила своим мужеством и духовной силой ночных поджигателей, посланных чужими людьми уничтожить её дом. Она твердо верит, что Господь ей поможет, и поэтому неустанно молится.

Жизнь русской деревни в XX веке была и страшной, и светлой, потому что она стояла на самой передовой линии духовной смуты. Крестьяне дольше городских жителей хранили в душах веру православную, трудолюбие и терпение, но когда начали их терять, тогда-то и наступили тёмные времена разорения северной деревни под натиском чужой беспощадной воли. Героиня рассказа — *последняя* хранительница этого истока Руси. Вот это самое страшное. Но не хочется верить, что это последний рубеж. Если народ сохранит дом своей души — терпение, то тем самым сохранит и Россию — наш общий дом. А пока с каждым днем деревня сиротеет все более и более.

Второй рассказ посвящён этой теме — трагическому сиротству и бездомности современной северной деревни. Называется он очень странно — «*Ерпыль*». Это местное деревенское слово с очень древним корнем вряд ли известно городским читателям. В самом конце повествования о горькой судьбе нетерпеливого блудного сына автор дает ему народную оценку: «*ерпыль — так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру*». Русский народ всегда ценил терпение и порицал нетерпеливых, что нашло своё выражение в его языке. В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что у слов *терпение* и *терпеть*, кроме основных значений, есть и другие положительные оценочные значения: *терпеливый* — значит «пригодный, подходящий к чему-либо, для чего-либо», *терпеть* — значит «сохраняться, не портиться». Но *терпеть* ещё значит и «страдать, мучиться»,

поэтому от этого слова образовались слова *терпеливец* и *терпеливица* — это «об очень терпеливом человеке». Для обозначения нетерпеливого человека в русских народных говорах есть много слов (*зуда*, *сулема* и др.), вот и *ерпыль* имеет однокоренные с ним слова *ерпеза*, *ерпеса*, *ерпесилю*. Все они имеют пренебрежительную окраску. Трагизм бездомности героя, которого автор назвал *ерпыль*, потрясает. Если библейский блудный сын всё-таки нашел силы вовремя вернуться в родной дом отца, то вологодский блудный сын спохватился слишком поздно. После многолетних скитаний по чужой стороне он возвращается в родную деревню, но она встречает его не теплом родного очага, а космическим холодом, стилой пустыней и снежной бурей. Героя охватывает тоска, ему страшно внимать вою ветра в этой пустыне: *«перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдаемого по обычному, никогда неизбывному участию, нашему теплу»*.

Терпение во имя высокого предназначения сопряжено всегда с выдержкой и мужеством. В славянском языке *терпеливый* значит и «сильный, могучий», и «мученический». Именно в таких значениях употребляется это слово в славянском переводе Библии. Именно об этих смыслах терпения повествует третий рассказ А.А. Цыганова «Под сосною, под зеленою». Его герой, бывший разведчик, ныне одинокий, старый и, на первый взгляд, слабый человек, который *«готов сидеть день-деньской»* в кафе в окружении мужского общества, так как ему после смерти жены отчаянно одиноко *«в своей пустой однокомнатной панельке»*. Он не пьёт вина, обычно молчит, так как к нему здесь относятся насмешливо и называют «Слава-разведка». Вот и в этот день шумная компания ему кричит: *«Слышь, разведка? Ещё не всех врагов повязал? Колись, боец!»* Однако именно этот человек в этот же день вечером мужественно защищает своё человеческое достоинство от приезжих жестоких бандитов, напавших на него недалеко от его дома на безлюдной окраине Вологды. Только терпение и выдержка помогли ему справиться с леденящим душу страхом. И в этот момент духовного возвышения на помощь ему приходит сам Господь: *«Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло»*. Обстоятельства неравной схватки складываются так, что два бандита погибают: один, поскользнувшись, напоролся на собственный нож, а второй, в темноте и в состоянии бешенства, — на толстый сук сосны, под которой происходило нападение на старого разведчика. Третий бандит бросается на ослабевшего старика и пытается задушить его «славинской родительской тесёмкой от нательного креста». *«И тут всё, что осталось в Славе, ходуном заходило: как-то это было совсем уж не по-русски — последний бой проигрывать»*... И он побеждает, хотя и умирает в этом последнем бою: *«И Слава-разведка, недвижимый, продолжал глядеть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно и манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой зябкой земле, — к себе, в долгожданный покой и отдых»*.

Скажу честно: если первые два рассказа А.А. Цыганова мне сразу запали в душу, то этот рассказ я не сразу смогла понять и принять. Первое впечатление было таким: всё это невероятно, а картины жестокой схватки ужасны до тошноты. Мой знакомый филолог поделился своим мнением, дескать, всё это смахивает на боевик с героем-суперменом. Но с такой оценкой я категорически не могла согласиться: что-то мешало, в душе появились какие-то сомнения. Я снова внимательно перечитала этот рассказ и вдруг обнаружила, что за его сюжетом стоит очень многое, что связывает главного героя с русской православной традицией. Главное — это его способность к терпеливому мужеству. В доказательство привожу мысли жившего в XVIII веке святителя Тихона Задонского о терпении, которое проявляет человек в тяжёлых и опасных обстоятельствах: *«Терпение мужественным и непобедимым делает человека. Может терпеливый лишен быть всего, ... может убиен быть, но победим быть не может. Ибо крепость его не телесная, но духовная есть: телом побеждается, но духом непобедим бывает, ... и тако над всеми своими врагами духом торжествует»*.

В заключение пропоём вместе со святителем Тихоном Задонским гимн терпению: *«О! блаженни те домы, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно бо более сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены»*.

В рассказах А.А. Цыганова тоже звучит этот древний русский гимн.

Критика

Вера Харченко

Доктор филологических наук, почётный профессор, зав. кафедрой филологии НИУ «БелГУ»

Продлить звучание стиха

(Владимир Шемшученко. Избранное (книга стихотворений). — СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2016. 160 с.)

Владимир Шемшученко — отнюдь не новичок в поэзии. Более того, этот поэт отмечен немалым числом премий — тем интереснее проанализировать недавно вышедший из печати сборник «Избранное» на предмет определения своеобразия, уникальности поэтической мысли и поэтического слова. Что же бросается в глаза при первом уже знакомстве со стихами Владимира Шемшученко и что, напротив, требует пристального отслеживания, едва ли не герменевтического подхода? Попробуем эти индивидуальные черты (условно, конечно же!) пронумеровать.

Во-первых, поэзия Владимира Шемшученко — это мужская поэзия. На поэтическом горизонте (впрочем, не только на поэтическом, в быту и на службе тоже!) сейчас продолжается такой период, когда женщины и ведут себя, и пишут подчёркнуто по-мужски, а противоположный пол не чурается женственных признаний, шквала обид и прочих атрибутов отнюдь не своего гендера. У В. Шемшученко всё чётко по-мужски. Ненависть — высшей пробы! — / Сыну в сердце вложу (с. 151). Плачет сука, и я с ней плачу, / Ненавидя и благодаря (с. 149). Двадцатый век оттяпал полдуши / И треть страны, в которой я родился (с. 146). И вдрызг разругались соперницы-кошки, / Изрядно помяв меховые манто. / Вот глупые твари. Свернуть бы им бошки! (с. 143). А собачьи глаза — Вон какие стихи сочиняют! (с. 128). Любимая, я — идиот — / Европа стихи не читает (с. 95). К чертям занудный ход календаря! (с. 102). И в рюкзак уложить тишину и усталость (с. 41).

Во-вторых (впрочем, это вытекает из первого!), Владимир Шемшученко — поэт эпатажа, отстаивающий своё право на эмоции, достаточно часто альтернативные классическим поэтическим ожиданиям. Но этим голосом говорят сейчас многие, очень многие, которым эти стихи, если бы они их услышали, были бы до боли близки и дороги. У поэта Геннадия Калашникова есть выразительная строка: «Вся суть поэзии — касанье, она не зеркало — ладонь». То, о чём рассказывает лирика Владимира Шемшученко, касается буквально каждого соотечественника-современника: «Неладно со времён царя Гороха...», «Обшарпанный футляр, а в нём аккордеон...», «Я устал. Мне уже никогда...», «Стало страшно читать и писать...», «Петь не умеешь — вой». Мы привели сейчас самые первые строки (и, соответственно, названия некоторых стихов), тематически различных, но равно остающихся в памяти и структурирующих образ поэта.

Ролан Барт выдвинул идею о «третьем смысле» кинопрочтения произведений. Первый смысл — социально-этический, второй — эстетический, однако фильм фиксирует всегда несколько больше, чем хотел сказать автор. Примерно о том же пишет в своей книге «Простодушное чтение» и Сергей Костырко: «А у искусства, как известно, своя логика, и противоречие между тем, что намерен был сказать автор, и тем, что сказалось, почти всегда неизбежно». Мы сейчас ведём речь о том, что у Владимира Шемшученко немало строк уделено «русской болезни», поскольку талантливый поэт, подчас независимо от своих установок, то есть интуитивно, становится всеобъемлющим зеркалом социума. Причём упомянутая тема работает и на образный ряд: И хлебнув с утра весенней влаги, / Провода трамвайные поют (с. 85). Тут проступает очень напряжённый нерв оценки: всё ли, что есть в жизни, должно проникать в книгу или всё же не всё? Отражаем ли мы происходящее (науке известен такой термин, как сверхсмертность мужчин, — понятно от чего) или утоляем извечный голод, свою неуёмную тоску по идеалам и образцам повседневного поведения?

Вот одно из самых сильных стихотворений «Счёт»: Я иду, заливаясь слезами, / Всеотзывчивость нашу кляня... / А навстречу — со злыми глазами! — / Боже, как они любят меня! (с. 142). Нас всех (не только мужчин! не только много переживших!) достаточно часто захлёстывают отрицательные

эмоции, которые, оказывается, тоже нужны личности, что блестяще доказал в своей книге Томас Гордон, защищая права детей на гнев и зависть, обиду и злость. Кстати, американского психолога трижды представляли к Нобелевской премии, но его смерть сняла этот вопрос с рассмотрения. Мы же пишем об этом потому, что сильным эмоциям, ой, как необходим свой язык. «Язык не может быть сокровенным. Если он сокровенен — он не язык», — подчёркивает в романе «Полевые исследования украинского секса» Оксана Забужко.

Тем ярче в сборнике «Избранное» у Владимира Шемшученко звучат альтернативные, добрые стихи, например, о сыне, подобравшем котёнка, или о дятле за окном. Котёнок спит, а рядом спит счастливый / Поэт, не написавший ни строки (с. 127). ...Лукавый кругленький глазок... / Обыденно... Но так красиво! // ...И он бросает вызов мне / Трёхстопным ямбом в телеграмме. / На нём атласный колпачок / И боевое оперенье... / Ну ладно, ладно, дурачок / — Ты лучшее стихотворенье! (с. 130).

Продолжим наш подсчёт особенностей поэтики Владимира Шемшученко. Итак (это уже в-третьих!), стихи Владимира Шемшученко подкупают необычным для поэтического языка соединением, сочетанием, сопряжением живой интонации разговорной речи, что, по сути, мы уже продемонстрировали, и яркими аллюзиями, цитатами из классики, а также упоминаниями современных поэтов и писателей. Это строки из Блока и Маяковского, Ломоносова и Пастернака, Александра Пушкина и Александра Грина. Это аллюзия алых парусов и аллюзия Э.-М. Ремарка: На писательском фронте без перемен (с. 118). Упоминается Юрий Кузнецов, Геннадий Айги, Захар Прилепин, Глеб Горбовский. К отдельным стихам предпосланы эпиграфы из Пушкина, Блока, Мандельштама, Исаковского. Есть посвящения. Марине Кудимовой, например. Таким путём создаётся лирика, весьма насыщенная именами и образами.

В-четвёртых, в стихах сборника много Петербурга. Даже если судить только по названиям: «Петербург», «Васильевский остров», «Петербургский вальс», «Наводнение», «Город Гамлет». Впрочем, и вся страна представлена: Караганда, Курилы, Киев, Феодосия, Донецк, Соловки, Онега...

В-пятых (что связано с сильными протестными переживаниями!), в стихах много «политики». Они как пронзительная, пронизывающая оценка непростой нашей современности, включая до сих пор «беснующихся укров», и таджиков, вынужденных зарабатывать среди тех, кого выселяли и проклинали. Посмотрите в окно — кто метёт и скребёт наши улицы? / Это дети оравших до времени: «Русские вон!» (с. 137).

Александр Иличевский хорошо сказал о прозе: «В моём понимании, любой роман — это исследовательская работа, способ познания мира. Желание что-то написать возникает тогда, когда что-то не понимаешь. Текст — это попытка размышления по поводу того, что тебе неизвестно (Новый мир. 2012, № 5. С. 227). Полагаем, что исследовательский посыл есть не только у романа, но и у стихотворения, которое тоже становится инструментом не одного лишь отражения, а ещё и анализа события. Вот, например, очень точная зарисовка узнаваемых эмоций: Скитается взгляд по вагону, чего ни коснётся — болит! (с. 46). Добавим: стих — это ещё и аутоисследование, интерпретация собственного поступка: Здравствуй. Знал, что вернёшься, и верил — / Я тебя отпустил, чтобы этим тебя удержать (с. 38).

Впрочем, продолжать выделенные выше «во-первых», «во-вторых» и далее не следует: начинает угасать самое главное. Дело здесь вот в чём. При таком эпатаже и такой «политике», при такой многоликости Петербурга и таких списках имён объединяющим началом, пронизывающим каждый блок, каждый «отсек» своеобразия, у Владимира Шемшученко является яркий лиризм, замечательное чувство необходимости той или иной, всегда по-мужски сильной эмоции.

Он вытащил меня из пьяной драки / И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...» / Он умер тихо, но его собаки / Заснуть всему кварталу не дают (с. 36). Время любить — без любви умирают, / Вянут, как сбита градом трава (с. 37). Не вы гоняли голубей, / Но вы — поймёте... (с. 22). Не гляди на меня. Лучше слушай, как мокрою лапой / Законная ель одичало скребётся в стекло. / Пересилив себя, ты сумела назвать меня папой / И сама испугалась — давненько мне так не везло (с. 92). Снега хочется! Солнца! / Рук твоих! Чёрт возьми! (с. 106).

Лирика Шемшученко демонстрирует умение не только пережить, но и выразить эмоцию. Как? Да по-разному и всегда по-своему, так, как мало кто в поэзии эти эмоции выражал. Рассмотрим один интересный содержательный, сюжетный ход и один ход, один приём сугубо формальный, грамматический, поясняя сказанное примерами.

В сборнике парадоксально большое место уделено... собакам, или, выражаясь галантным научным языком, концепту «собака», что тоже больше свойственно сугубо мужской поэтике. Считается, что

лучшие собаки у Чехова. В поэзии, конечно же, вспоминается Сергей Есенин. Стихотворение Ивана Бунина «Одиночество» заканчивается словами: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить». Так и у нашего автора эмоциональная нить протянута к собачьему бытию и сердцу. Вот метель, беспощадно диктует стихи, / И наплевать ей, что псы и поэты похожи (с. 72). Псина сторожевая / Вдруг замолчала у ног (с. 40). Подходит хозяин, хромая на правую ногу, / И гладит собаку по шерсти, скрывающей шрам (с. 114). У меня на руках абрикосовый дремлет щенок (с. 113). Образ собаки сродни поэту по силе переживаемых чувств и невозможности выразить их словами. Для животного это абсолютная невозможность, а для поэта — это не что иное, как извечная неудовлетворённость очередным плодом собственного творчества, опять не утолившим авторские ожидания.

Поэзия — это движение образов, художественная бесконечность их прочтения. И соло василька в большом цветочном хоре... (с. 52). Как мы уже подчеркнули, в этих поэтических образах частым гостем становится узнаваемый Петербург. ...И снежные хищники с крыш / Не прыгают на прохожих (с. 95). Постою, помолчу, погляжу на мятущийся снег. / Он ещё не лежит на карнизах свалывшейся ватой. / Он летит и летит, и моих не касается век. / Он, конечно же, синий, и пахнет, естественно, мятой (с. 90).

Он летит и летит... Вот мы и приблизились к характерному для Владимира Шемшученко грамматическому приёму, который поэт замечательно разрабатывает. Конец этого стиха: Снег уже не идёт. Он уходит, уходит, уходит... (с. 90). Повтором современного читателя не удивишь, но ведь здесь повторяется так называемое настоящее актуальное, сиюминутное. Повторяется — и потому продлевается. Вот финал ещё одного стихотворения: Тонкий ломается лёд — Кто-то под окнами ходит. / Что-нибудь произойдёт / Или уже происходит... (с. 40). Из других стихов: Заносит меня в Петербурге метель, / Заносит, заносит, заносит (с. 72). И листают, листают, листают / Календарь новогодний зима (с. 84). Я, словно снег, иду, иду к тебе (с. 104).

Говорит, гладит, дремлет, спит, примеряет, прошу, ждёт, поём, врывается, роняет, ржёт, стирает, целую, знают, сторонятся, кружит, пахнет, согреваю... Мы сейчас выписали из финальных строк глаголы-сказуемые. Обратим внимание: это всё формы настоящего времени. В музыке есть такой значок: фермата. Тяни звук, сколько хочешь: если подольше, то звук станет лучше, выразительнее. Так и поэт формой настоящего времени продолжает, продлевает звучание стиха, хотя стих будто бы уже и закончен.

Повтор требует большой осторожности: это весьма сильный приём. Случайно ли, что в сборнике лишь три стихотворения выстроены по эффектной модели. Два по модели: Это... Это... Это... А на реке светает — Это издали, / Это растёт, нарастает (вот оно опять, настоящее время!)... Это ещё не звук, / Это из сердцевины... / Это небесный паук / Звёздной наткал паутины... / Это корова-луна / Тучу поддела рогами. / Это кричит тишина / Между двумя берегами (Каков образ реки и потрясающей тишины над нею!)... / Это — здесь и сейчас! («привилегированные точки» Э. Канта) — / Заговорить стихами... / Это — последний шанс / Не превратиться в камень (с. 4). В другом стихотворении трижды повторяется группа придаточных, начинающихся с «когда»: Когда нет преданного друга, / Когда не подадут руки, Когда никто не интересен... (с. 27-28). Двадцать один ответ в общей сложности протягивает читателю поэт на заголовочный процессный вопрос: когда же «мысль превращается в слова».

Много лет назад в стихотворении Якова Белинского мы отметили приём обрыва не строки даже — обрыва на половине слова. Речь шла об осенних листьях: Не апрель — наряжаться, / Время гибнуть кружа, — Додержаться... / Держаться... / Держаться... / Держа... У Владимира Шемшученко в стихотворении «Картина» встречаем: И штрих за штрихом, словно наземь убитая птица, / И ярость мазка, как прорвавшая шлюзы вода, / И чья-то судьба — просто загнутый угол страницы. / Гадала цыганка. Гадала, гадала, гада... (с. 29).

Я так чувствую, что скоро перепишу весь сборник, а главное от анализа всё ускользает, почему стихи лучше не разбирать, а читать и читать. И ценить этот дар в другом. У Фёдора Ермошина есть интересное сравнение наименований лиц с шахматными фигурами. «Поэт — наиболее чувствительный, чутконогий, но и самый зыбкий агент в этом мире речи. Если сравнить язык с шахматами, то пешками будут журналисты, турамы — прозаики (с их эпической обстоятельностью и неповоротливостью), политики — конями (не знаешь, куда увильнёт, и от корявого косноязычия до афоризма один ход), поэт — ферзем: он может ходить, как ему вздумается, он дерзок, размахист и почти всемогущ, но его гибель наиболее разительно сказывается на всём балансе сил» (Знамя. 2007. № 10. С. 187).

Трудно сказать, что осталось за кадром, что не вошло в «Избранное», но в любом случае в этой поэзии есть что исследовать и есть что просто читать.

Татьяна Голоненко

Голоненко Татьяна Максимовна родилась на Кубани. По специальности филолог, учитель русского языка и литературы. Более 30 лет преподавала в школе. Специалист по работе с молодежью. Руководитель детской театральной студии «Янтарика». С 2012 года — председатель литературно-творческого объединения «Возрождение» микрорайона Чкаловск в Калининграде. Публиковалась в различных изданиях. Лауреат областного конкурса «200 лет Победы в Отечественной войне 1812 года» (2 место), вошла в лонг-лист 3 межрегионального конкурса «За далью – даль» (Рассказ «Береги честь смолоду»). Песня «Калининградский вальс» в номинации «Авторская песня» заняла 1 место в конкурсе «Живи и помни», 3 место — в международном конкурсе «Виват, Виктория!», 1 место во Всероссийском конкурсе «Хрустальная снежинка -2015» в Москве.

Фамилия обязывает

Рассказ

Зовут меня Петька. Фамилия — Кутузов. Представляете, такая же, как и у известного полководца! В детстве, когда меня спрашивали, как моя фамилия, я бил кулачками себя в грудь и с гордостью отвечал: «Кутузов!» Все улыбались, мужчины хлопали меня по плечу, подмигивали, мол, вот настоящий защитник Родины растёт. Когда мы с ребятами играли в войнушку, я никогда не был Наполеоном, всегда Кутузовым! Сейчас я в восьмом классе. Стараюсь без надобности не называть свою фамилию. Наверное, потому, что учусь неважно, пропускаю иногда уроки, хотя и по уважительной причине, а учителя, возмущаясь, говорят: «Ты же Кутузов! И не стыдно такую фамилию позорить!»

Короче, я уже привык, что меня вечно ругают. А сегодня новая историчка подошла ко мне и говорит: «Петя, в школе конкурс объявили «200 лет победы в Отечественной войне 1812 года», я бы хотела, чтобы ты подготовил сообщение о Кутузове».

Я сразу же возмутился:

– Почему именно я? Что, других в классе нет?

– Конечно, есть, Петя. Но я подумала, что человеку с такой фамилией, как у тебя, будет интересно узнать об однофамильце. А может быть, он твой родственник?

Я зашмыгал носом и отвернулся.

– Ну, так как, Петя?

Я молчал.

– Ну, вот и хорошо. Договорились. Я очень на тебя надеюсь и верю, что такой парень, как ты, обязательно справится.

Историчка ушла, а я всё сидел и думал над её словами: «Такой парень...» Какой?

«Ладно, — решил я. — Сейчас сбегая за молоком для младшего братишки, заберу пораньше сестру из детского сада, куплю бабушке лекарство и пойду в библиотеку».

После смерти отца я — главный мужчина в доме.

В библиотеке встретили меня очень тепло.

– Что бы ты хотел почитать, мальчик? — спросила библиотекарь.

– Про Кутузова.

– Хорошо, сейчас я сделаю подборку материала, но прежде запишу тебя. Как твоя фамилия?

– Кутузов.

– Как? — переспросила библиотекарь и внимательно посмотрела на меня поверх своих огромных очков.

– Кутузов! Кутузов! — громко повторил я.

– Замечательная фамилия, — сказала библиотекарь и погладила меня по голове.

Когда я пришел домой, младшие уже спали. Мама суетилась на кухне. Увидев меня, обняла, поцеловала и сказала:

– Петя, сыночек, спасибо! Что бы мы без тебя делали!

Я на цыпочках прошёл в свою комнату, включил настольную лампу и начал читать. На первой странице портрет Кутузова. Так вот он какой! «Генерал-фельдмаршал, светлейший князь Смоленский, родился 5 сентября 1745 года в Санкт-Петербурге, окончил Артиллерийский инженерный кадетский корпус и в 15 лет начал воинскую службу...» В 15 лет? Не может быть! Мне скоро пятнадцать... Ба! «В 16 произведён в офицерский чин, а в 17 командовал ротой Астраханского пехотного полка под предводительством Суворова»...

– Во даёт! — подумал я.

Внимательно стал всматриваться в лицо генерала. Чёрная повязка прикрывала один глаз. Оказывается, в 1774 году в сражении с турками он получил тяжёлое ранение в голову и лишился правого глаза.

Какой мужественный человек! Теперь я понимаю, почему Суворов назвал Кутузова своей правой рукой, а император Александр I назначил его главнокомандующим армией и ополчением.

Сцены Бородинского сражения потрясли меня окончательно! 132 тысячи человек при 640 орудиях! И среди этого жестокого орудийного огня — Кутузов, призывающий защищать родную землю до последней капли крови! Я вспомнил стихотворение «Бородино». Как точно изобразил полководца той эпохи, воевавшего под началом Кутузова, М.Ю. Лермонтов!

... И молвил он, сверкнув очами:
« Ребята, не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ночью мне снилась горящая Москва и бегущие из неё враги. Снился Кутузов, который говорил мне:

– Молодец, Петька! Ты — спаситель Отечества.

Снились французы, плетущиеся по обледеневшей дороге, обмороженные, голодные, закутанные кто во что. Снился Наполеон, бросивший остатки своей армии и сбежавший в Париж.

Утром я проснулся раньше обычного, ощутив необыкновенную лёгкость не только во всём теле, но и в душе. Без напоминаний мамы почистил зубы, сам погладил рубашку и брюки, подошёл к зеркалу. Всё отлично, но эти лохмы на голове... Надо бы подстричься.

Отвёл сестрёнку в детский сад, забежал в парикмахерскую, подстригся, потом пулей полетел в школу. До урока еще 20 минут! Никогда я так рано не приходил в школу!

Одноклассники встретили меня свистом и овациями. А Витька, известный всей школе двоечник и драчун, воскликнул:

– Ну ты, Петька, и «чел»!

Выступление моё прошло на «ура». Класс слушал, затаив дыхание. Никто, видно, не ожидал, что я могу так хорошо подготовиться.

Когда ребята стали задавать мне дополнительные вопросы, отличник Сеня, прищурив левый глаз, ехидно спросил:

– Объясни, пожалуйста, Петя Кутузов, что стало главной причиной нашей победы в войне 1812 года?

Класс замер.

Я без запинки ответил:

– Патриотизм народа, высокий моральный дух, мужество солдат и искусство наших полководцев.

Учительница истории Зоя Петровна поблагодарила меня, сказав, что она не ошиблась во мне, и поставила первую в моей жизни пятёрку.

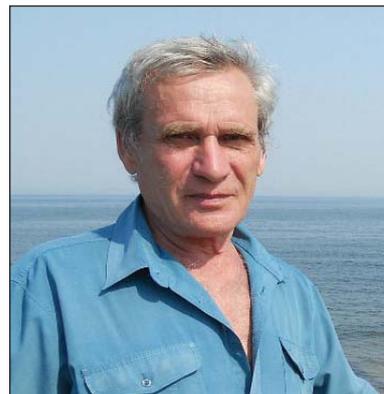
Летом мы с мамой поедem в Санкт-Петербург и обязательно посетим Казанский Собор, где в апреле 1813 года был торжественно похоронен Михаил Илларионович Кутузов.

Я для себя решил, что обязательно стану военным, как Кутузов, ведь кому-то же нужно защищать Родину, да и фамилия обязывает.

Бережок

Владимир Конев

Конев Владимир Андреевич родился в 1949 года в г. Барабинске. В 1971 г. окончил Новосибирский институт инженеров водного транспорта. Основная и любимая профессия — конструктор. Первые рассказы-миниатюры написаны в 2015 году.

Наседка

Пропала несушка. Хозяйка со слезами на глазах которой раз пересчитывала кур. Одна, две... Как и вчера, одной не хватает. И вдруг на двухметровый забор, со стороны улицы, взлетает её несушка. Курица слетает с забора и быстро начинает клевать зерно. У женщины отлегло от сердца. Слава Богу — нашлась!

Насытившись, курица покидает двор тем же путём, как и пришла. Хозяйка открывает калитку. Жизнь в деревне пока ещё позволяет отпускать птицу за свободный выпас. Выйдя на улицу, женщина отмечает, что будет тёплый весенний день. Несушка в это время внимательно наблюдает за ней. Вот хозяйка отвернулась и скрылась в проёме калитки. Курица медленно, как бы прогуливаясь, пошла прямо от двора. Немного пройдя, она обернулась и, не заметив никакой угрозы, резко взяла в сторону. Пробежав с десяток метров, курица скрылась в траве.

Хозяйка решила проследить, откуда несушка приходит. Два дня курица на утреннее кормление не приходила. На третий день упорство хозяйки было вознаграждено. Из травы, которая к этому времени успела изрядно отрасти, появилась голова несушки. Оглядевшись по сторонам и не заметив никакой угрозы, курица быстро пробежала расстояние до забора. Потом она вспорхнула на поленницу дров, и дальше всё повторилось, как в прошлый раз. Стало понятно: курица сидит на яйцах.

Хозяйка решила отыскать несушку. Но полдня поисков в густой траве и в зарослях малины ни к чему не привели. Ведь можно пройти совсем рядом с наседкой, но она ни одним движением не выдаст своего присутствия.

Через двадцать дней несушка, а теперь уже клуша, привела домой семь маленьких жёлтых комочков, которые выглядели вполне самостоятельными. По пути цыплята разгребали землю, доставали оттуда что-нибудь съедобное.

Наблюдая такую картину, невольно задумался над справедливостью выражения: «Куриные мозги». Оказывается, курица не настолько глупа, как о ней говорят. Ведь природа наделила живых существ нашей планеты инстинктом и разумом, необходимыми для продления своего рода. В маленькой головке курицы тоже есть разумные мысли, как выкормить и защитить своё потомство.

Солидарность

Человек, живущий на краю посёлка, застрелил коршуна. Коршун обычно охотился на мелких животных и птиц, а этот был крупным хищником и нападал на кур, которые свободно гуляли возле дома. Он каждое своё посещение убивал по курице, и, выклевав внутренности, улетал.

Несколько дней царило спокойствие. И не было слышно истошного крика домашней птицы. Но вот в небе опять кружил коршун. Он парил и с каждым днём нарезал всё более обширные круги. Это, очевидно, была самка, гнездо которой находилось недалеко от посёлка в кроне развесистой сосны.

Пришло время появиться на свет её потомству. И ей приходилось без отдыха охотиться, чтобы накормить своих прожорливых птенцов. В это же самое время хохлатка (так назвали наседку за хохолок, который красовался на её красивой головке) первый раз вывела цыплят «в свет», то есть для обучения в поисках пропитания. Её дети были способными учениками. Роясь в грядке, они самостоятельно добывали себе пищу. Но наседка внимательно следила за работой своих питомцев и квоxtаньем поправляла их действия. Она не уводила цыплят далеко от зарослей малины. Природа одарила её способностью предвидеть опасность и быть начеку.

Во всякой большой семье у каждого свои заботы и обязанности, и время для работы и отдыха. Кот Чижик, растянувшись в зарослях малины, наслаждался прохладой, поскольку даже ему, любившему греться на солнышке, было жарко. Кажется, он крепко спал, но его уши, как локаторы, постоянно находились в движении. Малейший посторонний шорох, и Чижик был готов к прыжку. И тогда птичке или мышке не сдобровать. Чижик считался воспитанным котом, так как в молодости прошёл курс обучения под руководством хозяина, поэтому крепко усвоил, что ему дозволено, а за что можно получить взбучку. Цыплята спокойно гуляли рядом с Чижиком, потому что наседка знала его как члена их большой семьи. Но Чижик не просто воспитанный кот. Он порой проявлял храбрость, достойную мужчины.

Как-то коршун, нарезая очередной круг, оказался над выводком цыплят. Его острый глаз сразу увидел крошечные жёлтые комочки. Он вспомнил, какой нежный дух идёт от этих малышей — вот настоящее угощение для его деток! Сложив крылья, он камнем устремился вниз. Воздух прорезал нарастающий шум. Наседка слышала его, но не могла понять откуда надвигается опасность. Она моментально подала сигнал тревоги, понятный всей домашней птице. Услышав от наседки тревожный сигнал, цыплята как горох посыпались в заросли малины и там, сбившись в один комочек, притаились.

На наседку, разбросав крылья и обдав потоком воздуха, налетало что-то большое и грозное. Коршун готов был наброситься на курицу, но она на доли секунды опередила и бросилась на него. И полетели пух и перья, и не понятно, чьих было больше. Неизвестно, как завершилась бы схватка, но в это время сзади на коршуна набросился Чижик, и хищник, перевернувшись от неожиданности через голову и пробежав несколько шагов, взмахнул крыльями и на бегу скрылся с глаз.

Кто знает, могут ли птицы анализировать свои действия, но коршун больше не пытался охотиться на нашем участке.

Я был рад, что этот случай ни для кого не закончился трагически, и победили материнский инстинкт и семейная солидарность.

Берега культуры и искусства

Лидия Довыденко

Стеклодув и народный дипломат Юрий Леншин

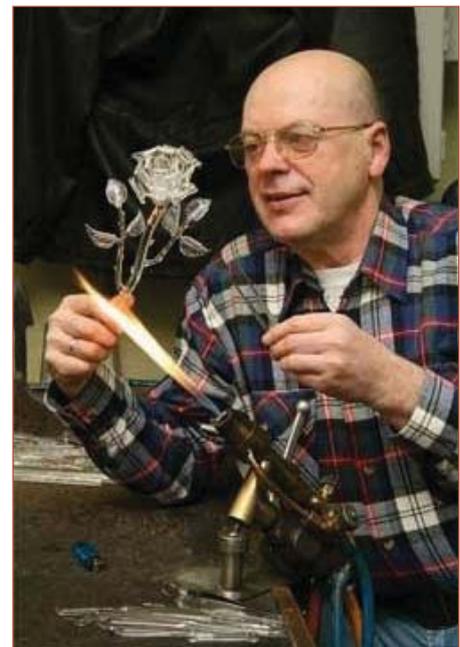
Шёл 1996 год. Россия отмечала 300-летие флота. В тот год праздник День Военно-морского флота России в Балтийске, в сердце Балтийского флота, отличался не только важностью гостей, особенно тщательной подготовкой, но в том числе необыкновенной выставкой в Доме офицеров – выставкой изделий из стекла мастера Юрия Леншина. Так я впервые увидела необычные работы талантливого художника и долго не могла оторвать своего взгляда от искусно выполненных державных знаков, стеклянных каравелл, маленьких корабликов, заключённых в большой прозрачный сосуд, цветных стеклянных рыбок и других жителей морских глубин. Поразила и захватила не только фантазия художника, образность, а цветовое решение, искусство детали, скрупулёзность и точность исполнения, многообразие искусно закруглённых линий, гармония и свет души исполнителя этих творческих проявлений в стекле, рождённых дыханием человека, стихией огня и божественного предназначения.

Прошло немного времени, и, нечасто приезжая в уютный курортный городок Светлогорск, я всегда с радостью встречала на его многолюдной центральной улице – Юрия Юрьевича. Наблюдая его, сидящего за столом в окружении хрупких и нежных стеклянных предметов его творения, с горелкой в руках, выдувающего на глазах изумлённых многочисленных зрителей какое-то чудо в виде яблока, мышки, петушка, причудливой хрюшки внутри которой маленькая свинка, я думала о талантливых людях нашего края, снова и снова любуясь готовыми, сверкающими на солнце прозрачными кувшинами, самоварами, цветными крабами, морскими коньками...

Стеклодув благодаря огню и дыханию человека превращается то в прозрачный шар, то в тоненькую верёвочку и в конце концов – в произведение искусства. Для рождения чуда требуется опыт, умелые руки, гибкость пальцев, точность движений, большое количество инструментов: ножницы разных форм, щипцы, сошки, а главное – идея, пришедшая на ум при подсказке интуиции. Художник набирает на кончик стеклодувной трубки расплавленное стекло, выдувает пузырь и начинает формировать его, раскрывая верх или раскатывая нижнюю часть, вытягивает, гнёт, режет вязкое стекло с помощью специальных инструментов. Ему необходим точный глазомер, хорошая координация движений, художественный вкус, креативность и так называемое чувство расплавленного стекла. Также нужна физическая выносливость.

И вот ты любишь только что рождённым произведением искусства, в котором тёплое дыхание и частичка огромной души мастера. Яркое представление, говоря современным языком – увлекательнейшее шоу – проходит перед глазами зрителей, и время как будто исчезает, а мы вовлекаемся в чудо творения стихии огня и вдохновения человека.

Юрий Юрьевич охотно останавливается, выключает гудящую горелку, отвечая на вопросы ценителей искусства. С удовольствием здоровается со знакомыми, а некоторые отдыхающие в Светлогорске из года в год приезжали именно сюда, чтобы не только пожить пару недель у моря, а ещё – чтобы пообщаться с Мастером, Заслуженным художником РФ, знаменитым стеклодувом мира, о котором так много написано, сделаны передачи на центральных телевизионных каналах.

Юрий Юрьевич рассказывает, что мастерство, а за ним признание само не приходит, прекрасных результатов приходилось добиваться. Этому способствовала страстная увлеченность, стремление постичь тонкости дела. И сразу вперед, как только осваивал какую-то вещь.

Предмет особой гордости – чинил или изготавливал то, за что не брался никто. Вот интересный случай в Житомире. Юрий Леньшин был просто нарасхват, когда однажды сделал то, что считалось невозможным у нас в стране. Как-то в лаборатории одна женщина рассказала, что кто-то привез из США пробирки с завинчивающимися крышечками. Он посидел, подумал и на следующий день 20 таких пробирок привёз. Была немая сцена. «Юра, Вы летали в Америку?» Нет, это очередная проверка себя на прочность и новый ответ на вопрос: «Могу?». К тому же и зарплата увеличилась на 5 рублей. Этих пробирок делал столько, сколько просили.

А вот еще один случай. Нужно было починить ареометр, а для этого рассчитать диаметр отверстия. «Как Вам это удалось? Там же не подлезть?» – спрашивали те, кому позарез нужен был испорченный прибор. А как это мастер смог сделать, на этот вопрос ему и самому трудно ответить, знают руки и голова, и не всегда найдётся этому словесное определение.

Шёл 1979 год. Итальянцы в Житомире строили комбинат для производства фриона, монтировали и делали наладочные работы. Однажды разбили прибор. Заказывать в Италии – долгий процесс. Приходят к нему те, кто знал о его золотых руках умельца. Что делать? Посмотрел он этот прибор, сосредоточился – и сделал. Утром звонит: «Забирайте!». А итальянцы увидели и говорят: «Что вы ж не сказали, что прибор так быстро пришел из Италии?» Когда они выяснили, что сделал наш мастер, они захотели увидеться с ним. С иностранцами в то время запрещено было встречаться. Но, соблюдая все формальности, они пообщались. Итальянские инженеры были в восторге. Неужели в СССР есть такие мастера? И представили его всей итальянской делегации. А он, кандидат в мастера по волейболу, крепко каждому руку жал. Они с почтением пожимали в ответ.

Юрию Леньшину интересно делать всё из стекла, чтобы ответить на вопрос себе: «Можешь – не можешь?» Коллекция произведений, которая путешествует по миру, – в определенном количестве. Что-то остается навсегда. А что-то уходит. Хотелось бы хотя бы полгода посидеть и делать только то, что хочешь. И важно, чтобы это было востребовано. Художник свою деятельность делит на две части: искусство и коммерция – ненавязчивая. Основная задача – показать, что такое стеклодувное искусство. То, что экспонируется – это не продается, ни за что.

Юрий Юрьевич очень много ездил по миру. Выставки не организовывал сам. Обычно звонят. Пишут. Просят, что нужно. Сейчас за границу боятся приглашать в связи с санкциями. Ведь выставка – это акция. Это средство привлечения людей к России, к тому, как в ней живут, что умеют делать. Он рассказывает, как настоящий народный дипломат, какой город Калининград, какова его экономика. И его слушают очень внимательно, восхищаясь удивительным представителем России. За плечами огромнейший опыт общения, народной дипломатии. При таком опыте и нынешней ситуации ему бы не дома сидеть. Люди к нему тянутся. Он находит с ними общий язык. Вновь иностранцы дивятся русскому мастерству. Идёт на их глазах не только процесс выдувания искусной вещи. Это исключительная обстановка. Представитель России говорит о своей Родине языком искусства и щедро делится сокровищами своей никем не разгаданной души. К сожалению, этим не пользуется страна. А почему? Ведь потребность талантливого человека – отдать, «но пытайся для себя хранить тебе дарованное небесами» (А. Ахматова).

Идея – выйти на улицу, к людям, к народу – пришла ещё в советские времена в Таджикистане. Так появился уличный стеклодув, получивший народное признание.

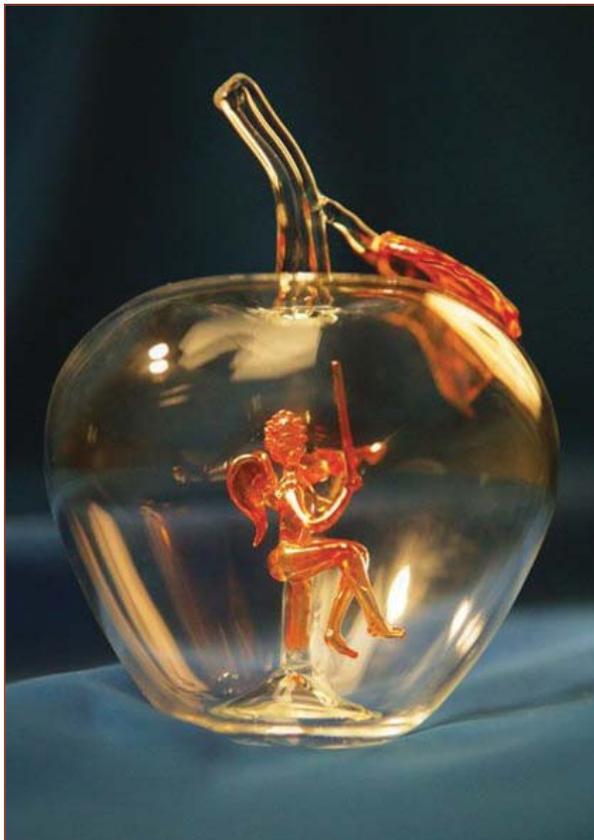
В Калининград Юрий Юрьевич приехал в 1992 году. И сразу начал работать на улице в Светлогорске. 15 лет отработал там в летний период с утра и до вечера. Сейчас – на острове Канта с 1 июня по 30 августа. С 12 часов до 20. Людей знакомых – огромное количество. Многие приезжают из разных уголков России, бросили чемоданы, и – быстрее к мастеру. Очень многие приезжают из-за него.

Много иностранцев. Недавно шведы рассказали, что они приехали по совету своих друзей, бывших в прошлом году в Калининграде, и вот прибыли, чтобы посмотреть на стеклодува мирового масштаба.

Юрий Леньшин родился в городе Советске Калининградской области в 1950 году, получил в Калининграде высшее образование по специальности – физвоспитание. А старинное мастерство

Париж, 2010

выдувания предметов из стекла освоил в Таджикистане, после службы в армии, на химическом комбинате. Еще при обучении учителя, желая проверить эластичность пальцев, требовали выдуть какие-то художественные образы: рюмочку, сапожок, а потом появились фигурки животных и птиц, сказочных пегасов, корабли, самовары, подсвечники, цветы. Кто-то просил что-то сделать на день рождения, и тут можно было в полную меру проявить свою фантазию, хотя когда увидел впервые, что делают мастера, был покорён и не верил, что сам такое сможет. Лаборатория относилась к химической промышленности и производству удобрений, где стеклянные приборы могли разбиться, заказывать было долго по времени исполнения и доставки, поэтому были свои стеклодувные мастерские. Тяга к этому, можно сказать, магическому делу была так велика, что двадцать пять лет Юрий Юрьевич проработал стеклодувом-аппаратурщиком на предприятиях Минхимпрома СССР в Житомире (Украина) и Калининграде (Таджикистан).

С 1976 года Юрий Леньшин начал выставочную деятельность. Его персональные выставки проходили в Англии, Швеции, Италии, Франции, Германии, Канаде, Финляндии, Польше, Голландии, Бельгии, Бенине, Мальте, Кипре, Люксембурге, Дании, Эстонии, Хорватии, Коста-Рике, на Кубе и в других странах. Многие из его произведений стали экспонатами известных музеев и частных коллекций, вошли в собрания коллекционеров стран Западной и Восточной Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Африки, Австралии. В 2011 году Татьяна Полоскова по линии международного фонда, который она тогда возглавляла, организовала тур на Кубу и Коста-Рики. Выставка Юрия Леньшина, как и в других странах, отличалась высокой посещаемостью, огромным интересом и высокой оценкой. Куба избалована всякими акциями, почти каждую неделю выступают голливудские звёзды, но стеклодув из России был первым по интересу кубинцев. Он рассказывал о Калининграде, о его культуре местным деятелям культуры, различным представительствам, официальным кругам и на пресс-конференциях. Это ведь очень важно, российская культура востребована в разных странах, им интересна не только Москва, но и провинция.

Он автор уникальных памятных призов для международных фестивалей и спортивных соревнований, а также памятных подарков для государственных и общественных деятелей России и зарубежья. 48 лет – профессиональный стаж стеклодува. Он награждён медалью «За трудовую доблесть», серебряной медалью Российской Академии Художеств. Его имя внесено в Калининградскую энциклопедию, в российскую «Книгу Рекордов Планеты», в швейцарское справочное издание «Who is who», его имя присвоено одному из классов Знаменской средней школы Калининградской области.

Юрий Леньшин – это бренд Калининграда. Так высоко его стеклодувное мастерство и настоящая миссия народного дипломата. Его выставки неизменно вызывают огромный ажиотаж. Когда человек, развитый, интеллектуальный, деятельный, имеет масштабное мышление и внутренний стержень, к нему тянутся люди и высоко ценят, признавая потрясающее искусство.

Наши друзья

Советуем почитать:

<http://www.rospisatel.ru/>

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistitskogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

<http://cultinfo.ru/> Культура в Вологодской области

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru

*Отель «Самбия» в Зеленоградске –
это отдых у самого Балтийского побережья!*

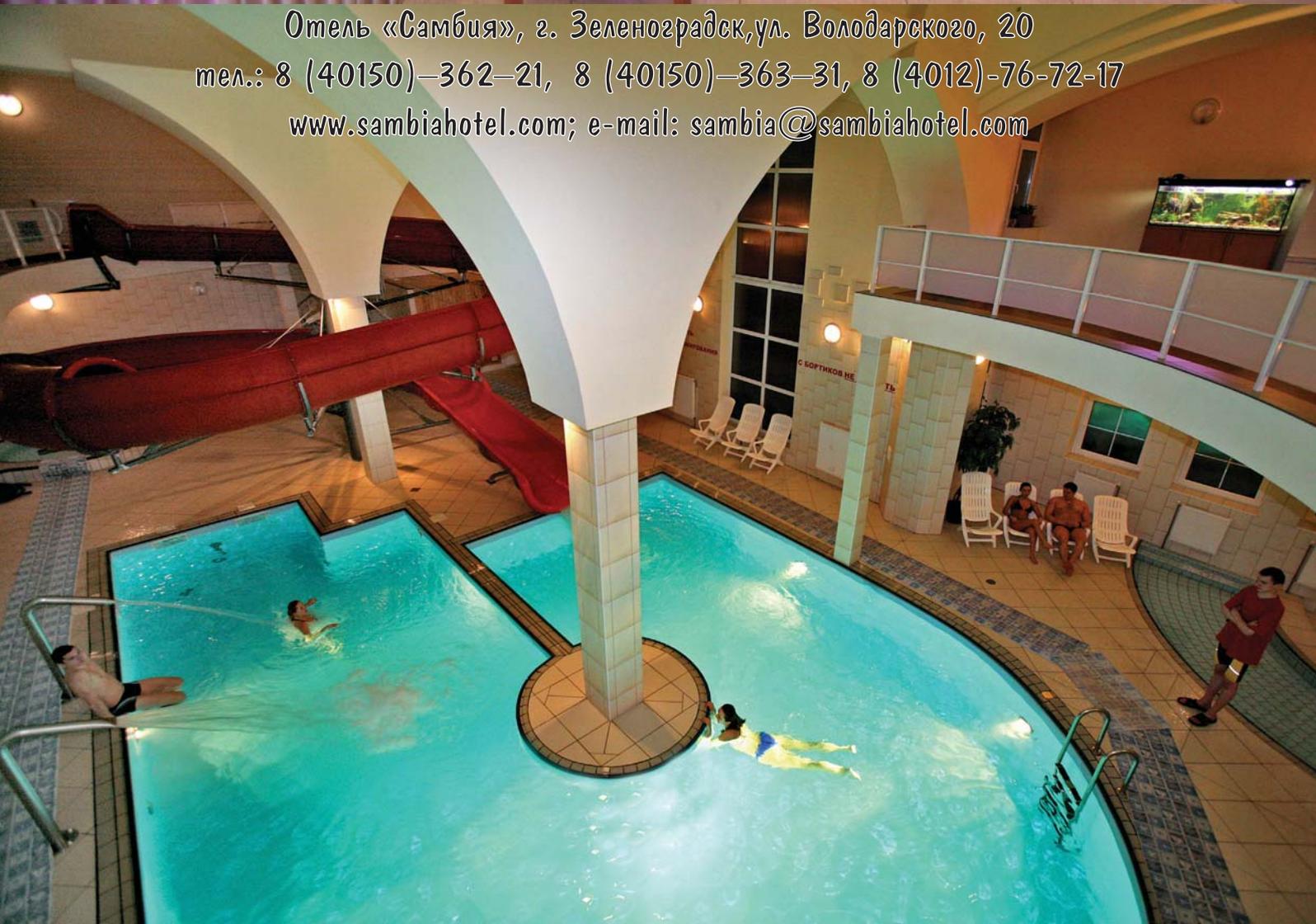
Комфортабельные номера с видом на море.
Уютный ресторан, состоящий из 2-х залов:
один в классическом стиле,
другой — с видом на море.

Всегда к Вашим услугам:
аквапарк, конференц-зал на 100 человек,
бильярд, янтарная комната, арома комната,
тренажёрный зал, салон красоты, солярий,
массаж, детская площадка...
и всё, чтобы сделать Ваш отдых
беззаботным и приятным!

Отель «Самбия», г. Зеленоградск, ул. Володарского, 20
тел.: 8 (40150)–362–21, 8 (40150)–363–31, 8 (4012)-76-72-17
www.sambiahotel.com; e-mail: sambia@sambiahotel.com

Есть ли что прекраснее движения по воде? Плавать необходимо, — считали древние греки. В Священном Писании говорится: Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Можно философски поразмышлять о вечном двигателе — вечном круговороте воды в природе, а можно ни о чем не думать и только наслаждаться движением сине-зеленой воды, полетом белокрылых чаек, насыпных островов, яркими красками архитектурных достопримечательностей, свежим воздухом, высоким небом и ощущать... блаженство!

Аква Вояж — судоходная компания,
которая предлагает совершить прогулку
на теплоходе «Самбия»

- Водные экскурсии по Калининграду и области.
- Аренда т/х «Самбия» для частных мероприятий.
- Своя кейтеринговая служба на борту.

Адрес офиса: М.Баграмяна,14

тел. 8-4012-67-45-04

моб. 89062367372

sambia@cruisekaliningrad.ru

www.cruisekaliningrad.ru

Калининград
ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС
«ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР»

Красота и тщательная планировка архитектурного ансамбля из семи домов в стиле неоклассицизм, особое внимание к житейским мелочам делают **«ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР»** жильем нового поколения.

Запишитесь на экскурсию по Цветному Бульвару 8 (4012) 37-99-96

Монтаж бронзового фонарщика. Скульптор Николай Фролов

Офис продаж:

Калининград,
ул. Артиллерийская, 71.

Телефон: 8 (4012) 37-99-96

Email: cb39aip@gmail.com

Веб-сайт: <http://www.cb39.ru>

Местоположение:

ЖК «Цветной Бульвар»,
Артиллерийская ул. 71–83